

CRIME CONTROL AS INDUSTRY

Towards GULAGS,
Western Style

Nils Christie

UNIVERSITY OF OSLO

Third
edition

ROUTLEDGE
London and New York

© 1993 Nils Christie

БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ КАК ИНДУСТРИЯ

Вперед, к ГУЛАГу
западного образца

Нильс Кристи

УНИВЕРСИТЕТ ОСЛО

Перевод с английского

2-е издание

Москва, 2001

ББК 67.408
УДК 343.24
К 82

Издание второе, переработанное, дополненное

Перевод с английского
Александра Петрова (гл. 1, 2, 4, 5, 7);
Веры Пророковой (гл. 3-12)

Редактор и автор примечаний
Юрий Чижов

*Издательство благодарит фонд МУНИН –
Marketing Unit for Norwegian International Non-fiction (MUNIN),
оказавший финансовую поддержку перевода книги на русский язык.*

Кристи Нильс. Борьба с преступностью как индустрия.
К 82 Вперед, к Гулагу западного образца / Пер. с англ. А.Петрова,
В.Пророковой. Предисл. Я.Гилинского. 2-е изд. – М.: РОО
«Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2001. –
224 с.

Автор – всемирно известный криминолог Нильс Кристи – рассматривает проблему уголовного наказания в контексте глобального социально-экологического кризиса, переживаемого сегодня человечеством.

Данная работа Н.Кристи представляет интерес для самой широкой читательской аудитории. Книга адресована прежде всего лицам, принимающим ответственные решения в области уголовной политики, а также в других сферах контроля над отклоняющимся поведением.

ISBN 5-901458-03-6

*2-е издание книги осуществлено при финансовой поддержке
«Международной тюремной реформы»
(Penal Reform International)*

© Кристи Нильс, 1999.
© РОО «Центр содействия реформе
уголовного правосудия», 2001.

Оглавление

Предисловию к 3-му английскому изданию	7
Предисловие к русскому изданию. <i>Я. Гиллинский</i>	9
<i>Глава 1. Эффективность и мораль</i>	13
<i>Глава 2. Око Всевышнего</i>	18
2.1. Одиночество	18
2.2. Посторонний	19
2.3. Там, где нет преступности	20
2.4. Неограниченный источник преступности	22
<i>Глава 3. География наказаний</i>	23
3.1. Карты боли и страдания	23
3.2. Западная Европа	24
3.3. Центральная и Восточная Европа	26
3.4. Северная Америка	29
3.5. Центральная и Южная Америка	34
3.6. Образ мышления как важный фактор	37
<i>Глава 4. Почему заключенных так мало?</i>	38
4.1. Встречи в горах	38
4.2. В ожидании наказания	41
4.3. Ужасы старых добрых времен	43
4.4. Политическая идентификация	46
4.5. Балтийский опыт	51
4.6. Терпимость сверху	52
4.7. Страны всеобщего благосостояния на грани кризиса	55
4.8. Будет ли это продолжаться?	57
<i>Глава 5. Почему заключенных так много?</i>	61
5.1. Избыточное население	61
5.2. Жизненные опоры	63
5.3. Контроль над опасными социальными группами	65
5.4. Европейская крепость, западное крыло	70
<i>Глава 6. Русский вопрос</i>	74
6.1. Возвращение домой	74
6.2. Труд в тюрьмах	75
6.3. В ожидании приговора	76
6.4. Туберкулез	78
6.5. Силы противодействия	80
6.6. Грядущие опасности	81
<i>Глава 7. США. Законодатель тенденций</i>	85
7.1. Кого возлюбишь, того и покараешь	85
7.2. Великая тюрьма	86

7.3. Черные цифры	88
7.4. Из штата в штат	92
7.5. Состояние тюрем	93
7.6. Объяснение преступности	100
7.7. Без тормозов	104
Глава 8. Борьба с преступностью как продукт	106
8.1. Самореклама	106
8.2. Личная инициатива	112
8.3. Технологические нововведения	120
8.4. Тюрьмы как производственные комплексы	130
8.5. Стимул к развитию сельского хозяйства	133
8.6. Тюрьмы в экономике страны	134
Глава 9. Несовместимые ценности	139
9.1. Торговля правом исполнять наказания	139
9.2. Торговля правом осуществлять надзор	144
Глава 10. Новые решения	147
10.1. 4926 абитуриентов	147
10.2. Узкое место	149
10.3. Руководства по принятию трудных решений.	150
10.4. О чистоте правосудия	153
10.5. Союз обвиняемого с прокурором	157
10.6. Деперсонализация	159
Глава 11. Правосудие вершится или направляется?	161
11.1. Сельское право	161
11.2. Представительское право	163
11.3. Независимое право	165
11.4. Тихая революция	167
11.5. Эмоциональное поведение	170
Глава 12. Современность и контроль поведения	172
12.1. Дети современности	172
12.2. Ряса дьявола	177
12.3. Нужен ли ограничитель роста?	179
12.4. Убийство как индустрия.	180
12.5. Убийство по медицинским показаниям	182
12.6. Легализованное убийство	184
Глава 13. Борьба с преступностью как культура	186
13.1. Общечеловеческая сущность	186
13.2. Что есть право?	190
13.3. Уместное количество страданий	192
Примечания. Ю. Чижев	196
Список литературы	208

Предисловие к третьему английскому изданию

В книгу были внесены существенные изменения и дополнения¹. Из графика, приведенного ниже, ясно, почему это было необходимо. В нем показано, сколько было заключенных в США (на 100 000 жителей) с 1945 по 1999 годы. Жирная линия обозначает данные по федеральным тюрьмам и тюрьмам штатов, пунктирная – с учетом содержащихся в местных тюрьмах.

Количество заключенных в тюрьмах США (на 100 000 жителей) в 1945-1999 гг. Данные за 1985-1999 – с учетом содержащихся в местных тюрьмах.

¹ Выражаю благодарность Рагнильду Хеннуму за помощь в подготовке книги, Энн Тернер – за советы по тонкостям английского языка, Марит Хатлеског и Ригмору Бергету – за помощь и поддержку в издательском процессе. И еще – благодарность Хеддафораллу.

Вот три основные даты написания и переработки этой книги.

В 1991 году, когда готовилось первое издание, количество заключенных в США достигло 1 219 014 человек, или 482 на 100 000 жителей.

В 1993 году, во время работы над вторым изданием, заключенных было 1 369 185 или 537 человек на 100 000 жителей. В подзаголовке книги стоял вопрос: «Вперед, ГУЛАГу западного образца?» Во втором издании вопросительный знак я убрал.

В конце 1999 года в США было предположительно 1 934 532 заключенных, то есть 709 на 100 000 жителей. В феврале 2000 года, когда готовилось в печать третье издание книги, количество заключенных в США перевалило за два миллиона¹.

В России ситуация схожая, о чем написано в главах 3 и 6. То, что в 1991 году внушало тревогу, на рубеже веков обернулось катастрофой.

Чтобы отследить все эти изменения, я переработал и переписал значительную часть книги. Появились две новые главы – в «Географии наказаний» и в «Русском вопросе». Главы 4, 5, 7, 8 и 9 значительно переработаны, старую главу 10 я убрал, а остальные главы оставил без изменений. Объем книги я не увеличивал. Исландские саги писали, пока рассказывали, и заканчивали тогда, когда (воображаемые) слушатели засыпали. Очень полезная традиция.

Осло, февраль 2000,

Н. К.

¹ Los Angeles Times Service, 16 февраля 2000 г. – по данным Института правовой политики, Вашингтон.

Предисловие к первому русскому изданию

Автор предлагаемой российскому читателю книги – профессор криминологии Университета Осло (Норвегия) Нильс Кристи хорошо известен мировому научному сообществу, а благодаря переведенной в 1985 г. на русский язык книге «Пределы наказания» – и отечественным читателям.

Н.Кристи многие годы был директором норвежского Института криминологии и уголовного права, президентом Скандинавского Совета по криминологии. Он член Академий наук Норвегии и Швеции, автор множества статей и более чем десяти книг, из которых наиболее, пожалуй, известная и постоянно цитируемая книга – «Борьба с преступностью как индустрия. Вперед, к ГУЛАГу западного образца?» (1993).

Все труды Н.Кристи и его устные выступления, в том числе в Москве и в Санкт-Петербурге, служат образцом научной корректности и гуманизма. Профессор Кристи всегда на стороне «униженных и оскорбленных». Он последовательный противник смертной казни, роста «тюремного населения», сторонник гуманизации наказания (при неременной защите интересов потерпевших). Кристи прекрасно понимает, что наказание, особенно в его наиболее репрессивных формах, – само есть зло, и пользоваться им следует с особой осторожностью и в минимальных размерах. Поэтому он всегда участвует в движениях, практической деятельности, направленных на минимизацию негативных последствий наказания. Нильс Кристи – один из основателей движения аболиционизма (за отмену смертной казни и применение мер, альтернативных лишению свободы), один из иностранных экспертов Национальной комиссии по уголовной юстиции США, которая в итоговом докладе (1996) приходит к выводу: от войны с преступностью, от войны с наркотиками пора переходить к стратегии «сокращения вреда».

В научных трудах и в практической деятельности Кристи выступает за равноправные, партнерские отношения с заключенными и наркоманами, людьми с психическими отклонениями. Еще одна книга на эту тему – «По ту сторону одиночества. Сообщества необычных людей» – также переведена на русский язык и издана в 1993 г.

Идеи, которые последовательно развивает и отстаивает Нильс Кристи, особенно необходимы в современном мире, когда насилие и преступность все чаще напоминают о себе. Отказ от насилия, терпимость к

инакомыслию и инакодействию, мирное разрешение неизбежных в обществе конфликтов – вот единственно возможный путь, не влекущий человечество в бездну кровавой бойни.

Думается, излишне пересказывать содержание предлагаемой книги Н.Кристи. Вдумчивый читатель сам найдет в ней пищу для размышлений, а может быть, и для дискуссий. Мне остается лишь порадоваться, что еще одна книга известного ученого и прекрасного человека становится доступной русскоязычному читателю.

*Доктор юридических наук,
профессор Яков Гилинский*

Посвящается Ивану Ильичу

Эффективность и мораль

Эта книга – предостережение о позднейших неблагоприятных тенденциях в области борьбы с преступностью. Постановка вопроса проста. Общество на Западе повсеместно сталкивается с двумя главными проблемами: неравномерное распределение богатства и неравный доступ к оплачиваемой работе. Обе они несут в себе потенциал возникновения беспорядков. Индустрия борьбы с преступностью способна справиться с обеими проблемами. С одной стороны, она является источником работы и прибыли, с другой – обеспечивает контроль над теми, кто мог бы стать источником социальных потрясений.

По сравнению с другими отраслями, индустрия борьбы с преступностью занимает одну из самых привилегированных позиций. Здесь нет недостатка сырья, поскольку конца преступности не видно. Не видно также конца спросу на соответствующие услуги, равно как и готовности платить за то, что понимается как безопасность. При этом обычные вопросы загрязнения окружающей среды, присущие другим отраслям, не возникают вообще. Напротив, эта отрасль индустрии предназначена для очистки, удаления нежелательных элементов из социальной системы.

От людей, занятых в какой-либо индустриальной отрасли или связанных с ней, не часто можно услышать заявления о том, что в данный момент размер системы оптимален: «мол, мы сейчас достаточно развиты, твердо стоим на ногах и не нуждаемся в дальнейшем росте». Стремление к экспансии заложено в индустриальном образе мышления, хотя бы как результат стремления избежать поглощения конкурентами.

Не является исключением и индустрия борьбы с преступностью.

Но эта отрасль обладает специфическими преимуществами в интересующем нас смысле, поскольку она обеспечивает средства для ведения, как часто говорится, перманентной войны с преступностью. Инду-

стрия борьбы с преступностью, как в случае с кроликами в Австралии или с дикими норками в Норвегии, имеет очень мало естественных врагов.

Вера в то, что война, не замечаемая другими отраслями индустрии, идет, является мощной движущей силой развития отрасли. Другой силой является общая тенденция перехода на индустриальный способ мышления, организации и поведения.

Институт законности находится в процессе изменения. Прежним его символом была богиня правосудия с завязанными глазами и весами в руке. Перед ней стояла задача сбалансировать множество противоположных ценностей. Эта задача более не актуальна. Внутри института законности произошла тихая революция, обеспечившая все возрастающие возможности роста индустрии борьбы с преступностью.

Благодаря этим изменениям сложилась ситуация, от которой следует ожидать значительного роста количества заключенных.

Однако здесь действуют и противоположные силы. Как будет ниже документально показано, существуют огромные расхождения между показателями количества заключенных в странах, разница между которыми в других отношениях относительно невелика. Перед нами также стоят «необъяснимые» вариации этих показателей внутри одной страны. Количество заключенных может падать в те периоды, когда оно, если судить по показателям уголовной статистики, экономики и материальным условиям жизни, должно расти, и наоборот, количество заключенных может расти в то время, как, по тем же самым показателям, оно должно падать. За этим «неправильным статистическим поведением» стоят представления о том, что должно считаться правильным и справедливым по отношению к человеческим существам – представления, которые противодействуют «рациональным» индустриально-экономическим подходам. В первых главах книги документально зафиксировано влияние этих противодействующих сил.

Из всего этого я делаю следующий вывод. В нашей нынешней ситуации, исключительно выгодной для роста количества заключенных, особенно важно осознавать, что вопрос о количестве заключенных является нормативным. Мы свободны в своих решениях. И в то же время именно мы обязаны принимать эти решения. Мы сами должны устанавливать пределы роста тюремной индустрии.

Ситуация, в которой мы находимся, настоятельно требует серьезного обсуждения того, до каких пределов можно допустить рост нынешней системы внешнего контроля. Размышления, анализ ценностей, этические соображения – но не индустриальный подход – должны определять пределы контроля, давать ответ на вопрос о его достаточности. Количество заключенных является результатом принимаемых нами решений.

Мы свободны в своем выборе. Экономические и материальные факторы становятся главными только тогда, когда мы не осознаем этой свободы. Борьба с преступностью стала индустрией. Однако индустрия должна быть сбалансирована. Эта книга – о резком подъеме тюремной индустрии и, в то же время, о противодействующих моральных факторах.

Сказанное вовсе не означает, что современное общество безразлично к защите жизни, здоровья или собственности. Напротив, жизнь в высокоразвитом обществе во многих случаях предполагает такое окружение, в котором правоохранительные институты считаются существенной гарантией безопасности. Ничего хорошего не получится, если не принимать эту проблему всерьез. Каждое современное общество должно уделять внимание тому, что в целом воспринимается как проблема преступности. Государство должно держать под контролем эту проблему, расходуя деньги, привлекая людей, создавая условия. Написанное ниже не должно рассматриваться как призыв к возврату на низшую ступень социальной организации, свободную от внешнего контроля. Это призыв к размышлению о границах такого контроля.

За моими предостережениями по поводу этих тенденций лежит тень нашей новейшей истории. Недавние исследования, посвященные концентрационным лагерям и Гулагу, привели нас к новым важным идеям. Проблема не в том, как это могло случиться. Проблема скорее в том, почему это не случалось чаще, а также когда, где и как это произойдет в следующий раз¹. Книга Зигмунта Баумана «Современность и Холокост»* (Zygmunt Bauman, *Modernity and the Holocaust*, 1989) является вехой в развитии этого подхода.

Современные институты борьбы с преступностью содержат определенные потенции их перерастания в Гулаг западного образца. С окончанием холодной войны, в состоянии глубокого экономического спада и в ситуации, когда у ведущих промышленных стран больше нет внешних врагов, против которых они могли бы мобилизовать свой потенциал, вовсе не кажется невероятным, что наивысший приоритет будет отдан войне против внутренних врагов, что подтверждается твердо установленными историческими прецедентами.

¹ Мы имеем полное право сказать: вопрос не в том, когда или где случится новый Холокост. Он уже происходит – финансовая и индустриальная политика Запада в странах третьего мира чревата смертью и разрушениями. Однако в этой книге я ограничусь вопросом о положении дел в развитых странах. На Западе проблема контроля над преступностью – это микрокосмос. Если нам удастся понять, что происходит в некоторых из развитых стран, нам будет легче осмыслить феномен стран третьего мира.

* См. примечания в конце книги (ред.).

Гулагии западного образца не будут предназначены для уничтожения. Однако они позволяют устранять из повседневного общественного быта значительную часть потенциальных нарушителей порядка на срок, охватывающий большую часть их жизни. Потенциально такие институты могут трансформировать жизнь этих людей, в ее наиболее активной стадии, в такое существование, определение которого очень близко к немецкому выражению о жизни, которую не стоит проживать. «Не существует такого типа национального государства, которое было бы полностью невосприимчиво к возможности попасть под власть тоталитарного режима», говорит Энтони Гидденс (Anthony Giddens, 1985, p. 309). Я хотел бы добавить следующее. В современном обществе главная опасность преступности состоит не в преступлениях, а в том, что борьба с преступностью может столкнуть общество на тоталитарный путь развития.

Анализ, который я здесь предлагаю, глубоко пессимистичен и, как таковой, противоположен тому, что, как я полагаю, является основой моего отношения ко многому в жизни. Следует также отметить, что мои размышления относятся прежде всего к США – то есть стране, к которой я, по многим причинам, чувствую свою близость. Отдельные части этой работы я довел до сведения моих американских коллег в ходе семинаров и лекций как в США, так и за пределами этой страны. И, как мне известно, они были обескуражены. Они не обязательно высказывали несогласие. Наоборот, мои коллеги скорее были озабочены тем, что их рассматривают как представителей (которыми они, разумеется, являются) страны с особой склонностью к тем тенденциям, которые я обрисовал. В такой ситуации немного удовольствия в утверждениях о том, что Европа имеет большие шансы в какой-то момент последовать примеру своего старшего брата на Западе.

Однако предостережение также может быть актом, несущим оптимистическое начало. Предостережение предполагает веру в возможность изменений.

* * *

Эта книга посвящена Ивану Илличу*. На его идеях основано многое, изложенное здесь, и, кроме того, он очень много значил для меня лично. Иллич не пишет о борьбе с преступностью как таковой, однако он видел корни того, что мы видим сейчас: средства решения проблем, приводящие к зависимости от этих средств, знания, ставшие вотчиной экспертов, уязвимость человека, вынужденного верить в то, что решения его проблем находятся в руках и умах других людей. То, что происходит при индустриальном подходе к проблеме борьбы с преступностью, представляет собой экстремальное проявление тех тенденций, о которых постоянно предостерегал Иван Иллич. Я включил в библиографию

названия некоторых из его основных работ, хотя на них и нет прямых ссылок в тексте. Его работы присутствуют в книге несмотря ни на что.

Несколько заключительных замечаний, касающихся моих притязаний, формы изложения и языка.

Данная работа представляет собой попытку создать целостное представление об обширной группе явлений, которые очень часто рассматриваются изолированно друг от друга. Из некоторых глав могли бы получиться отдельные книги, однако для меня было интересно представить их вместе, то есть в форме, открытой для исследования взаимных связей между ними. Я пытаюсь помочь читателю самому определить эти взаимосвязи, не особенно склоняя его к своему собственному их пониманию. Представленный мной материал можно интерпретировать способами, которые совершенно отличаются от того, что я имел в виду. Это можно только приветствовать. У меня не было желания создать нечто замкнутое, закрытое, напротив, я стремился открыть новые перспективы в бесконечном поиске смысла.

О языке и форме изложения. Текст на социологическом жаргоне обычно заполнен понятиями, заимствованными из латыни, он перегружен сложной структурой предложений. Это выглядит так, как если бы использование простых слов и предложений подрывало доверие к доводам и объяснениям. Я ненавижу эту традицию. Я пишу, держа в голове образ «любимой тетушки», то есть обобщенную фигуру простого человека, достаточно благосклонного ко мне, чтобы сделать попытку понять текст, но благосклонного не до такой степени, чтобы разбираться в смысле терминов и предложений, специально усложненных для того, чтобы выглядеть научными.

Око Всевышнего

2.1. Одиночество

Воскресное утро. Центр Осло как будто вымер. Когда я приехал, ворота в парк, окружающий университет, были закрыты. Закрыты были и вход в институт, и дверь в мой кабинет. У меня было ощущение, что я единственный живой человек во всем комплексе. Меня не видела ни одна душа. Я был неподконтролен никому и ничему, кроме того, что было изначально вложено в меня.

В исторической перспективе это весьма редкая ситуация: никаких посторонних наблюдателей, кроме тебя самого. Это не было характерно (по крайней мере, до такой степени) для жизни предшествующих поколений или поколения наших родителей. И чем дальше я мысленно продвигаюсь по шкале времени, тем больше становится уверенность в том, что наши предки никогда не переживали состояния одиночества, но всегда находились под наблюдением со стороны. Как минимум, Всевышний присутствовал всегда. Он мог быть снисходительным, относиться с пониманием, учитывать ситуацию. Он мог быть всепрощающим. Но Он присутствовал всегда.

Это же относится и к обычным людям.

К концу одиннадцатого века инквизиция всю заработала во Франции. Часть исключительно подробных протоколов допросов все еще хранится в Ватикане, и Ладури (Ladurie, 1978) использовал их в своей реконструкции жизни горной деревушки Монтеллу с 1294 по 1324 гг. Он описывает запахи, звуки и характерное ощущение прозрачности стен. Жилища не были предназначены для уединения. Они и не строились с таким расчетом – отчасти по причине материальных ограничений, отчасти просто потому, что сама возможность побыть одному не считалась особенно существенной. Если Всевышний все равно все ви-

дит, какой смысл отгораживаться от соседей? Это было продолжением некоей древней традиции. Корень английского слова *private* (личный, уединенный) происходит от латинского *privare*, что означает потерю, изъятие, в общем – лишение. Этим воскресным утром я чувствую себя здесь потерянным, совершенно одиноким за запертыми дверями и воротами университета.

2.2. Посторонний

В Берлине, в 1903 году, Георг Зиммель (Georg Simmel) опубликовал свое знаменитое эссе о романе «Посторонний» («The Stranger») под названием «Exkurs über den Fremden». По Зиммелю, посторонний – это не тот человек, что пришел сегодня и уйдет завтра. Это тот человек, что пришел сегодня и останется назавтра, а может быть, и навсегда, но при этом всегда готовый уйти. Даже если он и не уходит, он никогда не лишает себя свободы выбора. Это то, что он знает. Знают об этом и те, кто его окружают. Он остается участником, членом группы, но в меньшей степени, чем другие. Окружение никогда не имеет для него решающего значения.

Георгу Зиммелю очень понравилась бы *диаграмма 2.2-1*.

Сплошная линия на графике показывает количество всех видов правонарушений на 1000 жителей, которые были расследованы норвежской полицией с 1956 по 1997 гг. Это обычная картина для большинства индустриальных стран. В абсолютных цифрах это соответствует росту с 26 140 до 272 651 правонарушений. Пунктирная линия (в силу малости цифр данная в расчете на 100 000 населения, а не на 1000, как для правонарушений всех видов) показывает количество случаев оскорбления достоинства, а также клеветы и диффамации, которые все еще считаются уголовными преступлениями в нашей стране. Как видно, здесь имеет место противоположная тенденция. Количество преступлений против достоинства существенно уменьшилось за последние 35 лет – с 1103 до 745 в абсолютных цифрах.

Моя интерпретация этих цифр тривиальна. Люди не стали относиться к другу к другу или относиться с большим уважением к достоинству других. Причина просто в том, что потеря здесь не очень велика. Достоинству сейчас не придается настолько большое значение, чтобы бежать в полицию при каждом оскорблении. В современном обществе имеется масса условностей – искусственных или не очень – конечный эффект которых для людей не имеет сейчас такого большого значения, как раньше.

Диаграмма 2.1-1. Все виды зарегистрированных преступлений на 1000 жителей, а также расследованные случаи клеветы и диффамации на 100 000 жителей. Норвегия, 1956-1997 гг.

Мы обречены на одиночество – уединенность или окружение людей, которых мы недостаточно хорошо знаем, если знаем вообще. Мы окружены либо знакомыми людьми, которых можем без затруднений покинуть, либо людьми, которые могут оставить нас с легкостью посторонних. В такой ситуации потеря достоинства уже не так существенна.

На следующей остановке нашего жизненного пути мы окажемся среди людей, которые нас не знают. Но по этой же самой причине наше окружение тоже до некоторой степени теряет власть над нами – и кривая количества всех зарегистрированных правонарушений устремляется вверх.

2.3. Там, где нет преступности

Один из подходов к рассмотрению преступности состоит в том, что это явление может восприниматься как своего рода фундаментальный феномен: определенные действия рассматриваются как изначально преступные. Экстремальным случаем являются злодеяния (*natural crime*), то есть действия настолько дурные, что они сами определяют себя как преступления, или, как минимум, рассматриваются как преступления с точки зрения любого здравомыслящего человеческого существа. Если такие

действия не считаются преступлениями, то природа этих существ не человеческая. Эта точка зрения, вероятно, близка к тому, что большинство людей интуитивно чувствуют, думают и говорят о серьезных преступлениях. Моисей дал закон, Кант использовал понятие злодеяния как основу для своей юридической концепции.

Однако общественные системы, где преобладают такие взгляды, также ставят определенные пределы росту преступности.

Под этим лежит простой механизм. Возьмем детей. Своих и чужих. С большинством из них бывают случаи, когда их поведение с точки зрения закона можно назвать преступным. Скажем, из кошелька пропали деньги. Сын не говорит правду, по крайней мере, всю правду, где он провел вечер. Он колотит своего брата. Однако в таких случаях мы не применяем категории уголовного права. Мы не называем детей преступниками, равно как не называем их действия преступлениями.

Почему?

Просто потому, что это кажется несправедливым.

Почему несправедливым?

Потому, что мы слишком много знаем. Мы знаем ситуацию в целом: сыну отчаянно нужны были деньги, он влюбился первый раз в жизни, брат дразнил его так, что невозможно было терпеть, — то есть его поступки объяснимы, и тут нечего добавить с точки зрения уголовного права. И своего сына мы прекрасно знаем по тысячам его поступков. При условии исчерпывающего знания юридические категории слишком узки. Сын действительно взял эти деньги, но мы помним множество случаев, когда он щедро делился деньгами или сладостями, мы помним о его сердечности. Он действительно стукнул своего брата, но куда чаще утешал его. Он действительно солгал, но по своей натуре он глубоко правдив.

Таков он. Но это не обязательно верно в отношении мальчика, который сейчас переходит улицу.

Действия не являются, а *становятся* теми или иными. То же и с преступностью. Преступлений как таковых не существует. Некоторые действия становятся преступлениями в результате долгого процесса придания смысла этим действиям. Особенную роль играет при этом социальная дистанция. Эта дистанция усиливает стремление трактовать определенные действия как преступления, а людей, совершающих такие действия, упрощенно считать преступниками. В другой обстановке (и семейные отношения являются только одним из примеров этого ряда) социальные условия могут противодействовать тому, чтобы определенные поступки воспринимались как преступления, а люди, их совершающие, — как преступники.

2.4. Неограниченный источник преступности

В тех обществах, где ограничиваются стремления воспринимать определенные поступки как преступления, где возможность их совершения ограничивается оком Всевышнего, отношением соседей и положением человека в обществе, закон можно рассматривать как средство, применяемое к людям, оставшимся вне таких ограничений. Закон применяется к людям, проскользнувшим через первую заградительную линию и попавшим в поле зрения властей. В данной ситуации нет ни возможности, ни необходимости обращаться к *сборнику прецедентов*. Судьи должны иметь дело с тем, что у них перед глазами. Воздать должно¹.

Однако, как видим, у нас другая ситуация. Изменения социальной системы привели к снижению порога восприятия. И теперь даже незначительные проступки рассматриваются как преступления, а совершившие их люди – как преступники. В то же самое время мы находимся в ситуации, когда прежние барьеры, предупреждавшие нежелательные поступки, не действуют, но вместе с этим созданы новые технические средства контроля. Господь Бог и соседи заменены новыми эффективными средствами наблюдения.

В нашей конкретной ситуации преступность является массовым феноменом. Гнев и страх, вызванные действиями, которые современное общество склонно воспринимать как злодеяния, становятся движущей силой в борьбе со *всеми* видами преступлений. *Это новая ситуация, характеризующаяся неиссякаемостью источника поступков, которые можно определить как преступления. И такая ситуация создает неограниченные возможности для борьбы со всеми видами нежелательных действий.*

Живая традиция тех времен, когда все преступления можно было квалифицировать как злодеяния, в сочетании с неиссякаемым источником поступков, которые ныне могут рассматриваться как преступления, подготовили почву: рынок борьбы с преступностью ждет своих предпринимателей.

¹ Когда они наказывают преступника, ответственность лежит не на них. Она – на человеке, совершившем, как мы называем, природный грех. Такой реактивный образ действий в отличие от про-активного весьма надежно защищает тех, кто управляет всей системой. Ответственность за то, что происходит далее, целиком ложится на совершившего преступление. Он или она действуют, а власти вынуждены противодействовать. Виной всему тот, кто нарушает закон, а власти лишь восстанавливают баланс* (см. Примечания к книге).

География наказаний

3.1. Карты боли и страданий

В этой главе мы приводим несколько карт, на которых наглядно представлена ситуация с заключенными в Европе и Америке. Следовало бы включить и карты других частей света, по которым у меня имеются данные. Но, к сожалению, я мало что знаю об условиях жизни, например, в странах Азии и Африки, поэтому не могу рассуждать о них подробно. А голые цифры при подобного рода анализе мало о чем говорят. Большинство данных почерпнуто мной из весьма подробной работы Роя Уомсли (Roy Wamsleys, 1999), а некоторые получены от коллег, живущих в тех странах, о которых я пишу.

Величину наказания, применяемого в правовой системе любой страны, можно измерить несколькими способами. Я буду приводить в основном данные, касающиеся тюремного заключения. После смертной казни тюремное заключение¹ является самой сильной мерой наказания из тех, которыми располагает государство. Все мы вынуждены мириться с разного рода ограничениями: вынуждены работать для собственного выживания, обязаны подчиняться начальству, заперты в рамках социальных классов, томимся в классах учебных, вовлечены в различного рода общественную деятельность. Но за исключением смертной казни и пыток, ограниченно применяющихся в большинстве стран, о которых

¹ Тюремное заключение – наказание в виде лишения свободы. Во многих странах, в том числе в США, отбывается в тюрьмах (в США – в федеральных тюрьмах, тюрьмах штатов и местных тюрьмах). В России наказание в виде лишения свободы взрослые отбывают в исправительных колониях, подростки (от 14 до 18 лет) – в воспитательных колониях. Реже – в тюрьмах и СИЗО. (Прим. издат.)

идет речь в этой книге, нет никакого столь же всеобъемлющего средства ограничений, унижений и демонстрации силы, как тюрьма.

В качестве количественной меры применения тюремного заключения в данной стране я буду пользоваться относительным показателем количества заключенных на 100 000 населения в текущий момент времени. Это не совсем точный индикатор, но наилучший из возможных при сравнении разных стран. Стинхуз (Steenhuis, 1983) и его соавторы критически отзываясь о применении этого показателя. Низкое его значение, как они утверждают, может свидетельствовать как о большом количестве заключенных с небольшими сроками, так и о небольшом количестве отбывающих пожизненное заключение. Для меня это неубедительно. Независимо от распределения по длительности сроков заключения, представляется резонным утверждение, что в стране с 500 заключенными на 100 000 жителей уровень наказаний выше, чем в стране с 50 заключенными на 100 000¹.

3.2. Западная Европа

На *карте 3.2-1* мы видим общую ситуацию. Можно выделить два момента.

Во-первых, количество заключенных весьма различно даже среди стран одной лишь Западной Европы. На последнем месте Исландия (40 заключенных на 100 000 жителей), а на первом – Португалия (145 заключенных на 100 000 жителей).

Во-вторых, вызывает удивление то, какие страны в этом списке соседствуют друг с другом. В первой тройке, кроме Португалии (145 заключенных), Великобритания (125) и Испания – 110 заключенных на 100 000 жителей.

Австрия, Бельгия, Франция, Германия и Нидерланды держатся на среднем уровне – 80-95 заключенных на 100 000 жителей.

¹ Некоторые ученые (см. Пиз (Pease, 1994) предлагают считать показательным количество взятых под стражу. Но встает вопрос, кого именно считать взятыми под стражу? Тех, кто имел привод в полицейский участок? Тех, кто провел в камерах предварительного заключения до суток? Или только тех, кто был взят под стражу по предписанию суда? В одних странах такие решения должны приниматься в течении 24 часов, в других полиция имеет право до суда держать человека в заключении по несколько недель или даже месяцев, и это считается тюремным заключением. В некоторых государствах перевод человека из предварительного заключения в тюрьму для отбытия наказания считается новым взятием под стражу. Поэтому я всегда считаю только количество заключенных.

В конце списка – страны Скандинавии и Ирландия. Неудивительно, что в скандинавских странах, за исключением Финляндии, о которой я скажу в *главе 4.4*, показатели примерно одинаковые. Но почему то же мы наблюдаем в Ирландии?

Карта 3.2-1. Западная Европа.

(Гренландия 220)

Разница в количестве заключенных в Ирландии и Великобритании весьма значительна. В Ирландии 65 заключенных на 100 000 жителей, а в Великобритании – 125, то есть почти в два раза больше. Неужели ситуация в этих странах настолько различна? А если сравнить Великобританию и

Скандинавию? Это соседние страны, они достаточно близки по культуре, откуда же такая разница в использовании мер наказания?

Ситуация не всегда была такой. Когда-то, в период между Первой и Второй мировыми войнами, Великобритания была среди стран с наибольшим количеством заключенных. Страной руководил Уинстон Черчилль, его возмущало то, какое количество людей из низших классов отправляют за решетку. Он принимал необходимые меры, и количество заключенных сократилось до 30 человек на 100 000 жителей. В нынешней Великобритании оно возросло до 125. В первом издании книги была указана цифра 90.

3.3. Центральная и Восточная Европа

На *карте 3.3-1* отображена нынешняя ситуация. Бросается в глаза, что Россия занимает главенствующее место в Европе, когда речь идет об относительном количестве заключенных. По официальным данным, этот показатель равен 685 на 100 000 жителей – то есть он в десять раз превышает показатели в скандинавских странах и в пять раз – показатель Великобритании. Россия определяет тенденцию, которая отчетливо прослеживается и в соседних с ней странах. В Беларуси этот показатель равен 505, за ней следуют Украина (415) и, как это ни удивительно, страны Балтии: Латвия (410), Литва (355) и Эстония (320). В Молдове и Румынии – соответственно 260 и 200, в Чешской Республике 215, в Польше и Грузии – 145, в Словакии и Болгарии – 140, в Венгрии – 135. Маленькая Словения имеет тот же показатель, что и Исландия, то есть 40 заключенных на 100 000 человек.

* * *

Россия занимает первое место в списке, поэтому ситуация в этой стране заслуживает наиболее пристального внимания. Изменения со времен Второй мировой войны (в России ее называют Великой Отечественной) показаны в *таблице 3.3-1*.

Составить эту таблицу было нелегко. Впервые я побывал в России в 1967 году. В те годы статистика по количеству заключенных держалась в секрете, и это продолжалось до 1989 года. Тогда политика государства начала меняться, и кое-какие данные стали просачиваться. Я горжусь тем, что лично разработал один из способов получать эти данные. Я его называю «визуальным методом».

Карта 3.3-1. Центральная и Восточная Европа.

Мои коллеги из бывшего Советского Союза не могли сообщать мне точные цифры по количеству заключенных. Но они могли выражением лица дать понять свою точку зрения. Мне вспоминается скандинавско-советская научно-исследовательская конференция, проходившая в Швеции в 1989 году. На ней я сообщил о некоторых собранных мной предварительных данных по количеству заключенных в СССР и попросил их прокомментировать. Названная мной цифра – 660 заключенных на 100 000 жителей (1979 год) вызвала волну негодования. А когда я спросил, верно ли, что на 100 000 человек всего 214 заключенных, улыбки моих собеседников явно говорили о наивности подобного предположения. Удовлетворенным молчанием была встречена следующая цифра – 353. Сейчас данные по количеству заключенных секретными не являются.

Таблица 3.3-1. Количество заключенных на 100 000 населения в СССР/России в 1950-1999 гг.

Годы	1950	1979	1989	1993	1994	1995	1996	1998	1999
Количество заключенных	1400	660	353	573	611	685	704	685	685

Из таблицы видно, что в 1950 году относительное количество заключенных было непомерно высоким. 1400 человек из 100 000 жителей, то есть 1,4% всего населения, включая стариков и детей, содержались в лагерях¹.

В 1979 году один из бывших советских прокуроров говорил, что относительное количество заключенных составляет около 660 человек на 100 000 жителей. Это происходило на заседании Американского общества криминологов. После прихода Горбачева и начала перестройки этот показатель в 1989 г. уменьшился до уровня 353 на 100 000. Но, как известно и как видно из таблицы, перестройка шла всего несколько лет, после чего количество заключенных только увеличивалось. С 1989 года оно возросло почти вдвое. В 1999 г. в России было около миллиона заключенных, то есть 685 человек на 100 000 жителей, а с учетом людей, насильственно содержащихся в психиатрических лечебницах, более 700 человек (из личной беседы с В. Абрамкиным, лето 1999 года). Кажется, сейчас рост количества заключенных прекратился. За последние два-три года показатели практически не менялись. Весной 1999 года было амнистировано 70 000 человек, но это не понизило показателей в сравнении с предыдущими годами, а только помогло стабилизировать ситуацию².

В России есть два типа исправительных учреждений – тюрьмы и колонии. В тюрьмах (следственных изоляторах) в основном содержатся

¹ В этой таблице использованы данные Академии наук РФ. В 1989 году по просьбе Горбачева Академия начала проводить разбор секретных архивов МВД. Этим занималась группа ученых под руководством Виктора Земскова. Земсков опубликовал предварительный отчет, известный мне только из трудов других ученых (Vech, 1992). В ходе работы над архивами было установлено, что в 1950 году в Гулаге находилось 2,5 миллиона заключенных, то есть 1423 человека на 100 000 жителей.

² Ситуация несколько улучшилась после проведения амнистии в 2000 г. По амнистии с 28 мая по 28 ноября 2000 г. из СИЗО и колоний (ИК) на свободу вышло 222 тыс. человек. За 2000 год тюремное население России сократилось на 136 тысяч человек, заключенных СИЗО стало меньше на 46 тысяч. На 1 января 2001 г. в учреждениях системы ГУИН содержалось 923,8 тыс. заключенных, или 637 человек на 100 тысяч населения. Коренным образом изменение ситуации и значительное сокращение тюремного населения в России возможно при изменении законодательства и проведении судебной реформы. (*Прим. издат.*)

лица, ожидающие суда, это заключенные СИЗО. С начала 90-х годов их численность стабильно росла: 150 000 в 1991 г., 251 000 в 1998 г., 269 000 в 1999 г.¹ Достигнув пика в 1996 году (290 000 человек), численность заключенных СИЗО начала постепенно снижаться. Однако с 1999 года этот рост начался снова: на 1 мая 1999 г. в российских СИЗО и тюрьмах содержались 285, 6 тысяч человек².

Заключенные СИЗО содержатся в ужасных условиях. После вынесения приговора их переводят в колонии (раньше это называли лагерями³), в большинстве из которых условия лучше.

О России можно рассказать многое, поэтому ей посвящена вся *глава* 6. Однако один вывод можно сделать и сейчас: по числу заключенных Россия, увы, держит в Европе лидерство.

3.4. Северная Америка

Для разговора о Северной Америке карта нам не понадобится. Можно ограничиться всего двумя цифрами: 129 и 709.

Первая из них показывает количество заключенных на 100 000 жителей в Канаде. Вторая – в США. Это две соседние страны, большинство жителей которых говорят на одном языке, страны со схожей культурой и историей, одинаковыми экономическими системами. Однако канадская административная система ближе к английской, кроме того там гораздо лучше развита система социальной защиты.

Таблица 3.4-1 отражает ситуацию в США. Во втором столбце – официальные данные на 1998 год. Там приведены сведения по трем основным типам исправительных учреждений. В федеральных тюрьмах и тюрьмах штатов отбываются наказания за наиболее тяжелые преступления. Из таблицы ясно, что именно здесь содержится основная часть заключенных. Около трети заключенных содержатся в местных тюрьмах, но это отнюдь не значит, что в них отбывают наказание люди, получившие незначительные сроки. Поскольку в федеральных тюрьмах и тюрьмах штатов не хватает мест, заключенные, которые должны были бы там находиться, отбывают наказание в местных тюрьмах.

Таблица поражает внушительными цифрами. Давайте сначала обратим внимание на цифры во втором столбце. Это самые свежие офици-

¹ Ведомости уголовно-исполнительной системы России (газета УИС Минюста России. 1998. Специальный выпуск).

² На 1 января 2001 г. в СИЗО содержалось 236 тысяч человек. Уменьшение количества узников СИЗО стало возможным благодаря проведению амнистии в 2000 г. (*Прим. издат.*)

³ Лагерь Гулага (Главное управление лагерями).

альные данные. Из них мы узнаем, что в 1998 году в США было 1,8 миллиона заключенных (672 человека на 100 000 жителей). Но и эти цифры устарели, поскольку ситуация меняется невероятно быстро. В третьем столбце – количество новых заключенных, ожидаемое в 1999 году. Для расчетов мы использовали данные по ежегодному изменению количества заключенных в 1990-1998 годах и на этом основании предполагаем, что к первому дню нового тысячелетия в США будет более 1,9 миллиона заключенных (709 человек на 100 000 жителей).

Таблица 3.4-1. Количество заключенных в тюрьмах США. 1998 год¹ и предполагаемые данные² на 1999 г.

	1998	Предполагаемое увеличение	1999 год (предпо- ложительно)
Федеральные тюрьмы и тюрьмы штатов	1 232 900	80 139	1 313 039
Местные тюрьмы	592 462	29 031	621 493
Всего	1 825 362	109 170	1 934 532
На 100 000 жителей	672		709 ³

Таблица 3.4-2. Количество заключенных в США на 1998⁴ год и предполагаемое количество на 1999 год. Всего и на 100 000 взрослых жителей⁵.

	1998	1999
Общее количество заключенных в тюрьмах	1 825 362	1 934 532
На 100 000 взрослых жителей	911 ⁶	956 ¹

¹ Заключенные федеральных тюрем и тюрем штатов по состоянию на 31 декабря; заключенные местных тюрем по состоянию на 30 июня (Bureau of Justice Statistics Bulletin «Prisoners in 1998».) Сюда не включены данные о лицах, находящихся не в заключении, но под контролем правоохранительных органов.

² Предварительные данные основаны на сведениях об увеличении количества заключенных в 1990-98 годах. Количество содержащихся в федеральных тюрьмах и тюрьмах штатов в среднем увеличивалось на 6,5% ежегодно, а в местных тюрьмах – на 4,9% (Bureau of Justice Statistics Bulletin «Prisoners in 1998», p. 2).

³ Если предположить, что к середине 1999 года население составляет 273 миллиона человек.

⁴ Заключенные федеральных тюрем и тюрем штатов по состоянию на 31 декабря; заключенные местных тюрем по состоянию на 30 июня (Bureau of Justice Statistics Bulletin «Prisoners in 1998».) Сюда не включены данные о лицах, находящихся не в заключении, но под контролем правоохранительных органов.

⁵ То есть лиц старше 18 лет.

⁶ На 1 июля взрослое население составляло 200,4 млн. человек.

Если мы сравним это количество со взрослым населением страны, то увидим (это отражено в *таблице 3.4-2*), что 956 человек из 100 000 взрослого населения будут находиться в заключении.

В Соединенных Штатах имеются статистические данные о людях, находящихся под контролем правоохранительных учреждений, но не в заключении. На основе этих данных и составлена *таблица 3.4-3*.

В верхнем ряду *таблицы 3.4-3* приведено общее количество заключенных (см. *табл. 3.4-1*). Во втором ряду – количество людей, находящихся вне тюрем, но под надзором их сотрудников. В третьем ряду – количество условно освобожденных и находящихся на пробации. Левая колонка цифр составлена по данным на 1 января 1998 года, а правая демонстрирует предполагаемые показатели к середине 1999 года. Внизу таблицы приведено общее количество населения США, подконтрольного правоохранительным органам, и их количество на 100 000 жителей. В общей сложности около 6,2 миллиона граждан США окажутся под контролем правоохранительных органов. К середине 1999 года это составит 2267 человек на 100 000 жителей, то есть 2,3% всего населения.

Большинство из находящихся под контролем правоохранительных органов – относительно молодые люди. По нашим подсчетам, 87 процентов всех заключенных федеральных тюрем и тюрем штатов находятся в возрасте до сорока четырех лет².

Таблица 3.4-3. Количество людей, находящихся под контролем правоохранительных органов США.
1998 год и предполагаемое количество в 1999 г.

	1998	1999
Заключенные	1 825 362	1 934 532
Находящиеся под надзором вне тюрем	140 217	146 187
Находящиеся на пробации и условно освобожденные (на начало года) ³	3 946 921	4 107 584 ⁴
Всего под контролем правоохранительных органов	5 912 500	6 188 303
На 100 000 жителей	2187	2267 ¹

¹ На 1 мая взрослое население составляло 202,3 млн. человек.

² По данным Министерства юстиции США (апрель 1996 г., *таблица 1.11*), сведенным с данными о количестве жителей (1 апреля 1990 г. – 1 мая 1999 г.). Лица женского пола, возможно, чуть старше, находящиеся под надзором и условно освобожденные.

³ Department of Justice, 1998.

⁴ Из расчета увеличения количества заключенных на 3%, а условно освобожденных на 1,3%, как в 1998 году. С 1990 года среднегодовой прирост составил 3%, что изменило бы наши подсчеты на 18 725 человек.

В местных тюрьмах количество таких заключенных доходит до 92%. Люди, находящиеся на пробации, возможно, немного старше, так что можно считать, что около 85% находящихся под контролем правоохранительных органов – лица в возрасте от 18 до 44 лет. Если сравнить эти цифры с количеством населения того же возраста, то, как видно из *таблицы 3.4-4*, соотношение составит 4835 человек на 100 000. Другими словами, около пяти процентов населения США в возрасте от 18 до 44 лет находится под контролем правоохранительных органов.

Если приводить данные по мужчинам и женщинам отдельно, то мы увидим, что ситуация явно не в пользу мужчин. Около 90% заключенных – мужчины, среди находящихся на пробации их 80%, а среди условно освобожденных мужчины составляют 89%. Эти данные приведены в *таблице 3.4-5*. Из этой таблицы видно, что, по предварительным данным, к середине 1999 года приблизительно 5 221 484 мужчин-американцев должны были находиться под контролем правоохранительных органов. Иными словами, из 6,2 миллиона подконтрольных людей 5,2 миллиона составят мужчины, то есть 3923 человека на 100 000 населения. Почти все они – совершеннолетние. Если мы примем во внимание только взрослое население, как это сделано в *таблице 3.4-6*, то получится, что 5377 из 100 000 взрослых находятся под контролем правоохранительных органов. Если мы обратимся к наиболее молодой части дееспособного населения, то получается, что под контролем находятся 8159 человек из 100 000, то есть более восьми процентов.

Напрашивается вывод: США – это государство, значительная часть населения которого находится под непосредственным контролем правоохранительных органов. Количество заключенных в США и России вполне сопоставимо. Но если принять во внимание находящихся на пробации и освобожденных условно, то получается, что в США под контролем правоохранительных органов находится значительно бóльшая часть населения, чем в любой из развитых стран Европы и Америки.

¹ При населении в 273 миллиона человек.

Таблица 3.4-4. Количество людей, находящихся под контролем правоохранительных органов США. 1998 год и предполагаемое количество на 1999 год. Все взрослые и в возрасте от 18 до 44 лет.

	1998	1999
Количество людей под контролем правоохранительных органов	5 912 500	6 188 303
На 100 000 взрослых жителей	2 950 ¹	3 059 ²
На 100 000 жителей в возрасте от 18 до 44 лет ³	4 623 ⁴	4 835 ⁵

Таблица 3.4-5. Количество мужчин в США, находящихся под контролем правоохранительных органов (предполагаемое количество на 1999 год). Всего и на 100 000 жителей.

	1999
90% от 2 080 719 заключенных и лиц, находящихся под надзором вне тюрем ⁶	1 872 647
80% от 3 410 135 человек, находящихся на probation ⁷	2 728 108
89% от 697 449 освобожденных условно ⁸	620 729
Всего лиц мужского пола	5 221 484
Лица мужского пола, находящиеся под контролем (на 100 чел.) ¹	3 923

¹ На 1 июля 1998 года в США было 200,4 миллиона жителей в возрасте от 18 лет и старше.

² ?? 1 мая 1999 года в США было 202,3 миллиона жителей в возрасте от 18 лет и старше.

³ Исходя из того, что 85% лиц, находящихся под контролем правоохранительных органов, – взрослые в возрасте от 18 до 44 лет. В 1998 году это составило 5 025 625 человек, а в 1999 – 5 260 058 человек.

⁴ На 1 июля 1998 года в США было 108,7 миллиона жителей в возрасте от 18 до 44 лет.

⁵ На 1 мая 1999 года в США было 108,8 миллиона жителей в возрасте от 18 до 44 лет.

⁶ Это не окончательные данные. В это число вошли заключенные федеральных тюрем и тюрем штатов (на 31 декабря) и лица, содержащиеся в местных тюрьмах (на 30 июня). Это минимальные оценочные данные.

⁷ Источник: Department of Justice (16 August 1998).

⁸ Источник тот же.

Таблица 3.4-6. Количество мужчин в США, находящихся под контролем правоохранительных органов (предполагаемое количество на 1999 год). Все взрослые и взрослые от 18 до 44 лет.

	1999
Общее количество лиц мужского пола, находящихся под контролем	5 221 484
На 100 000 взрослых мужчин ²	5 377
На 100 000 мужчин в возрасте от 18 до 44 лет ³	8 159

3.5. Центральная и Южная Америка

Ситуация в странах Центральной и Южной Америки иллюстрируется с помощью карт 3.5-1 и 3.5-2. На первом месте Чили (375 заключенных на 100 000 жителей), за ней следуют Панама (270), Гондурас (160), Коста-Рика (155) и Сальвадор (150). Глядя на этот список снизу, мы видим: Парагвай (60 заключенных на 100 000 жителей), Гватемала (65), Боливия (70) и Никарагуа (80).

Однако к оценке этих данных следует подходить с большой осторожностью. В некоторых из перечисленных стран к подсчету заключенных относятся весьма тщательно, поэтому может показаться, что заключенных в них больше, чем в других. В других странах практикуются массовые аресты, когда количество задержанных не подсчитывается. В некоторых странах не учитывают людей, задержанных полицией, несмотря на то, что они годами могут содержаться в условиях, которые даже трудно описать. Я побывал в одной из таких тюрем. Она расположена в самом центре современной столицы, неподалеку от роскошного восьми- или десятиэтажного отеля. В отелях нужны просторные холлы, рестораны, апартаменты люкс, двухместные и одноместные номера, во всех помещениях установлены кондиционеры, без которых в тропиках

¹ На 1 мая 1999 г. мужское население США составляло 133,1 млн. чел.

² На 1 мая 1999 года в США было 97,1 миллиона мужчин старше 18 лет.

³ На 1 мая 1999 года в США было 54,4 миллиона мужчин в возрасте от 18 до 44 лет. Из расчета, что 85% мужчин, находящихся под контролем правоохранительных органов, – взрослые в возрасте от 18 до 44 лет. На 1999 год это составляет 4 438 261 человек.

просто не выжить. Постояльцы, если и обратят внимание на небольшое здание по соседству, решат, что это просто полицейский участок. Тюрьма, расположенная на его задворках, много места не занимает. Под заключенных отведены четыре или пять помещений. В одном из них около трехсот человек. Ни кондиционеров, ни места для прогулок, – а некоторые из заключенных утверждали, что находятся здесь уже несколько лет.

Подробный анализ данных по Центральной и Южной Америке находится вне моей компетенции. Я привожу эти цифры лишь для того, чтобы на их фоне рассмотреть ситуацию в Северной Америке. Положение дел в США выглядит из ряда вон выходящим. В соседних с ними государствах, Канаде и Мексике, странах очень различных культур и экономик, на 100 000 жителей приходится всего по 130 заключенных.

Карта 3.5-1. Центральная Америка

Карта 3.5-1. Южная Америка

3.6. Образ мышления как важный фактор

Образ мышления и общие теории – не просто абстрактные символы в головах или книгах. Они указывают дорогу для практических действий. Вера в то, что количество заключенных является индикатором уровня

преступности, и сила, с которой эта вера сопротивляется фактам, хорошо согласуются со старыми воззрениями естественного права, а также с представлениями о том, какова должна быть реакция на злодеяние. Эти мнения хорошо согласуются с идеей реагирования. Если реакция на совершенное преступление – единственное, что может сделать власть, то, естественно, количество заключенных отражает положение с преступностью и определяется ею. Это становится вопросом предопределения, а не выбора.

Современное общество имеет в своем распоряжении неограниченный источник поступков, которые можно рассматривать как преступления. Сейчас нам ясно, что разные страны по-разному используют этот источник, по крайней мере, они по-разному используют один из главных видов наказания – тюремное заключение. Придя к этому выводу, мы можем обратиться к новым вопросам. Если количество заключенных не объясняется уровнем преступности, то чем его можно объяснить? Как можно объяснить обнаруженные нами различия – различия временные и различия между разными странами?

Я попробую ответить на эти вопросы по очереди, поскольку обе эти проблемы представляют значительный интерес. У всех этих стран есть общее – все они, хоть каждая и по-своему, являются государствами индустриальными и высокоразвитыми. Как же получилось, что к применению тюремного заключения они подходят настолько по-разному?

Прежде всего возникает вопрос о том, почему среди этих стран есть такие, в которых к тюремному заключению прибегают крайне редко? Действием каких социальных механизмов это обусловлено?

Отсюда следует и второй вопрос: какие механизмы задействованы в случаях со странами с большим количеством заключенных? Почему среди развитых стран встречаются такие, где заключенных в несколько раз больше, чем в других?

В главах 4 и 5 речь идет именно об этих механизмах. Однако это только начало обсуждения. Для того, чтобы разобраться в том, что является причиной роста количества заключенных, в главе 6 мы остановимся на положении дел в России, а к США обратимся в главе 7 и последующих.

Почему заключенных так мало

4.1. Встречи в горах

Каждый год после Рождества довольно необычное собрание проводится где-нибудь в горах Норвегии. Сейчас, после двадцати таких собраний, это стало своего рода традицией. Собрание проводится в отеле с хорошей репутацией, продолжается три дня и две ночи, и в нем принимают участие две сотни человек.

Присутствуют представители пяти групп.

Первая: ответственные должностные лица исправительной системы, начальники тюрем, работники охраны, врачи, социальные работники, работники надзорной службы, преподаватели исправительных учреждений, судьи, сотрудники полиции.

Вторая: политики, члены стортинга (законодательной ассамблеи), иногда министры, всегда кто-то из советников и местные политические деятели.

Третья: «либеральная оппозиция», непрофессионалы, интересующиеся делами уголовной полиции, студенты, адвокаты, университетские преподаватели.

Четвертая: представители средств массовой информации.

Пятая: заключенные, зачастую все еще отбывающие наказание и получившие на эти дни отпуск. Некоторые приезжают из тюрем на машинах вместе с представителями администрации. Другие, получив временное освобождение, приезжают на обычном автобусе. Не каждому предоставляется временное увольнение из тюрьмы для участия в собрании. Тех заключенных, которые весьма склонны к побегу, не выпускают. Но среди участников часто есть люди, отбывающие заключение за серьезные преступления: убийства, наркотики, вооруженные грабежи, шпионаж. Поздними вечерами и даже ночами можно видеть (если знать,

кто есть кто) заключенных, начальников тюрем, охранников, полицейских и представителей либеральной оппозиции, горячо обсуждающих исправительную политику в целом и условия содержания в частности. Но их можно застать и за спокойным мирным обсуждением планов на завтрашнюю прогулку¹.

Важным результатом этих собраний представляется включение отбывающих наказание людей в духовно объединенное сообщество тех, кто принимает решения.

Возникает вопрос: почему представители власти принимают участие в этих поездках в горы?

Самое очевидное: отдых в горах – это всегда приятно. Кому не хочется иногда отвлечься от тягот службы в тюрьме или полиции? Но там их ждет не только отдых. Там представителей власти критикуют, с ними спорят, выясняют отношения. И все это потом попадает на страницы газет и журналов.

Гораздо важнее удовольствия от горных прогулок то, что там каждый ощущает себя членом некоего духовного сообщества. Норвегия маленькая страна. Люди, ответственные за функционирование государственной системы борьбы с преступностью, просто не могут не знать друг друга или, по крайней мере, друг о друге. Они не могут спрятаться от критиков, а критики не могут избежать встреч с ответственными лицами. В некоторой степени мы принуждены к близости. Тем не менее, до искажений дело не доходит. Вы можете, например, испытывать сильное чувство враждебности к чьим-то идеям, но всегда остается место для сомнений в своей правоте. Может быть, противная партия в чем-то и права. Забавно то обстоятельство, что большинство чиновников получило юридическое образование. Они старые ученики своих еще более старых критиков. В таких условиях разум не порождает чудовищ.

Однако это слишком идиллическая картинка. Конечно, в собраниях участвуют избранные. Кто-то из ревнителей сурового закона и строгого порядка не может и представить себя в числе участников «нагорных собраний». Однако в них участвует достаточное количество людей из разных слоев, чтобы образовалась атмосфера диалога. Участников достаточно много, чтобы заронить в системе фундаментальное сомнение,

¹ Эти встречи организует KROM – норвежская организация, выступающая за реформу системы наказаний. Она существует уже более 25 лет, в основном благодаря усилиям Томаса Маттисена (Mathiesen, 1974, 1990). Большую часть времени Маттисен был ее председателем. Он неоднократно подчеркивал, что эта организация должна занимать срединную позицию, держась подальше как от радикальных политических движений, так и от госструктур. Весьма важным считалось принятие в качестве одного из существенных условий понятия «незавершенного».

скажем, в продуктивности идеи строительства новых тюрем или некоторые сомнения в полезности европейских и, особенно, американских тенденций.

Процесс не ограничен собраниями в горах. Он продолжается в университетах, куда часто приглашаются практики. Он также идет в рамках Скандинавского исследовательского совета по криминологии, который регулярно организует совместные семинары для практиков и исследователей в различных областях.

Главным результатом этих встреч является, скорее всего, выработка своего рода неформальных минимальных стандартов того, что подобает делать для исправления и что нет, а также соглашения о том, что эти стандарты имеют силу для *всех* человеческих созданий. Почему эти стандарты являются тем, чем они являются, объяснить почти невозможно. Я пытаюсь это сделать в *главе 13 «Борьба с преступностью как культура»*. Однако, что касается их значимости для всех людей, то я позволю себе здесь предположить, как минимум, что это скорее вопрос о силе воображения, о способности представить себя в положении других людей. В прямо противоположной ситуации – когда преступник рассматривается как существо другой породы, нечеловек, как предмет, – не существует пределов для возможных злодеяний. Коэн (Cohen, 1992, p.12) описывает один из видов оправдания пыток в Израиле наших дней:

...И вообще, они этого просто не чувствуют, посмотрите на ту жестокость, с которой они действуют друг против друга.

В публичных выступлениях можно часто слышать:

Больше обидно за достойных людей, которые оказались в тюрьме.

Отождествление приводит к тому, что общие стандарты становятся действительными для всех, и, таким образом, оно предупреждает крайние меры. Пример отождествления: это мог бы быть я, меня могли осудить и отправить в тюрьму. Отождествление создает ту самую ситуацию, которую конструирует Ролз (Rawls, 1972) как инструмент поиска справедливых решений в конфликтах разного рода. Это ситуация, когда люди, ответственные за принятие решений, не знают, к какой стороне в конфликте они принадлежат. Попытка приблизить себя к преступнику дает во многом такой же эффект. Она побуждает к максимальной сдержанности. Психологически судья действует, по словам Ролза, под завесой незнания. Он приближает себя к преступнику. Он мог бы быть на его месте. Он должен тщательно взвешивать свое решение.

Джессика Митфорд (Jessica Mitford, 1974, p.13) цитирует колонку «городских сплетен» из журнала *The New Yorker* после бунта в Атике:

...Миллионы американцев впервые близко увидели осужденных уголовных преступников. Большинство из нас оказалось полностью не готовым к тому, что мы увидели... Сборе людей, которое мы видели по телевизору, было не толпой, но целеустремленной группой, и люди, которых мы видели, не были звероподобными, хотя они, возможно, страдали от зверского обращения – без сомнения, это были цельные люди ... действующие с достоинством.

Такая трагедия случилась в Аттике. А теперь давайте вновь обратим свой взор на Норвегию, в которой, казалось бы, ничего особенного не происходит.

4.2. В ожидании наказания

Был период, когда в нашей стране не хватало мест в тюрьмах. Выход из этой кризисной ситуации нашли самый простой: осужденных ставили на очередь.

В 1990 году у нас 2500 человек были заключены в тюрьму. Но на листе ожидания находилось 4500 человек. Мы организовали очередь, где они ожидали исполнения наказания.

Власти в замешательстве. Очереди в детских садах, очереди в госпиталах, очередь за домашними сиделками. И очередь на исполнение наказания. Тут что-то не так.

Я могу понять чувство неловкости, возникающее у представителей власти, особенно когда пытаюсь объяснить эту ситуацию кому-либо в Англии или в Соединенных Штатах. Создается ощущение, что граждане этих стран не верят своим ушам. Очередь на заключение в тюрьму? Это звучит как что-то из ряда вон выходящее, диссонанс, как включение хард-рока в середине пьесы Дебюсси.

Почему?

Причина неловкости скорее всего в том, что подобная ситуация не согласуется с распространенными стереотипами, относящимися как к заключенным, так и к функциям исправительной системы. Мы все знаем основные правила игры про полицейских и бандитов. Полиция должна поймать бандитов, бросить их в тюрьму и держать там. Это трудное и опасное дело. При любой возможности эти негодяи пускаются в бег. В эту игру мы играли в детстве. Этой игрой заняты средства массовой информации – игрой в действительность, подчиненную сценарию. Преступник арестован, изолирован до суда, и затем отправляется прямо в тюрьму отбывать срок.

Это описание соответствует действительности в некоторых тяжелых случаях. Однако в большинстве случаев это не так. Большинство осужденных – это люди, обычные люди, не какая-то особая порода, не банди-

ты. Они в чем-то виноваты, но их нельзя считать дикими животными. Они способны ждать, как и все мы. Драма уже совершилась.

Очередь не соответствует стереотипам¹. Признать очередь означает признать то, что ожидающие люди не представляют опасности, что они не какие-то чудовища. В конце концов их отправят в тюрьму, но не для того, чтобы защитить от них окружающих. Это обстоятельство заставляет задуматься. Вот чем хорошо это мероприятие.

Однако у очереди есть и отрицательные стороны – для тех, кто в ней стоит. Находясь на листе ожидания, трудно планировать что-либо на будущее. Жить довольно трудно, если знаешь о грядущем наказании. Некоторые пассивно сидят у себя дома, как если бы они были уже в тюрьме. Фридхов (Fridhov, 1988) указывает на то, что тяжелее всего переживают ожидание наказания уже побывавшие в тюрьме. Они знают, что их ждет. Ожидающие приговор впервые воспринимают это легче. Они еще не знают, что это такое.

Сейчас, в 1999 году, листа ожидания больше не существует. Да, конечно, кое-кто еще ждет своей очереди, но теперь, что очень важно, очередь эта гораздо малочисленнее. В целом же ситуация не изменилась. Осужденные получают предписания с указанием срока и места отбывания наказания и, прихватив с собой самое необходимое, приходят в указанное время к тюрьме. Так и должно происходить в гражданском обществе.

Все это верно, но не совсем. Приходят не все. Получившие большие сроки и отбывающие наказания в главных тюрьмах в основном появляются вовремя. Как и те, кто осужден за вождение автомобиля в пьяном виде. А вот маргиналы – алкоголики, наркоманы, лица, не имеющие постоянного адреса или кочующие по ночлежкам, – этих правил не соблюдают. «Приходится переносить их на другие даты – как делают в авиакомпаниях, – говорит тюремный надзиратель Альф Бьярн Ольсен. – Например, в понедельник у нас освобождается две камеры, а мы вызвали пятерых. Если приходят все, то троих мы отправляем в другие тюрьмы». И такое происходит по всей стране. Единственное исключение – трудовая колония Вестре-Слидре – туда в назначенный срок является 95% осужденных. Надзиратель Ойвинд_Кьелдсберг объясняет это так: «Полиция беседует с каждым, кто должен отбывать наказание. Осужденные сообщают полиции, когда им было бы удобнее отсидеть свой срок. Таким образом нам удастся избежать лишних трудностей»².

¹ Ожидание суда – это совсем не то, что ожидание наказания. При ожидании суда игра идет по сценарию, а не вопреки ему. Только те, кого волнуют гражданские свободы, иногда заговаривают о том, что среди людей на листе ожидания могут оказаться и невиновные.

² Aftenposten, 21 августа 1999 г., с. 2.

4.3. Ужасы старых добрых времен

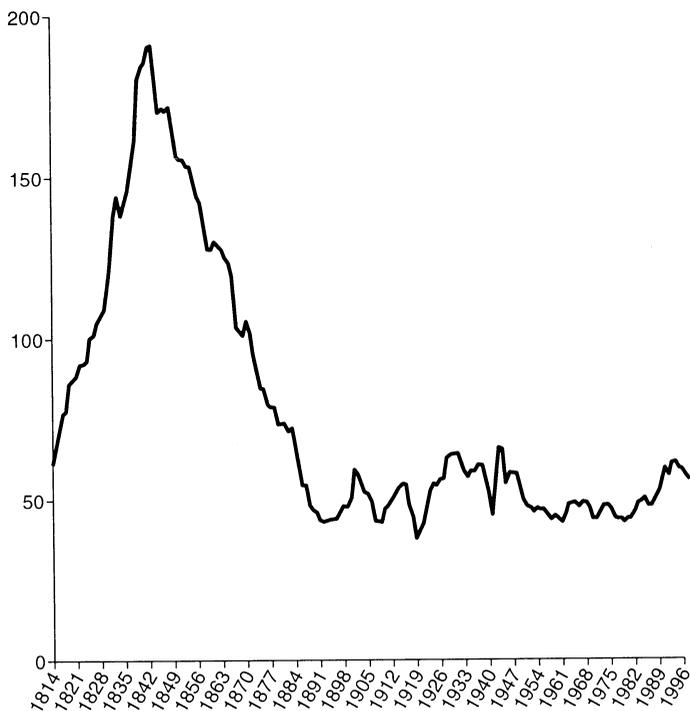
Данные по Скандинавии тоже меняются то в одну, то в другую сторону. Примером этому может служить Норвегия. На *диаграмме 4.3-1* показано, как в Норвегии изменялось количество заключенных на 100 000 жителей с 1814 года (с появления Конституции) до настоящего времени. Диаграмма имеет форму горы, пик которой приходится на середину XIX века, а затем на протяжении XX века показатели остаются относительно стабильными.

Увеличение количества заключенных с 1814 года вполне объяснимо. С конца XVIII века сократилось количество смертных казней, случаев порки розгами, клеймения воров, отрубания пальцев и т.д. Физические наказания все чаще заменялись лишением свободы, что и отражено в Акте от 15 октября 1815 года:

Вместо отрубания руки – тюремное заключение на десять лет; вместо прокалывания и разрывания кисти руки – тюремное заключение на два года; вместо прокалывания кисти руки – тюремное заключение на один год.

Но эти перемены породили новые проблемы. Прежде всего потому, что увеличилась нагрузка на тюрьмы. Тюремное заключение, бывшее ранее одной из многих форм наказания, стало основной. Тюрьмы и другие исправительные учреждения были забиты до отказа. В период с 1814 до 1843 года количество заключенных возросло с 550 до 2 325 человек, или с 61 до 191 человека на 100 000 жителей, то есть в три с лишним раза. Но ситуация снова изменилась. С 1842 года до конца века было принято множество поправок к уголовному кодексу, и все они либо сокращали сроки наказаний, либо вообще не предусматривали тюремного

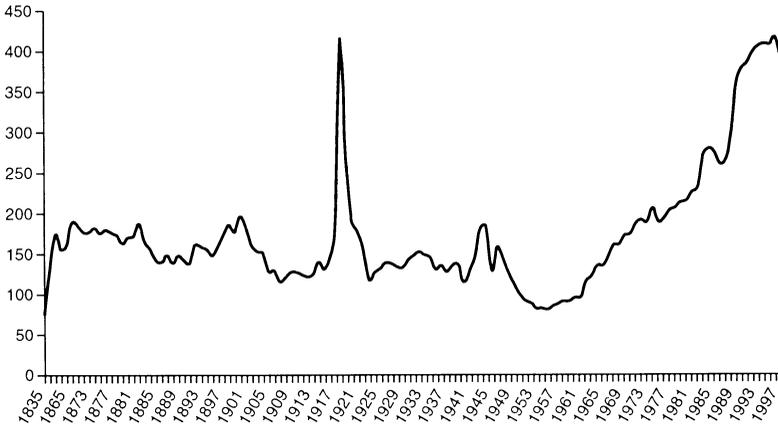
Диаграмма 4.3-1. Количество заключенных на 100 000 жителей. Норвегия, 1814-1998.

заклучения. В 1843 году количество заключенных достигло максимума, а через 42 года эти показатели вернулись на уровень 1814 года. В XX веке в Норвегии количество заключенных менялось незначительно.

Но это никак не соотносится с количеством людей, признанных виновными. На *диаграмме 4.3-2* приведены данные (на 100 000 жителей) с 1835 по 1997 год. При сравнении двух диаграмм видно, что относительное количество людей, признанных виновными, практически не меняется на протяжении всего XIX века, а количество заключенных по сравнению с уровнем 1843 года сокращается в четыре раза. Рост количества признанных виновными начинается только с 1960 года. Но на количество заключенных это не влияет.

Диаграмма 4.3-2. Лица, признанные виновными в совершении преступлений. Данные на 100 000 жителей. Норвегия, 1835-1997.

* * *

Количество заключенных может считаться показателем уровня преступности в стране. Преступник действует, суд принимает меры. Рост числа заключенных указывает на рост преступности, сокращение – на то, что ситуация переменялась к лучшему. Также считается, что в государствах с большим количеством заключенных уровень преступности выше, а в тех, где заключенных меньше, по-видимому, царят мир и благоденствие. Но это – традиционный способ интерпретации этих показателей.

Однако такая интерпретация плохо соотносится с перспективами, о которых шла речь во второй главе, а также – с тем, как распределено количество заключенных на карте Европы. Мы уже говорили о ситуациях, при которых преступлениями могут быть сочтены самые различные действия. В таком случае данные о количестве заключенных можно интерпретировать иначе, считая, что на эти показатели оказывают влияние и общественный строй, и степень разобщенности людей, и революционные или политические перевороты, и особенности правовой системы, и экономические особенности. Важно также и то, что в настоящий момент в этом обществе считается преступлением, но это – только одна из многих составляющих. Не следует рассматривать данные о количестве заключенных как основной показатель уровня преступности в стране – такой взгляд представляется нам слишком однобоким.

Имея все это в виду, обратимся теперь к ситуации в Финляндии.

4.4. Политическая идентификация

Долгое время Финляндия была среди северных стран страной тюрем. На *диаграмме 4.4-1* представлена общая картина. Здесь просматриваются три тенденции.

Прежде всего – изначальная *схожесть* положения дел до 1918 года. Затем появляются *различия*. В 1918 году количество заключенных в Финляндии резко увеличивается – до 250 человек на 100 000 жителей. Затем показатели долгое время держатся на цифре в 200 заключенных на 100 000 жителей, в то время как в других северных странах они оказываются на скромном уровне – от 50 до 100 человек на 100 000 жителей.

Третья особенность – уменьшение в последнее время относительное количества заключенных в Финляндии, что видно на *диаграмме 4.4-2*, где приведены данные с 1975 по 1998 год. Раньше даже по общеевропейским меркам страна по этому показателю была в начале списка, но теперь сместилась почти в самый его конец.

Эти три стадии в национально-политическом аспекте кажутся довольно парадоксальными. С 1809 года Финляндия была частью России, но карательные меры здесь принимались по традициям северных стран. В 1919 году Финляндия обрела независимость, но в отличие от северных соседей ужесточила свои законы. На последней же стадии она снова превзошла все северные страны и очень значительно сократила применение тюремного заключения.

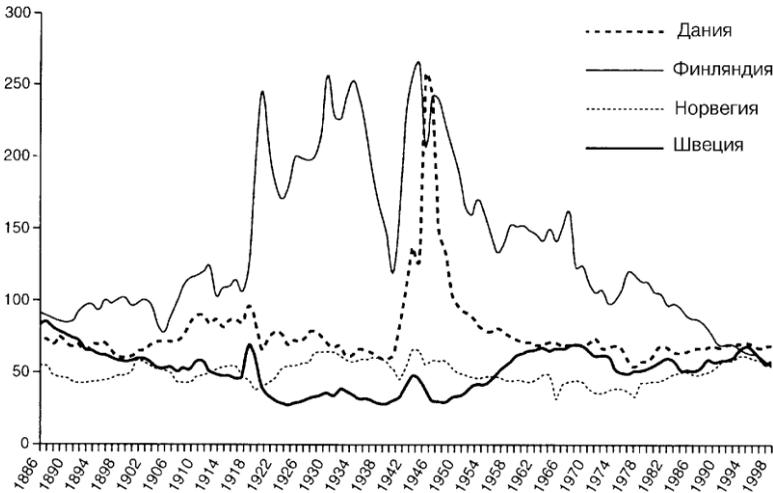
Причины этому можно найти, если обратиться к истории. Давайте рассмотрим ситуацию, начиная с 1918 года. Рост числа заключенных именно с этого времени легко объяснить. Это был год войны за независимость, за которой последовала кровопролитная гражданская война.

Восемь тысяч человек из тех, кто эту гражданскую войну проиграл, были казнены, еще 100 000 погибли в лагерях. Этот раскол в обществе сохранялся до тех пор, пока народ не объединился в войнах, ведущихся против СССР (первая – в 1939-40 годах, вторая с 1941 по 1944 год). На долю Финляндии пришлось больше горя и страданий, чем на другие северные страны.

К.Дж.Ланг (K.J.Leng) – генеральный директор исправительной системы Финляндии. Он дольше всех в скандинавских странах работал в этой службе. У него нет иллюзий о причинах большого количества заключенных (Leng, 1989, pp. 83-84):

...Количество заключенных имеет очень слабую связь с уровнем преступности. Количество заключенных определяется,

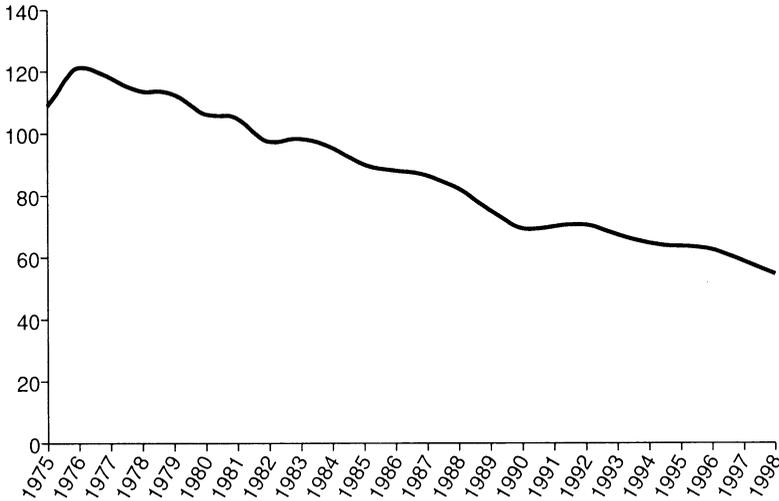
Диаграмма 4.4-1. Количество заключенных на 100 000 жителей. Скандинавия, 1886-1998¹.

скорее, общим уровнем уверенности в обществе и равновесием политических сил. Политическая нестабильность в течение трех войн, праворадикальные движения 1930-х годов и криминализированное коммунистическое движение (того времени) – все способствовало расширению применения тюремного заключения в Финляндии в большей мере, чем в любой другой скандинавской стране... Законодательство подразумевало, что мы привыкли к значительному карательному уклону, применению длительных сроков тюремного заключения за различные виды преступлений... В течение всего периода 1970-х годов в Финляндии было втрое больше заключенных, чем в Норвегии – не потому, что в Финляндии было отправлено в тюрьмы втрое больше людей, а потому, что каждый заключенный содержался в тюрьме почти втрое дольше, чем в Норвегии.

¹ В случае с Норвегией не учтены данные по количеству лиц, попавших после Второй мировой войны в заключение за сотрудничество с немцами. Данные по Финляндии приведены только с 1886 года. Вскоре после этого депортация в Сибирь прекратилась. Всего за период с 1826 по 1888 год было депортировано 3236 финских заключенных. Данные по Норвегии вначале немного занижены, поскольку в это число не вошли те, кто отбывал наказание в рыболовецких хозяйствах на дальнем севере, и женщины, занимавшиеся там же ведением хозяйства. Данные по Швеции также занижены, поскольку не учтены некоторые административные наказания.

Диаграмма 4.4-2. Количество заключенных на 100 000 жителей. Финляндия, 1875-1998.

Однако следом встает вопрос об уменьшении этого показателя. Что стоит за недавним резким сокращением применения тюремного заключения в Финляндии? Одной из причин могло бы быть то, что исчезли факторы, определяющие его высокий уровень. Но этого недостаточно, чтобы быть объяснением. Социальные условия имеют тенденцию к сохранению, по традиции или из-за наличия долговременных интересов. Уж что есть, то и есть. Однако кое-что изменилось в Финляндии. Патрик Торнудд (Patric Tornudd, 1991) это описывает. Он указывает на уникальную комбинацию исторических и идеологических предпосылок и упорную работу многих заинтересованных людей.

Прежде всего, согласно Торнудду, это вопрос восприятия проблемы как проблемы. Для этого необходимо было осознать тот факт, что показатель количества заключенных в Финляндии был исключительно высоким. Также необходимо было понять, что это не вызвано какой-то необычной структурой преступности в Финляндии. И наконец, необходимо было блокировать любые попытки рассматривать высокое количество заключенных как предмет гордости, например, как свидетельство решимости и жесткости системы уголовного правосудия или готовности расходовать ее ресурсы на обширные программы реабилитации или на защиту населения от преступников.

Как пишет Торнудд, профессиональные криминологи представили необходимые данные. Они документально подтвердили, что по количе-

ству заключенных Финляндия выпадает из ряда других скандинавских стран, и опровергли популярные объяснения этого факта – вроде того, что характер преступности в Финляндии сильно отличается от характера преступности в других скандинавских странах. Однако этого было бы недостаточно, чтобы уменьшить количество заключенных. Эксперты были не только источниками необходимой информации. У них была возможность изменить существующее положение. Торнудд пишет (рр. 5-6):

...Если скандинавские государства можно в целом охарактеризовать как государства, полностью полагающиеся на оценки экспертов, то к Финляндии это относится в наибольшей степени. Не подлежит сомнению тот факт, что борьба с преступностью никогда не была в центре политики во время предвыборных кампаний в Финляндии...

Возможность осуществить значительные реформы, направленные на уменьшение уровня наказаний, стала реальностью только благодаря тому обстоятельству, что небольшие группы экспертов, ответственных за планирование реформ или занимавшихся темой борьбы с преступностью в исследовательских институтах и университетах, были почти единодушны в убеждении: исключительно высокий по сравнению с другими странами показатель количества заключенных в Финляндии был позором; можно значительно сократить количество приговоров к лишению свободы и сократить сроки наказания без ухудшения положения с преступностью.

Торнудд заключает (р. 13):

Решающим фактором в Финляндии стала сформировавшаяся готовность гражданских служащих, судейского корпуса и тюремной администрации использовать все возможные средства для сокращения количества заключенных. Благодаря усилиям группы деятелей, занимавших ключевые позиции, стало возможным осознать высокий показатель количества заключенных в Финляндии как проблему. И эта концепция в свою очередь привела к ряду практических действий, от реформы законодательства до решения мелких повседневных проблем, которые и дали конечный результат.

Почему финны должны были считать свое количество заключенных ненормальным? Достаточно было посмотреть на то, что творилось в СССР. Но именно на это финны смотреть не хотели. Если обратиться к истории наказаний в Финляндии, становится понятно, что количество заключенных в этой стране определялось не уровнем преступности, а культурными или политическими решениями. А они основываются на том, к какому именно обществу мы хотим принадлежать.

Для скандинавов Финляндия – наполовину Россия. Для русских, наверное, дом родной. Несколько часов на поезде, и из Санкт-

Петербурга вы прибываете в Хельсинки, его финскую копию. Оба эти города, две самые красивые столицы Севера, созданы одними и теми же градостроителями, здания построены одними и теми же или близкими по духу архитекторами, бывали периоды, когда и царь здесь правил один. Да и в административно-бюрократической системе и в тюрьмах отличий почти нет.

Для своей первой лекции в Финляндии я собрал много материала. Было это в шестидесятые годы. Тогда в Финляндии было 160 заключенных на 100 000 жителей (а в Дании, Швеции и Норвегии от 44 до 69). Помню, один профессор уголовного права, когда я привел эти данные, отнесся к ним с большим недоверием и все удивлялся, неужели Финляндия так отличается от других скандинавских стран? Это поразило и многих других слушателей.

Почему?

По политическим причинам. Маленькая Финляндия, ближайший сосед России, имела с ней общую историю, ту же трудную судьбу. Финляндия, оказавшись в таком положении, искала защиты, прежде всего – культурной, и искала ее на западе – устанавливала связи со Скандинавией, сама все больше становилась скандинавской страной. Тюрьмы являются культурными символами. За дело взялась интеллектуально-административная элита, ответственная за политику в области уголовного права. Год за годом Инкери Анттила, Патрик Торнудд, К. Дж. Ланг проводили политику применения наказаний, результаты которой видны по данным о количестве заключенных, приведенным на нашей карте. Они добились сокращения числа тюремных заключений; законы были изменены, все чаще вместо тюремного заключения приговаривали к штрафам. Количество заключенных не меняется само по себе, это результат действия людей, отстаивающих цели и ценности своего времени.

На различных совещаниях криминологов северных стран мы постоянно встречались с такими людьми. Мы обсуждали серьезные научные проблемы, но кроме того мы создавали единую культурную общность. Это требовало от всех нас немалых усилий, и особенно нелегко было финнам. На наших встречах мы говорили на языках Скандинавии: датчане на датском, норвежцы на норвежском, шведы на шведском. Ученые этих стран относительно легко понимают друг друга. Но только не финны. Они с большим усилием говорили на шведском, их втором языке. Шведский язык был для них символом принадлежности к Скандинавии. А еще – связующим звеном с Западом. Для Сталина шведский был бы гораздо менее вызывающим, чем английский или немецкий.

Теперь все меняется. Финны все чаще пишут свои труды по-английски. Финляндия стала членом НАТО и Европейского сообщества. И сейчас уже не так важны символы принадлежности к Скандинавии –

будь то язык или уголовное право. Как это скажется на заключенных в Финляндии, нам еще предстоит узнать – пока что кое-кто из скандинавов шестидесятых все еще у власти.

4.5. Балтийский опыт

На этом фоне крайне интересно следить за событиями в Балтии. Ситуация в прибалтийских странах очень похожа на ситуацию в Финляндии. Они все ближайшие соседи России, соседство это их пугает, они стремятся к содружеству со странами по ту сторону Балтийского моря, налаживают экономические и культурные связи. Но? как мы видим по карте, разница между количеством заключенных в Скандинавии и Балтии весьма существенная.

В нашем регионе всех интересует один вопрос: по каким образцам страны Балтии будут создавать свою правовую систему: по западным, то есть по примеру соседей-скандинавов, или по северо-восточным, то есть по русским? Мои советы прибалтийским коллегам основаны на опыте Финляндии. На семинарах и встречах с прибалтами я постоянно говорю о выборе культурной индивидуальности. Пока что развитие правовой системы в странах Балтии идет в направлении, противоположном тому, в котором двигалась Финляндия. Понимают ли они, каковы могут быть последствия? Наверное, этим странам еще предстоит сделать взвешенный выбор. Ясно, что они хотят восстановить связи с западом и югом Европы в области экономики и культуры, но когда дело доходит до правовой системы, неужели дает себя знать российское влияние? С точки зрения скандинавов вопрос стоит так: возможно ли поддерживать тесное политическое и культурное сотрудничество, а когда речь идет о причинении страданий, стоять на столь различных позициях?

4.6. Терпимость сверху

Нидерланды – маленькая, плотно населенная страна, с развитой промышленностью, разделенная на большие общины по этническому и религиозному признакам, и, тем не менее, до последнего времени показатель количества заключенных был здесь одним из самых низких в Европе. Это настоящая загадка. И этот низкий показатель выступал в качестве одного из важных аргументов в европейской дискуссии о необходимости тюрем. Если это возможно в Нидерландах, почему это невозможно в других европейских странах?

Люк Халсман (Louk Hulsman, 1974) описывает уровень снисходительности в ту пору, когда количество заключенных было близко к минимуму:

...Уменьшение количества заключенных связано не с уменьшением количества вынесенных приговоров к тюремному заключению, но единственно с сокращением сроков заключения. Их относительно небольшая продолжительность и тенденция к дальнейшему сокращению являются, судя по всему, главными чертами последних изменений в голландской исправительной системе. В 1970 г. было вынесено только 35 приговоров к тюремному заключению продолжительностью больше трех лет. Из них 14 человек были осуждены за убийство (хотя за весь тот год за убийство было осуждено 63 человека), двое – за изнасилование (общее количество осужденных – 68), 13 – за грабеж с применением насилия, и остальные 6 человек – за кражу со взломом в комбинации с вымогательством... Почти всегда имеет место досрочное освобождение, причем оно не является условным при согласии заключенного принимать участие в программах реабилитации (р. 14).

Дэвид Даунс (David Downes, 1988) дал описание некоторых механизмов, благодаря которым это стало возможным. Нидерланды пострадали от войны и оккупации. Несколько ведущих академиков испытали на себе, что такое жизнь заключенного. Они вынесли из тюрьмы сильное убеждение о негативных последствиях заключения. Многие из них преподавали исправительное законодательство. Они и основали учение об опасности строгих тюремных наказаний. Этими идеями пропитались все госструктуры, занимающиеся вопросами наказания и исправления, не говоря уже о полиции, о чем свидетельствуют многие представители правопорядка, посетившие Нидерланды.

Однако в Бельгии и Франции ведущие члены академии тоже находились в заключении во время Второй мировой войны. Они тоже имели свой негативный опыт. Но показатели количества заключенных в этих странах в результате заметно не сократились. Откуда такая разница?

Дэвид Даунс указывает на традицию терпимости в Нидерландах. Люк Халсман (Louk Hulsman, 1974) его поддерживает и использует «весовую» в Оудевотер недалеко от Гоуде в качестве символа терпимости. Во времена великой охоты на ведьм в Европе семнадцатого века люди сходились в Оудевотер со всех концов, чтобы засвидетельствовать, что они не невесомы, каковой, как тогда предполагалось, была нечистая сила. В Оудевотер они получали сертификат о своем весе, который служил им охранной грамотой против преследований как там, так и во всех других местах. Рутерфорд (Rutherford, 1984, р.137) цитирует источник 1770 года, утверждающий, что в Лондоне за год казнили больше преступников, чем во всей Голландии за двадцать лет.

В дополнение к терпимости работает специфически голландский механизм разрешения конфликтов. История этой страны изобилует как внешними, так и внутренними конфликтами. Люди научились жить в

условиях внутренних конфликтов. Они научились искусству компромиссов. Одним из способов избежать конфликта является делегирование принятия решения на вершину системы. Здесь представители оппозиционных сил голландского общества получают мандат разобраться со своими противоречиями и найти решение, которое устраивало бы все заинтересованные партии. Это не является демократическим решением, но оно предпочтительнее, чем гражданская война на местном уровне. Борьба с преступностью организована в соответствии с этими же принципами. В Голландии нет судей из числа любителей. Здесь это высокопрофессиональная система. Представители правопорядка получают мандат на проведение политики, соответствующей их взглядам на то, что необходимо сделать. Это дает им исключительное могущество. Помня об опыте Второй мировой войны, они использовали это могущество для того, чтобы остановить экспансию индустрии борьбы с преступностью.

Они были не одиноки. Их поддерживал парламент. Халсман (Hulsman, 1974) пишет:

Дебаты в голландском парламенте о бюджете министерства юстиции на 1947 год были необычайно интересны тем, что явное большинство призывало правительство пересмотреть основу своей позиции по вопросам исправительной политики. Большинство, считавшее, что сама исправительная система как таковая представляет социальную проблему, потребовало от правительства подготовить конкретный план решения этой фундаментальной проблемы.

Однако системы, основанные на терпимости со стороны верхов, не свободны от недостатков. Как указывает Дэвид Даунс (David Downes, p.74):

Основная, так сказать, часть платы за такого рода организацию состоит в том, что элита, как внутри, так и вне правительства и парламента, в какой-то мере изолирована от критики, за исключением некоторых экстраординарных обстоятельств.

Сейчас, похоже, этих исключительных обстоятельств больше нет. Количество заключенных у них теперь такое же, как у соседей. Теперь в Европе нет уже столь яркого примера терпимости.

Что же произошло?

Нидерланды определенно испытывают исключительно сильное международное давление с целью заставить ужесточить политику в отношении наркотиков. В частности, Германия и Швеция давно утверждают, что Нидерланды являются слабым звеном в европейской системе защиты от наркотиков. Хотя Дэвид Даунс показывает, что это не совсем справедливо, давление могло, тем не менее, повлиять на исправитель-

ную политику. Ситуацию можно было бы понимать как замешательство в рядах экспертов из числа работников госструктур. Дело в том, что во всех других европейских странах эксперты становятся все более и более связаны со своими оппонентами на международной арене и вот-вот попадут в одни и те же списки ссылок. Голландские представители становятся теми персональными объектами, на которые направляется раздражение со стороны международной общественности, вызванное их политикой в отношении наркотиков.

Страна адаптируется к европейским стандартам и в других отношениях. Старые источники межобщинных расхождений иссякли. Возможно, это уменьшает важность принципа делегирования верхам права решать все проблемы изолированно от населения. Политика в отношении преступности все в меньшей степени остается заботой экспертов, в эти вопросы начинают вмешиваться средства массовой информации, и политики все сильнее чувствуют требования населения. Старые противоречия иссякли и уступили место новым, на этот раз – противоречиям между простыми людьми и теми, кто считаются преступниками.

Другим фактором является сокращение программ социальной помощи. Халсман (Hulsman, 1974) с гордостью перечисляет некоторые из этих программ и утверждает, что именно им голландская (исправительная – *прим. перев.*) система обязана своей мягкостью. Сегодня он объясняет возрастающее ее ужесточение отсутствием нескольких из этих программ (устное сообщение).

Также заслуживают упоминания два изменения в университетской системе Нидерландов. Сменилось поколение профессоров права: ветераны покинули свои кафедры, унеся с собой свое влияние и личные впечатления о тюрьме. Изменения также произошли и в криминологии. Раньше Нидерланды были оплотом криминологии в Европе. Большинство университетов либо имело кафедры криминологии, либо кафедры исправительного законодательства возглавлялись учеными, чьи основные интересы лежали в области криминологии. Криминология в Нидерландах также имела специфические черты. Это была критическая криминология, где больший интерес представляла постановка вопросов, нежели поиски ответов, непосредственно интересным властям. Эта криминология обладала исключительно сильными связями с гуманистическими и культурными направлениями. Как утверждают ван Сваанинген, Блад и ван Лоон (van Swaaningen, Blad and van Loon, 1992), некоторых криминологов правильнее было бы считать писателями и поэтами, имеющими успех. Недавно эта традиция в Нидерландах рухнула. С кафедр криминологии ушли ученые, и целые институты были закрыты. Вместо этого вскоре начали процветать исследовательские программы, в которых было заинтересовано правительство. В Центре исследований и до-

кументации при министерстве (юстиции – *прим. ред.*) сейчас работает столько же криминологов, сколько во всех вместе взятых университетах. Трудно понять, являются ли эти изменения следствием или причиной того, что происходит в области исправительной политики.

4.7. Страны всеобщего благосостояния на грани кризиса

Государства, издавна считавшиеся образчиками всеобщего благосостояния, находятся сейчас в положении шаткого равновесия. Вероятно, более всех сопротивляются разрушению страны с относительно стабильной экономикой, устоявшимися традициями – это страны всеобщего благосостояния, а также страны с небольшим и однородным населением. Изобилие укрепляет терпимость, традиции помогают смириться с необходимостью делиться, а небольшие однородные сообщества не позволяют исключать из себя людей нуждающихся. Легче стабилизировать ситуацию и в том случае, когда общество выделяет несколько критериев, по которым определяются цели жизни, когда тезис «бедно, но честно» вызывает искреннее уважение, когда благородство и великодушие ценятся выше полезности и рентабельности.

Но небольшие однородные сообщества также испытывают трудности. Им требуется больше денег на благотворительность. В *таблице 4.7-1* показано, как менялась ситуация в Норвегии с 1970 по 1997 год. В Норвегии благодаря нефтяным запасам создалась очень хорошая экономическая ситуация. Тем не менее, за этот период возросли показатели по безработице, по выплате пособий и пенсий инвалидам. Это все – насущные проблемы. Печально то, что индустриализация диктует свои организационные принципы, которые давят на страны всеобщего благосостояния. Быстрее всего развиваются центры, разделение труда становится необходимостью, взаимопомощь заменяют страховые компании, и все большую роль играют внеличные отношения. Эти изменения подрывают моральные основы общества всеобщего благоденствия. В то же время данные изменения непосредственно влияют на постоянный рост преступности, который отмечают власти. Они же влияют на уменьшение донесений о преступлениях против совести.

В этой новой ситуации даже самые надежные из стран всеобщего благоденствия сталкиваются с искушением оберегать самих себя или учреждения социальной защиты, а не нуждающихся граждан.

Таблица 4.7-1. Сложности социального обеспечения

	Лица, получающие пособие по безработице (на 100 000 жителей)	Лица, получающие пенсию по инвалидности (на 100 000 жителей)	Случаи выплат социальной помощи (на 100 000 жителей)
1970	205	3332	1000
1975	379	3548	1200
1980	445	3903	1500
1985	1246	4535	2600
1990	2740	5517	3900
1995	3074	5435	3945
1997	1944	5450	3577

Было намечено несколько линий обороны. Одна из них прошла собственноручно по учреждениям социальной защиты. Социальные работники устанавливают дистанцию между собой и нуждающимися в пособиях. Работники муниципальных центров социальной поддержки защищают себя от своих клиентов: для посетителей эти центры открыты два-три раза в неделю, и то по несколько часов до обеда, поэтому чтобы попасть туда, люди выстраиваются в очередь с пяти утра. По телефону дозвониться невозможно, сами здания патрулируются частными охранниками, а когда социальные работники считают, что им кто-то угрожает, что бывает нередко – из-за недружественной атмосферы, которую они сами же и создают, – вызывается наряд полиции.

Дополнительные проблемы создает так называемое «движение за деинституционализацию». В частности, это движение в будущем непременно окажет влияние на рост количества заключенных в странах всеобщего благоденствия. Здесь, как и везде, стремятся «нормализовать» процесс. Психиатрические учреждения и специальные школы были упразднены. Провозглашен лозунг «Назад к нормальности». Последствия могут быть двух видов. Некоторые люди, значительно отличающиеся от большинства, не смогут справиться с ситуацией и поэтому окажутся в тюрьме. Но важно и другое. Деинституционализация не подразумевает полного исчезновения психиатрических учреждений. Они будут пустовать, их работники останутся без занятия. А это создает и напряженность, и соблазн: некоторые из этих зданий легко можно переделать в тюрьмы, а персонал – в надзирателей.

4.8. Будет ли все это продолжаться?

Низкому уровню наказаний в описанных архетипах социального государства угрожают несколько сил. Некоторые из них носят общий характер. Они связаны с воздействием индустриализации, с рынком рабочей силы и национальными конфликтами. Мы рассмотрим их в следующих главах. Однако некоторые факторы определяются изменениями института исправительного законодательства или тесно с ними связаны. Ими мы сейчас и займемся.

Первое, что я хочу отметить, это жесткое давление, которое испытывает духовное сообщество людей, ответственных за исправительную политику этих стран. 1968 год, студенческие волнения привели к некоторым демократическим изменениям. Они привлекли большее внимание к правам людей, принадлежащих к слабым и уязвимым социальным группам. Но в то же самое время это привело к усилению давления на всех уровнях исправительной системы. В русле общей демократизации практические работники системы создают собственные профессиональные союзы и группы давления, действующие против политической власти. Сотрудники исправительных учреждений в Норвегии заблокировали намерение размещать по два человека в камере¹, но они лоббируют открытие новых тюрем. Организации, работающие в полицейском аппарате, также стремятся к экспансии. Сто лет назад они были безгласными орудиями в руках политиков. Сейчас условия улучшились и, в то же самое время, ухудшились.

Интернационализация обуславливает дополнительное давление на систему исполнения наказаний. Космополиты были активны и в прежние времена. Имена Ломброзо и Ферри из Италии, а позднее фон Литцта из Германии часто звучали в дебатах в странах Скандинавии. Как показали Нок (Nauke, 1982) и Радзинович (Radzinovicz, 1991), цели, сформулированные Международной ассоциацией уголовной полиции (International Association of Criminal Policy), и, в особенности, идеи фон Литцта содержали в зародыше то, что после 1933 г. произошло в Германии. Степень воздействия этих идей на страны Скандинавии неясна. Общее снижение показателя количества заключенных закончилось на

¹ Важность борьбы за претворение в жизнь правила «каждому заключенному – отдельная камера» видна по описаниям ситуации в Англии (Стерн, Stern 1989, p. 6):

В 1966 году лорд Маунтбаттен сказал: «Необходимо информировать общественность о том, что до сих пор тысячи заключенных живут по трое в камерах, которые строили еще в XIX веке на одного человека». Прошло двадцать с лишним лет, но положение дел почти не изменилось. В тех же самых камерах, которые были рассчитаны на одного заключенного, 5 000 человек живут по трое и почти 14 000 – по двое.

границе века. Оно завершилось бы и без влияния извне. Главным итогом разного рода международных контактов было введение нескольких видов так называемых «специальных мер» в рамках принудительного лечения или образования, а также больших сроков интернирования для лиц, считающихся неисправимыми. На то, чтобы избавиться от большинства этих нововведений, ушла большая часть века.

Сейчас интернационализация двинулась вниз, на уровень практических работников исправительной системы, надзорной службы и полиции. Все чаще эти работники ссылаются на своих собратьев по профессии за границей, заводят связи с группами содействия в больших странах с высоким уровнем преступности, получают информацию о том, что мир «в действительности» собой представляет, и могут гораздо легче игнорировать критику «теоретиков», которые, как они считают, живут отвлеченной жизнью в своих башнях из слоновой кости.

Дополнительное давление на моральные критерии, удерживающие количество заключенных на низком уровне, оказывает проникновение идеологии менеджмента в государственные органы. Старый персонал видит себя в роли государственных служащих, деятельность которых в основном подчинена множеству установлений. Достаточно часто они карикатурно изображаются тонушими в горах документов, работающими медленно, но верно. При ориентации на менеджмент больший вес приобретают упрощенные цели – повышение производительности и получение конкретных результатов.

То, что Фили (Feeley, 1991b) называет, обращая особое внимание на управление большим количеством людей, «новой пенологией», имеет место и в случае с бюрократической системой в Скандинавии. Но еще раз повторяю: это не главная тема. В Скандинавии, да и вообще в Западной Европе в последнее время все чаще раздаются популистские призывы к закону и порядку. Тема преступности все чаще поднимается СМИ и политиками. Такое впечатление, что возрождается класс государственных служащих, стоящих на независимых и объективных позициях. Начальники английских тюрем выступили с протестом против нововведений в их епархии. В Норвегии высшие чиновники тюремного ведомства объясняют политикам, что увеличением количества тюрем и заключенных проблему не решить. Полиция пытается успокоить общество и требует взвешенного подхода к проблемам, существующим во всех современных государствах.

Идеология менеджмента насаждается и в университетах. Начиная сверху, университетская администрация требует планирования, эффективности и отчетов о полученных результатах. А снизу студенты требуют полезных знаний, то есть знаний, которые их будущие хозяева – менеджеры от государства или бизнеса – будут требовать с них. Это означает, что

идет давление на прежние университетские стандарты, предполагавшие развитие критического мышления. Студенты больше интересуются получением ответов на вопросы, возникающие при решении административных проблем, чем критическими вопросами, которые только усложняют жизнь ответственных администраторов. Таким образом, размывается моральное влияние тех, кто задает вопросы.

С другой стороны, во многих университетах по-прежнему есть ученые, критикующие нынешнее положение дел. В Великобритании защитником движения за сокращение количества заключенных (редукционистская программа) выступает Рутерфорд (Rutherford, 1984). Важным пунктом этой программы является предложение о сокращении до 50% вместимости тюрем:

Цель – добиться к началу девяностых годов сокращения количества заключенных не до 52 000, как планируется Министерством внутренних дел, а до 22 000, то есть не до 110 человек на 100 000 жителей, а примерно до 35.

Недоверие к тюрьмам высказывается и в книге Матиесена «Тюрьма под судом» (1990). В ней анализируются и опровергаются доводы в пользу тюремного заключения и предлагаются альтернативные меры. Книги Рутерфорда и Матиесена, да и не только они, являют собой примеры культурного подхода, до сих пор распространенного в Западной Европе.

Наиболее радикальную альтернативу уголовному праву пропагандирует в своих работах Люк Халсман из Роттердама. Его деятельность направлена главным образом на то, чтобы попытаться вывести некоторые деяния из области уголовного права в область гражданского. Он видит в уголовном праве не решение проблемы, а собственно социальную проблему. И, соответственно, целью он считает не ограничение применения тюремного заключения, а отмену уголовного права в целом. Вот как сказал об этом другой голландец, Виллем да Хаан (1991):

Аболиционизм (так часто называют эту философскую традицию. – *Н.К.*) основывается на нравственном убеждении в том, что жизнь общества не следует (да это, собственно, и невозможно) регулировать уголовным правом, и поэтому роль уголовно-правовой системы должна быть сведена до минимума (с. 203).

... Мы не отрицаем того, что происходят всевозможные печальные события, более или менее серьезные беспорядки, конфликты, столкновения, которые в той или иной степени влекут за собой страдания, зло, разрушение. К этим беспорядкам следует относиться со всей серьезностью, но нельзя видеть в них преступления и ни в коем случае не следует разбираться с ними, опираясь на уголовное право (с. 208).

Лично я считаю, что есть предел и пределам. Если будут уничтожены исправительные учреждения, скорее всего, возрастет количество альтернативных – например, психиатрических больниц, или будут применяться иные, на первый взгляд милосердные меры, но на деле они оказываются гораздо более жестокими, чем те, которые предлагает нам нынешнее уголовное право. Я придерживаюсь минималистической позиции: я ратую за то, чтобы заключенных было как можно меньше, но отрицаю аболиционизм. Впрочем, этот спор – все равно что предостережение о возможности потопа в Сахаре. Главная наша проблема – как сократить рост количества заключенных. К ней мы и обратимся.

Почему заключенных так много

5.1. Избыточное население

Место: один из больших европейских промышленных городов.

Время: приятный сентябрьский день, солнечный, не жаркий и не холодный, идеальный день, чтобы просто побродить по улицам. Чем и заняты здесь многие большую часть дня. Люди не заглядывают в пивные или кофейни, они стоят на улицах, недалеко от автостоянок, или собираются на пустырях, где много разрушенных домов и не видно строящихся.

Цвет: серый. Солнце зашло, но его будто и не было. Серые люди, серые дома. Пыль, мусор и нищета властвуют здесь.

Большинство этих людей не имеет работы. Вот почему мы видим их на улице.

Когда я приехал сюда из благополучного уголка континента, которого еще не коснулась безработица (это было некоторое время тому назад), мне пришлось сдерживать свой, конечно наивный, порыв: купить 1000 больших щеток и организовать праздник чистоты – мероприятие по уборке территории. По щетке каждому мужчине (в основном это были мужчины, женщины сидели по домам с детьми), и можно было бы вымести отсюда всю эту серость, пыль, грязь, нищету.

Разумеется, я понимал наивность этой затеи. Я знал, что безработица не имеет ничего общего с отсутствием дел, которые необходимо выполнить. Безработица не означает отсутствия работы, она означает отсутствие оплачиваемой работы. Безработица – организационная проблема, которая имеет серьезные социальные последствия. Это вопрос распределения входных билетов в ту часть общества, принадлежность к которой считается главным символом полного членства в нем. Это вопрос возможности получения билета или вопрос солидарности при распределении билетов.

Жесткость гонки, где призом служит оплачиваемая работа, сглаживается несколькими механизмами. Отложенный выход на рынок труда, в основном через посредство обязательного обучения, узаконивает удержание молодых людей в роли потребителей. Идея продолжающегося всю жизнь обучения также выводит людей из конкурентной борьбы за оплачиваемую работу. Ранний выход на пенсию или либеральное применение формулировки «по состоянию здоровья» – это другие способы почетного выведения из рядов оплачиваемых работников. Все эти механизмы обеспечивают возможность перехода в ряды потребителей без лобового столкновения с принципом зависимости потребления от результатов производства.

* * *

Проблема «незанятых рук» существует с самой ранней стадии промышленного развития. Болтающиеся без дела люди создают по крайней мере два вида проблем. Первая определяется заложенным в них потенциалом беспорядков, вторая – диссонансом между вынужденным бездельем незанятых, с одной стороны, и официальной идеологией любви к труду, с другой. Безработного легко можно заподозрить в том, что ему нравится вести такой образ жизни. Решение обеих проблем давал институт принудительного труда. Однако это решение было временным, так как государство было нищим, работные дома должны были финансироваться частным капиталом, в то время как другие виды капиталовложений давали большую прибыль. В Европе серьезность ситуации смягчалась эмиграцией в США. От работных домов отказались. И последнее, что звучит, конечно, жестоко, две мировых войны также давали периодические передышки.

Однако главная проблема осталась. Более того, новые категории людей требуют доступа к тому, что считается настоящей жизнью. Женщины возвращаются на рынок оплачиваемой работы, где они и присутствовали в начале индустриализации. Если бы в 1992 году очереди на получение оплачиваемой работы ожидала та же доля населения, как в 1965, то в таких странах как Дания и Норвегия не было бы вообще никакой «безработицы». Справедливость по отношению к женщинам в обществе, организованном подобно нашему, создает проблемы для мужской половины населения из низших классов¹.

Наконец, нужно учитывать то, что происходит сейчас в Восточной Европе. При всех своих недостатках, прежний режим твердо стоял на неприятии безработицы. Одной из основных задач государства при старом режиме считалось обеспечение гарантий того, что все трудоспособ-

¹ Ср.: Харрис (Harris, 1981) по вопросу о положении черных мужчин из рабочего класса в США.

ное население имело возможность получить оплачиваемую работу. Возможно, что это непродуктивная идея. Мы все слышали рассказы о переизбытке персонала на восточноевропейских предприятиях и в учреждениях. Тем не менее, такая организация сдерживала безработицу. Она означала гарантию права на часть того, что является наиболее важным средством утверждения человеческого достоинства. Пусть неэкономичная, разорительная, подверженная обману и коррупции, но все же – гарантия. Участие в трудовом процессе компенсировало все остальное.

С уходом старого режима, в Восточной Европе возникают западные проблемы. В то же самое время самые экстремистские формы западных вероучений о преимуществах свободной конкуренции, о ведущей роли рынка все сильнее верховодят в обществе. Альтернативы этому не видно. На Востоке работа распределялась, и из этого ничего хорошего не вышло. На этом пути подстерегали опасности. В результате мы остаемся с избыточным, не занятым в производстве населением. Мы остаемся со всеми классическими проблемами: как контролировать опасные социальные группы? Как контролировать всех тех, кто более не контролируется трудовым коллективом и, возможно, считает несправедливым свое положение вне процесса производства, важного для человека и его чувства собственного достоинства? Как контролировать тех, кто, кроме всего прочего, вынужден мириться с более низкими материальными стандартами, чем стандарты даже тех, кто занят самой ординарной работой?

5.2. Жизненные опоры

Еще в те времена, когда око Всевышнего проникало повсюду, в систему был встроены набор поощрений за хорошее поведение. Жизнь не кончалась со смертью, далее можно было ожидать вознаграждения или наказания. При этом учитывался даже образ жизни. В главе 5 от Матфея, стих 3, сказано:

Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.

Некоторые переводчики формулируют это даже сильнее:

Блаженны нищие, ибо их есть Царство Небесное.

Теологи расходятся в оценке этих двух вариантов. На нынешний день официальным является первый вариант. Однако второй вариант оказывается гораздо более сильным, когда дело доходит до управления обществом. Здесь все бедные в конце концов получают вознаграждение. В таком обществе не обязательно возникают проблемы с избыточным населением. Население можно держать в состоянии ожидания, бедным, но честным.

Однако это не относится к нашему обществу. Наше общество держится на множестве пространных проповедей о равенстве в этой жизни и на разочаровании, когда становится ясно, что это просто болтовня и ничего, кроме болтовни. Так что мы вынуждены прибегать к другим формам контроля.

Основной догмат науки об управлении обществом состоит в том, что те, кто имеет очень много, и те, кто не имеет ничего, представляют собой две крайних группы, управлять которыми труднее всего. Это объясняется тем, что те, кто имеет много, обладает также большой властью, а тем, кто имеет мало, нечего терять. Джек Янг (Jock Young, 1989, p.154) сделал существенные замечания по поводу восприятия бедности в прошлом:

Идеи демократического общества 1950-х о том, что улучшение социальных условий приведет к сокращению преступности, потерпели крах, поскольку основывались на данных об уменьшении абсолютных показателей бедности. Однако не абсолютная, а относительная бедность служит причиной преступности (Lea and Young, 1984). Не абсолютный уровень богатства, а осознание несправедливости распределения ресурсов влияет на рост уровня преступности.

Янг излагает далее рецепт борьбы с преступностью, который выглядит как список шагов, которые не были предприняты в последние годы современными государствами всеобщего благосостояния:

Для сокращения преступности мы должны сократить уровень относительной бедности, обеспечив справедливую плату за осмысленную работу, обеспечив достойное жилье, которым можно было бы гордиться, обеспечив равную для всех доступность развлечений и добиваясь, чтобы поддержание правопорядка осуществлялось в рамках закона как для рабочих, так и для среднего класса, как для белых, так и для черных.

Балвиг (Balvig, 1990, p.25) указывает на основную проблему: проблему непригодности. Суть этой посылки в том, что не имеет больше смысла полагаться на то, что социально ориентированное государство обеспечит всех работой. Общество постепенно меняет свою установку от рациональности в целом, распределенной на всех, к рациональности на уровне индивида.

5.3. Контроль над опасными социальными группами

Для полиции, как и для большинства людей, ситуация не дает готовых ответов. Количество заявлений, подаваемых в полицию, быстро растет в большинстве промышленно развитых стран. Одни называют это пре-

ступностью, другие – жалобами. В любом случае за ними стоят определенные действия – от мелких нарушений до серьезных угроз, а также страдания людей, у которых нет другого выхода, кроме как обратиться с жалобой в полицию. Но на самом деле полиция мало что может сделать. Количество вещей, которые можно украсть, постоянно растет. Так много всего, что можно отнять, так много можно выпить! Днем слишком мало людей в жилых кварталах, ночью слишком много в местах развлечений. Люди не знают друг друга. У полиции нет волшебной палочки. За исключением серьезных случаев насилия, когда мобилизуются все ресурсы, в таком обществе полиция может сделать немногим больше, чем делает оно само. Это создает кризис в иерархии Государства, как утверждает Филипп Роберт (Philippe Robert, 1989, pp. 109-110):

Действительно, поскольку жертва обычно не может идентифицировать нарушителя, что может сделать человек, кроме как подать жалобу? Обращение к системе уголовного правосудия не является более элементом некоего выбора – это стало делом автоматическим, которому нет альтернативы. ...Действия полиции становятся все более нерешительными, поскольку в большинстве жалоб подозреваемый не указывается, и это, как всем известно, означает мало шансов, что полиция поможет в деле.

В данной ситуации война с наркотиками способствует появлению альтернативных возможностей контроля над социально-опасными группами населения. Война с наркотиками – это одновременно и война с теми, кто их употребляет, то есть с теми, кто молод, кто живет в трущобах, с теми, кто пропагандирует образ жизни, неприемлемый для представителей среднего класса. Борясь с наркотиками (с определенными наркотиками, не с алкоголем и не со снотворным), можно контролировать большую часть лиц, принадлежащих к социально-опасным слоям населения.

Но позволю себе сначала кое-что добавить. За этой точкой зрения не стоит какой-либо заговор. Имеются некоторые разумные аргументы в пользу установления определенного контроля над импортом и использованием наркотиков, хотя можно обсуждать используемые при этом методы. То, что война с наркотиками предоставляет также возможность в общем контролировать опасные группы, не дискредитирует ни изначальные мотивы, ни центральные фигуры этой войны. Не будем путать причины и следствия.

Особенно в самом начале войны с наркотиками в Скандинавии мы полагали, что построили государство всеобщего благосостояния. У нас были полная занятость, бесплатное образование, бесплатное медицинское обслуживание и общая вера в устойчивый прогресс. Те, кто желал, могли прокладывать себе дорогу к лучшей, достойной жизни. И тут по-

явились наркотики. Хиппи сменились разного рода отщепенцами. Этому были два объяснения. Возможно, имелись дефекты в системе социальной помощи. Возможно, индустриализация – даже в государстве всеобщего благосостояния – влекла за собой потери для некоторых людей. Возможно также, что прежние формы несправедливости сохранились, а люди, оказавшиеся на обочине жизни, представляют собой просто бывших неудачников в новой форме. Другое объяснение состояло в том, что в наркотиках заложена опасность. Действительно, наркотики настолько опасны, что они разрушают людей даже в наиболее совершенных социально ориентированных государствах.

Легко видеть, какой из ответов больше всего подходил для строителей государства всеобщего благосостояния. Наркотикам была объявлена война. И такая война не противоречила, а находилась в гармонии с социальным благосостоянием. Одним из элементов государства всеобщего благосостояния является забота о людях, забота даже против их воли, а также защита уязвимых групп от житейских невзгод.

Недавние изменения лишь породили новые причины борьбы с наркотиками. Пропасть между различными классами, даже в государствах всеобщего благосостояния, во главе которых стоят социал-демократы, все увеличивается. Растет количество исключительно богатых людей, а уровень жизни всего остального населения минимален. Отсюда – необходимость не позволить ему упасть окончательно. Увеличение нагрузки на систему социального обеспечения видно по тому, насколько больше стало «людей дна». Бедность снова становится заметна. Появились нищие. Бездомные и наркоманы заполонили улицы. Грязные, наглые, они шляются повсюду и кичатся собственной бесполезностью.

Повторяется то, что уже было в тридцатые годы, только теперь уже на другом уровне, поскольку с тех пор центры крупных городов успели перестроить. Раньше укрытие искали в трущобах и темных закоулках, теперь же на смену им пришли отапливаемые переходы, ведущие к роскошным магазинам. Конечно, бездомные и/или безработные таким образом ищут альтернативу – месту службы или дому, которых у них нет. А публика, естественно, требует, чтобы их убрали подальше – с глаз долой. В тридцатые годы людей такого рода считали больными, нуждающимися в лечении. Была построена специальная тюрьма, куда отправляли пьяниц, арестованных на улицах. Там их держали подолгу – под предлогом лечения от алкоголизма. Подобные заведения существовали и в Финляндии, и в Швеции. В шестидесятые-семидесятые годы все они были закрыты.

В наше время неугодных обществу людей опять принято считать больными или из-за тяги к наркотикам утратившими силу воли. И теперь эти категории граждан еще больше подходят для применения к ним кара-

тельных мер. В тридцатые годы больными считались люди, пристрастившиеся к алкоголю, который законом не запрещен и который употребляют многие. Наказывали не за употребление алкоголя, а за злоупотребление. А сейчас большинство из употребляемых веществ запрещены (хотя по-прежнему главным наркотиком остается алкоголь). И эта незаконность определяет границу между «нами» и «ими».

В Скандинавии война с наркотиками во многом стала повторением того, что, по описанию Гусфилда (Gusfield, 1963), происходило во времена сухого закона. В то время шла борьба не только с алкоголем, но и с теми, кто претендовал в США на роль нравственных лидеров. В индустриальном обществе война с наркотиками переросла в войну, цель которой – усилить контроль государства над потенциально опасными классами. Они не бросают вызов обществу, что описано Гусфилдом, но ведут образ жизни, оскорбительный для окружающих. Так не только объясняются (оправдываются) недостатки в обществе, но и значительная часть членов общества, не занятых в производстве, отправляется за решетку. Нагрузка на европейские тюрьмы увеличилась во многом из-за войны с наркотиками. В этом же причина и роста количества заключенных в США.

Влияние этих процессов на Норвегию за последние десять лет отражено в *таблице 5.3-1*. Здесь я просто (хотя в действительности не так просто) подсчитал, сколько лет лишения свободы назначили судьи за каждый год, начиная с 1979 до 1997 г. Как видно из таблицы, они почти удвоили объем наказаний за эти десять лет: с 1620 до 3118. Следующий столбец содержит долю приговоров по делам,

Таблица 5.3-1. Количество лет тюремного заключения по приговорам судов Норвегии с 1979 по 1997 гг. В целом и по наркотикам.

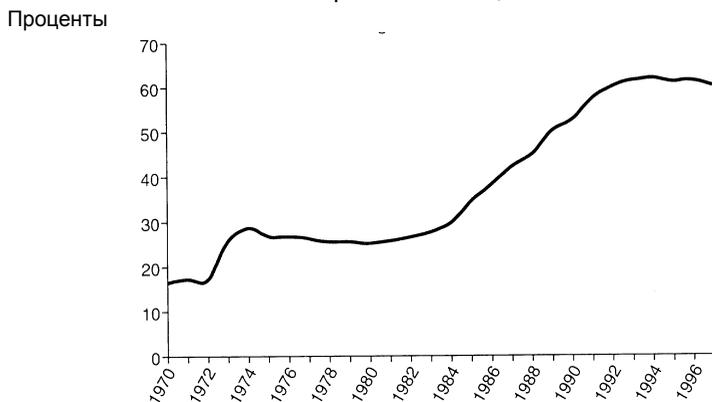
Год	В целом	По наркотикам	Процент по наркотикам (по отношению к целому)
1979	1620	219	14
1980	1630	245	15
1981	1792	326	18
1982	2073	388	19
1983	2619	650	25
1984	2843	684	24
1985	2522	592	24
1986	2337	458	20
1987	2586	683	26
1988	2688	756	29

1989	3022	832	28
1990	3199	789	25
1991	3319	910	27
1992	3209	869	27
1993	3350	977	29
1994	3517	1083	31
1995	3222	947	29
1996	2873	817	28
1997	3118	1001	32

связанным с наркотиках. Здесь мы видим, что увеличение составляет с 219 до 1001 года, что означает более чем четырехкратный рост за десять лет. И наконец, мы видим, что наркотики дают все бóльшую часть от общего уровня наказаний. Треть общей продолжительности наказаний сейчас дается за наркотики. Все это отражено в приведенной ранее *диаграмме 4.3-1*, где показано изменение количества заключенных в Норвегии в этот период. Прирост здесь незначительный по сравнению с тем, что происходит за пределами Скандинавии, однако мы должны отметить довольно существенное увеличение количества заключенных – на одну треть.

Развитию событий в США будет уделено отдельное внимание – в главах 7 и 8, но основные цифры, чтобы продемонстрировать, как влияет на количество заключенных война с наркотиками, мы приведем здесь. На *диаграмме 5.3-2* показано, сколько человек отбывало наказание в федеральных тюрьмах с 1970 по 1997 год.

Диаграмма 5.3-2. Процент заключенных, отбывавших в федеральных тюрьмах наказание за наркотики. США, 1970-1997¹.

¹ Bureau of Justice Statistics (Управление правовой статистики), 1997, таблица 6.52, с. 506.

Таблица 5.3-2. Увеличение количества осужденных в тюрьмах штатов (по видам преступлений), 1985-1995.

Преступление	Приговоры 1985	Приговоры 1995	Увеличение 1985-95	%	% от общего
Всего	183 131	337 492	154 361	84	100
Насилие	64 300	99 400	35 100	55	23
Кражи	77 500	97 600	20 000	26	52
Наркотики	24 200	104 400	80 200	331	52
Нарушение общественного порядка и пр.	17 100	36 100	19 000	111	12

Примечание: из-за округления данные по графам не дают в сумме 100%. Данные получены из отчетов Управления правовой статистики.

Из *таблицы 5.3-2* (Maueg, 1999) опять виден эффект войны с наркотиками.

* * *

Война с наркотиками на практике вымостила дорогу войне с той частью населения, которая признана наименее полезной и потенциально наиболее опасной, с той частью, которую Шпитцер (Spitzer, 1977) называет социальными отбросами, но которая в действительности считается более опасной, чем отбросы. Своим существованием эти люди демонстрируют, что не все организовано как надо в социальной структуре, и, в то же время, они являются потенциальным источником беспорядков. В терминологии Шпитцера они являются отбросами и динамитом одновременно. Война с наркотиками берет их в клещи. Некоторые их действия создают им репутацию серьезных уголовников. Их называют «наркоакулами» и отправляют в тюрьмы на очень долгие сроки за ввоз или продажу наркотиков в количестве, превышающем минимальное. В действительности, многие из наказанных таким образом сами являются потребителями наркотиков и далеки от вершины общества (Bodal, 1982). Существуют и крупные дельцы из среднего и высшего классов, в том числе и в тюрьмах, но они являются редким исключением. На другом конце клещей мы обнаруживаем попытки установить институт принудительного лечения. С этой точки зрения в основном те же люди рассматриваются как жалкие неудачники. Зажатые с этих двух направлений, они находятся в прочной ловушке.

5.4. Европейская крепость, западное крыло¹

Первое издание книги готовилось в один из самых беспокойных периодов в истории современной Европы. Как я уже писал, СССР распался. Железный занавес был поднят. На севере Норвегии проходит граница с нынешней Россией. Железного занавеса больше нет, поэтому мы неизбежно сталкиваемся со всеми фактами новой действительности, в которой живут наши соседи.

Нам нравится не все, что мы видим.

Особенно неловко становится, когда ясно видишь картину бедности. Те, кто живут недалеко от границы, действуют как хорошие соседи. Они приглашают голодных людей к себе или собирают продуктовые посылки. Но с государственной точки зрения это выглядит по-другому. Ведь Россия так велика – что, если всем этим людям или какой-то их части придет в голову идея переехать на Запад! Эти голодные соседи просто разорят нас. Согласно результатам исследований, проведенных институтом ЕЭС в январе 1992 г., 2,5 миллиона взрослых россиян уже решили уехать на Запад. Кроме того, еще 10,5 миллионов говорят, что они, возможно, решат уехать².

Страны, расположенные южнее, сталкиваются со сходной проблемой. То же самое во всей Западной Европе. Мы окружены голодными соседями. И решение ясно: старая изгородь, построенная Сталиным и ему подобными, должна быть выстроена заново и продолжиться дальше на юг. Африка тоже голодна. И Азия тоже. Европа приобретает очертания: Европа, западный бастион.

Почва была подготовлена еще до распада СССР. Были предприняты некоторые шаги. Первый из них символизируется аббревиатурой TREVI. Это межправительственный форум министров внутренних дел Европейского Сообщества. Группа предоставила статус наблюдателя также некоторым другим странам – США, Канаде, Марокко и скандинавским странам. TREVI расшифровывается как «Терроризм, радикализм, экстремизм и насилие» (**T**errorism, **R**adicalism, **E**xtrémism and **V**iolence). Группа была основана в 1976 г. в основном для борьбы с терроризмом, но первоначальный мандат с того времени был расширен, образовались специальные группы: «Сотрудничество полиции», «Серьезные преступления и торговля наркотиками» и последняя по времени, но не по значению, «Полиция и органы безопасности в условиях общеевропейского рынка».

¹ Я очень благодарен Томасу Матиесену за его помощь в описании этой системы. См. также его недавнюю работу (Mathiesen, 2000) по Шенгену.

² Aftenposten, январь 1992, с. 3.

TREVI уже стала историей – ее вытеснили другие организации. Законодательная база такого сотрудничества во многом заложена Шенгенским соглашением (the Schengen Agreement). Шенген – город в Люксембурге, где эта страна, вместе с Францией, Западной Германией, Бельгией и Нидерландами, подписала в 1985 г. официальное соглашение об отмене между ними пограничного контроля, опередив остальные страны Европейского Сообщества. Шенгенское соглашение рассматривалось как аванпроект нового содружества. После длительных споров и критики атмосферы исключительной секретности, окружавшей работу над соглашением, детальная Конвенция была подписана в июне 1990 г. Соглашение вступило в действие в марте 1995 года в семи странах. Затем к нему присоединились все страны Европейского Союза кроме Великобритании и Ирландии (но и те уже на пути к этому), а Норвегия и Исландия, не входящие в Европейский Союз, заключили отдельные договоры о сотрудничестве. В 1997 году в Амстердаме на саммите Евросоюза Шенгенское соглашение, изначально являвшееся проектом Евросоюза, было официально включено в его структуру, и это постановление вступило в силу 1 мая 1999 года. По словам Абеля и др. (Abel et al., 1991, p.4):

...Хотя предстоит еще ратифицировать этот документ, его положения по сотрудничеству полиции и обмену информацией являются примером наиболее детального предвидения будущего положения вещей.

А будущее положение вещей требует защиты Европейской крепости.

Во-первых, полиция сможет пересекать границы между странами. Полицейские будут иметь право носить оружие, но входить в частные дома и пребывать в местах, не предназначенных для общего пользования, запрещено.

Во-вторых, будет образована совместная информационная система. Статья 92 Конвенции:

Информационная система Шенгена позволит официальным представителям, назначенным Договаривающимися Сторонами, с помощью автоматического поиска получить доступ к сведениям о лицах и объектах для использования при пограничном контроле и в других полицейских и таможенных проверках, выполняемых внутри страны...

Новые технические средства скоро будут доступны для проведения такого контроля. В бюллетене уголовного правосудия *Europe* (vol. 1 number 1, p.3) читаем:

Исследователи университета в Эссексе, Англия, проводят эксперименты с системой, сканирующей отпечатки пальцев, которая, в комбинации с кредитными карточками, уменьшит количество случаев мошенничества. Модель этого устройства испытывается, для устранения

некоторых проблем, принадлежащей университету компанией Essex Electronic Consultants.

...

Сканер, установленный на предприятии, будет использоваться для сравнения отпечатка пальца владельца карточки с образцом, записанным на магнитной полоске самой карточки. Кроме предотвращения подделки карточек, этот метод, как предполагается, можно будет применять во многих других местах, включая кассовые аппараты, водительские удостоверения, паспорта и личные карточки.

И в-третьих, введена жесткая система контроля за иностранцами. Внешние границы можно пересечь только в установленных пропускных пунктах. Государства будут проводить общую политику по отношению к людям вне Европейской крепости. Они будут согласовывать политику по предоставлению виз и рассмотрению обращений о предоставлении убежища, а также обмениваться информацией о нежелательных персонах. Во въезде будет отказано, если другие страны «Шенгенского соглашения» имеют негативную информацию о данном лице. «Нет» от одной страны означает «нет» от двенадцати. «Да» от одной страны означает «да» только от одной» (Mogén, 1991, p.43). Компания, перевозящая человека через границу, может быть оштрафована, если у него нет правильно оформленных документов. Великобритания применяет это правило уже два года, и штрафы транспортных компаний составили уже 11 миллионов фунтов стерлингов.

Что же получается в результате всего этого?

Это похоже на осаду. Внутренние границы ослаблены, но это компенсируется усилением внутреннего контроля в виде вооруженной полиции с правом пересекать национальные границы и наличием общей информационной системы, а также еще одним существенным элементом – гораздо более эффективной системой контроля на внешних границах. Железного занавеса больше нет, пора установить занавес визовой.

Возможно, Западной Европе хотя бы на какое-то время удастся удержать относительно низкое количество заключенных, поддерживая такую систему, которая выглядит весьма угрожающе с внешней стороны этого содружества процветающих государств. Возможно, Западной Европе удастся в течение некоторого времени сохранить свой статус острова всеобщего благосостояния, предпочтя запереться от нищих снаружи, чем запереть их в тюрьмах Европейской крепости. Кроме того, война против иностранцев отвлекла бы нас от борьбы с теми, кто традиционно считаются внутренними врагами. Вопрос только в том, не слишком ли высока цена этого весьма желанного положения с тюрьмами. Пусть эти последние мысли предохранят нас от европейского самодовольства, когда в следующей главе мы посмотрим, что происходит по другую сторону Атлантики.

6.1. Возвращение домой

Как-то раз известнейший русский певец, актер и поэт Владимир Высоцкий был на гастролях в городе, где находился крупнейший в России автомобильный завод. Пока он шел от вокзала до гостиницы (Palmer, 1986, с. 10), во всех домах открывали окна, на подоконники выставляли магнитофоны, и из каждого неслась песня Высоцкого. Это было похоже на триумфальное возвращение императора-победителя на родину.

Высоцкий в своих песнях выразил то, о чем думали, что чувствовали миллионы русских. Он вырос в Москве, в Марьиной Роще. Это был район тех самых коммуналок, про которые в одной из его песен говорилось: «на тридцать восемь комнаток всего одна уборная». Сталин умер, шли амнистии, отсидевшие в лагерях возвращались домой, рассказывали о пережитом. Высоцкий слушал их рассказы, запоминал, а много лет спустя обо всем этом поведал в своих песнях.

В пятидесятые годы в лагерях Гулага в СССР содержалось около двух с половиной миллионов человек. Мы считаем их узниками совести. В таких лагерях сидели Солженицын, Ирина Ратушинская – автор книги «Серый – цвет надежды» (1988), и многие другие. Это были заключенные по политическим статьям, «классовые враги», люди с чуждыми государству убеждениями, из «неподходящих» семей, с «неподходящими» знакомствами. Но тогда, как и сейчас, в лагерях содержались и самые обычные граждане, которых при обычных обстоятельствах помещают в обычные тюрьмы, психиатрические лечебницы или колонии для несовершеннолетних. И эти люди, если их после амнистии отпускали домой, возвращались в Москву или Ленинград и находили свое место в самом низу социальной лестницы.

Наверняка это были такие же люди, как и те американцы, которые сейчас возвращаются домой после заключения – в Вашингтон, Балтимор, Лос-Анджелес. Мало в Москве найдется бедных семей, в которых никто не отсидел в лагерях. Среди бедных американцев, полагаю, тоже. Для обеих наций такая ситуация должна была стать катализатором появления новой культуры. В России – культуры Высоцкого и менее известных бардов, в США – Айс-Ти и ему подобных.

В песнях Высоцкого слышится русская тоска. Его американские братья кажутся мне более агрессивными и напористыми, но я настолько хорошо разбираюсь в американском рэпе, чтобы сопоставлять музыкальный мир Москвы/Санкт-Петербурга и Лос-Анджелеса/Нью-Йорка. На мой дилетантский взгляд, в песнях Высоцкого больше грусти, безнадежности, хотя порой в них, как, например, в знаменитой «Охоте на волков», звучит мотив борьбы и протеста. В американских аналогах политические акценты выражены гораздо слабее, но многие темы песен те же: отчаяние, разлука влюбленных, дружба, вдохновенный порыв и неминуемо следующая за этим трагедия.

6.2 Труд в тюрьмах

Пока в Восточной Европе не рухнул коммунистический режим, в некоторых из этих стран тюремная система приносила доход. И в тюрьме, и за ее пределами трудовая мораль была крайне низка, но в тюрьме ее легче контролировать. Помню, еще до демократизации я посетил одну из образцовых польских тюрем. С верхнего этажа, куда ни бросишь взгляд, повсюду были фабрики. Они принадлежали тюрьме и были огорожены высокой стеной. По словам заместителя начальника тюремного департамента Польши, эта система была прибыльной. Так обстояли дела даже в 1990 году. Хельсинки Вотч (Helsinki Watch, 1991, с. 36), тщательно изучив положение заключенных в Советском Союзе, сообщила:

Заключенные получают зарплату, из которой вычитают деньги на их содержание. Они либо трудятся в самой колонии – убирают, работают на кухне, в санчасти (если имеют нужную квалификацию), либо работают в производственных мастерских. Изготовление мебели, столярные и слесарные работы, изготовление простейших электронных деталей – всем этим занимаются в колониях. Товары, созданные руками заключенных, продаются населению, а до недавнего времени их еще и экспортировали в «дружеские социалистические страны». Неясно, как на экспорт тюремных товаров повлияло падение коммунистических режимов в странах Восточной Европы и переориентация России на торговлю за валюту, но в одной газетной статье сообщалось о попытках тюремного руководства организовать совместные

предприятия с западными фирмами. Тюремная промышленность – важная часть советской экономики, и она приносила доход до 8,5 миллиардов рублей в год. В 1989 году прибыль от товаров, произведенных в тюрьмах, составила 1,14 миллиарда. В некоторых областях тюрьмы стали производителями-монополистами, главным образом – по производству сельскохозяйственной техники.

Колонии действительно играли большую роль в российской экономике. В советское время это были ее самые отлаженные подразделения. Где еще найдешь таких рабочих – трезвых, послушных, работающих в две смены на фабрике, отделенной от мира высоким забором. В одной из колоний, которую я посетил, мне с гордостью сообщили: «Если бы не налоги, которые приходится платить государству, наша колония, даже с учетом выплат охране и заключенным, в прошлом году была бы в прибыли». За окнами кабинета начальника колонии стояли комбайны и тракторы, выпуск которых освоили его подопечные.

То, что производилось в колониях, было не только предметом гордости, поскольку таило в себе возможную угрозу всей системе. В последнее время со сбытом товара стало трудно, поэтому приходится их где-то хранить. Стало практически невозможно устроить на работу освободившихся. Вот еще одна цитата начальника колонии: «Раньше мы просто сообщали на завод или фабрику, что они должны принять на работу освободившегося из заключения. Теперь и сказать это некому».

6.3. В ожидании приговора

Хуже всего ситуация у тех, кто ждет суда. Эти заключенные в основном содержатся в старых тюрьмах, расположенных в черте города. Условия в этих переполненных тюрьмах (следственных изоляторах) совершенно неудовлетворительные, ср. у Кинга (King, 1994). После вынесения приговора почти всех заключенных переводят в исправительные колонии. Это бараки или общежития, построенные рядом с фабриками. По западным меркам условия и здесь отвратительные, но все же лучше, чем в следственных тюрьмах. Хельсинки Вотч (Helsinki Watch, 1991) так рассказывает об условиях жизни заключенных в начале 90-х годов (с. 14-15):

Условия в следственных изоляторах просто ужасны. Учреждения, в которых мы побывали, были переполнены, там было душно, жарко летом, холодно зимой. Бутырская тюрьма в Москве, построенная несколько столетий назад как крепость, рассчитана на 3500 человек¹.

¹ Поскольку 10-15 процентов камер обычно либо ремонтируются, либо используются для других целей, есть места только для 3000 заключенных.

11 июня 1991 г., в день нашего посещения, там размещались 4100 заключенных, из которых 250-300 человек были уже осуждены и ожидали рассмотрения своих надзорных жалоб. В Краснопресненской тюрьме, рассчитанной на 2000 человек, содержатся 2200-2300, на день нашего посещения там было 2264 человек. «Двумстам шестидесяти четырем заключенным негде спать, – сказал начальник тюрьмы, – и они вынуждены спать на полу». Печально известные Кресты – большая из двух тюрем пятимиллионного Санкт-Петербурга, рассчитана на 3300 человек, но там размещаются 6000-6500 заключенных! Как объяснил нам один ответственный работник: «Чем дальше от Москвы, тем хуже обстоят дела».

Группа сотрудников датской газеты Polittiken¹ также описала положение дел в Крестах. Действительно, тяжкий крест – сидеть в восьми-метровой камере вместе с четырнадцатью сокамерниками.

«Все мое тело болит, потому что мне никогда не удастся вытянуть ноги или расправить спину», – говорит высокий молодой парень. Он прибыл последним и поэтому должен спать рядом с дверью и открытым туалетом.

Еще раз обратимся к Хельсинки Вотч (Helsinki Watch, с. 15):

Заключенные сидят или лежат на койках, окна закрыты, а если и открыты – решетки такие частые, что в камеру не попадают ни свет, ни свежий воздух. Двери массивные, в них только глазок или окошко, через которое передают пищу. Вентиляции нет никакой, в камерах летом душно, зимой холодно, освещение тусклое.

Тюремное начальство озабочено положением вещей, но надежд на улучшение мало. «Я отлично знаю, какой должна быть тюрьма, – сказал начальник тюрьмы журналистам. – Я был на стажировке в Финляндии. Но мы о таких условиях можем только мечтать».

В первом издании этой книги я высказывался достаточно пессимистично. Сегодня, работая над третьим изданием, могу признать только, что ситуация стала еще хуже. Условия в колониях ужасные, условия в следственных тюрьмах буквально не поддаются описанию. В Москве я видел, как 57 человек сидят в камере размером с небольшой класс, спят в три смены, койки стоят впритык. Много больных, питание недостаточное, все только и ждут передач от родственников, в камерах душно. «Год здесь – как три в колонии», – говорили заключенные.

Более того, условия продолжают ухудшаться. После кризиса 1998 года у правительства России не хватало денег ни на что. В августе-октябре на питание одного заключенного в сутки выделялось две трети

¹ Polittiken, 10 мая 1992 г., Копенгаген.

рубля (67 копеек). Из этих денег, если нужно, приобретались и лекарства. А летом 1998 года курс рубля к доллару был двадцать к одному.

6.4. Туберкулез

За последнее время стало гораздо больше больных туберкулезом.

По данным 1999 года, туберкулез обнаружен у 92 000 из миллиона заключенных. Некоторые получают лечение, но явно недостаточное. У 30 000 человек лекарственно-устойчивая форма туберкулеза. Приговор к тюремному заключению может обернуться еще и приговором к туберкулезу, а то и к смерти. Как сказал Фармер (Farmer, 1998): «Туберкулез в лекарственно-устойчивой форме сам по себе тяжелое наказание».

Вивьен Стерн (Stern, 1999) сообщает о том, что в России 45 колоний для больных туберкулезом. Одна из них находится в Сибири, в Мариинске, в 5000 километрах от Москвы. Главный врач колонии Наталья Вежнина обратилась за помощью в международную организацию «Врачи без границ». В 1996 году молодой бельгийский врач Ханс Клюге прибыл в Мариинск. На семинаре, организованном в 1998 году Международным Центром криминологических исследований, он так описывал трудности, с которыми ему пришлось столкнуться (Stern, pp. 3-4):

В Мариинск прибывают люди уже тяжело больные. Колония переполнена, условий для изоляции больных нет, заключенные сплевывают мокроту повсюду... Нам было трудно работать еще и потому, что у заключенных существует их собственная иерархия (своеобразное деление на касты. – *Н.Кристи*)... Мы заставляли их пить молоко при нас, потому что иначе тех, кто находится внизу этой иерархии, били и молоко у них отбирали. Приехав в тюрьму, мы стали лечить заключенных от чесотки, но выяснилось, что сами заключенные против этого. Позже мы узнали, что больные чесоткой могут не опасаться, что их изнасилюют другие заключенные.

...

Вылечивается всего 40% больных, и этот показатель крайне низок... В основном это подростки (14-18 лет)... Тех, кто не вылечивается за четыре месяца, содержат в одном отделении, поскольку у них может быть лекарственно-устойчивая форма туберкулеза. Мы установили заборы между разными отделениями. Хроники содержались за забором с колючей проволокой – ужасно, что приходится прибегать к подобным мерам в конце двадцатого века.

Работая в колонии, доктор Клюге сам заразился туберкулезом.

Вивьен Стерн подчеркивает, что эта проблема существует не только в тюрьмах. Заключенные после освобождения возвращаются в свои се-

мы, возвращаются в общество. За их дальнейшей судьбой никто не следит. На пресс-конференции Наталья Вежнина из Мариинска сказала:

Ежегодно из нашей колонии освобождаются 600 человек. Это люди, больные открытой формой туберкулеза, и каждый из них может за год заразить еще 100 человек.

Клюге в статье, напечатанной в шведской газете *Dagens Nyheter* (9 августа, 1999), приводит такой пример:

Ежегодно освобождаются 300 000 российских заключенных. Около 10 000 больны лекарственно-устойчивой формой туберкулеза. Если предположить, что каждый из них может заразить 20 человек, то получится, что через 10 лет в России будет два миллиона больных туберкулезом.

Хуже всего обстоит дело в следственных изоляторах. Московский Центр содействия реформе уголовного правосудия (1998) описывает условия, в которых содержатся люди, ожидающие суда, то есть заключенные СИЗО:

В СИЗО крупных населенных пунктов на каждого заключенного приходится по 1 квадратному метру площади, а в некоторых камерах в два раза меньше. Заключенные вынуждены спать по очереди. Людям даже негде сидеть. Условия в камерах СИЗО удручающие: духота, сырость, смрад. У многих заключенных кровоточащие язвы на теле, многие больны чесоткой и другими кожными заболеваниями. Они потеют, но в камерах так сыро, что кожа не высыхает. Решетки на окна такие частые, что в камеры практически не поступает свет. Вдоль стен стоят двух-трехъярусные нары. Во всех камерах, и на 10, и на 100 человек – по одному унитазу и по одной раковине (с. 31).

Если бы я там сам не побывал, я бы никогда этому не поверил. Необходимо добавить, что в закрытом, непрветриваемом помещении, в камере на 100 человек, обязательно есть люди, которые больны туберкулезом. Они кашляют и могут заразить других.

В Западной Европе борются за то, чтобы в России отменили смертную казнь. Если Россия и соседние с ней страны не перестанут казнить людей, их не примут в Совет Европы. Россия поддалась давлению европейского общества. Сейчас здесь никого не казнят. Заключенные просто умирают.

6.5. Силы противодействия

Сидевшие в лагерях Гулага имели одно преимущество: среди них были политические заключенные. Люди, облеченные властью, считали их самыми опасными преступниками, поскольку те совершали преступления против государства. Но постепенно люди научились смотреть на это по-другому. Лагеря Гулага превратились в трудовые лагеря для нежелательных элементов. В конце концов они стали символом политических репрессий. После смерти Сталина наступила оттепель, смягчился и режим в лагерях, заключенные стали получать некоторые послабления. С тех, которые считались «политическими», началось подобие реформ на благо большинства. И у политических реформ было много последствий, коснувшихся заключенных.

А какова ситуация сегодня? Политических заключенных больше нет. Жертвами карательной юстиции становятся прежде всего безработные мужчины. Как в России, так и в США. Российские политики сосредоточили свое внимание на том, что всегда было их сутью, – на борьбе различных группировок, принадлежащих к верхушке общества. Тем, кто находится внизу социальной лестницы, уделяется по-прежнему минимум внимания, да и средств на социальные реформы нет. Их действия расцениваются как преступные, их отправляют в колонии, и больше ничего.

Картина получается чересчур мрачная. Но есть и силы, которые направлены на борьбу со сложившейся ситуацией. В России имеется немало высококвалифицированных крупных чиновников. Они считают перенаселенность тюрем одной из основных проблем, и их усилия направлены на то, чтобы сократить число заключенных. Поступают сведения из колоний, руководству которых удалось превратить вверенные им учреждения в самокупающиеся. В других колониях персонал живет в тех же условиях, что и заключенные. Кроме того, появились группы, оказывающие давление на общество. Одной из самых серьезных организаций является Московский Центр содействия реформе уголовного правосудия¹, который готовит еженедельную радиопередачу о заключенных «Облака», выходящую на Радио России, издает книги и брошюры, проводит всероссийские и международные конференции. Одна из них сопровождалась большой фотовыставкой «Человек и тюрьма», подготовленной Центром (1998 г.). Передвижная мини-выставка экспонировалась в российской Государственной Думе (1999 г.). В холле были установлены стенды с фотографиями из тюрем и колоний. Ежедневно, приходя на работу, депутаты Думы смотрели на фотографии заключенных, сделанные в

¹ Директор Центра – Валерий Абрамкин, бывший политзаключенный, про-вел шесть лет в тюрьмах и лагерях.

полный рост. Фотографии не умеют говорить, но казалось, что каждый, изображенный на них, рассказывает свою историю.

Возможно, это произвело впечатление и на Владимира Путина, который в сентябре 1999 года, еще будучи премьер-министром, посетил петербургскую тюрьму «Кресты». «Мир за неделю» (16-23 сентября 1999 г.) писал, что Путин, несмотря на свою сдержанность, был потрясен увиденным в «Крестах» и сказал, что такого нет даже в китайских тюрьмах.

6.6. Грядущие опасности

Пока что не ясно, к чему все это приведет. Я бы выделил шесть моментов, вызывающих наибольшие опасения.

Во-первых, в России было создано множество предприятий в колониях, и они играли в экономике страны существенную роль. С приходом рыночной экономики и приватизации эти предприятия стали неконкурентоспособными. В России всегда было много заключенных, однако сейчас это не приносит стране дохода. А это, вполне вероятно, может привести лишь к дальнейшему ухудшению условий содержания заключенных.

Во-вторых, в России развитая административная система исправительных учреждений. Здесь по-прежнему есть «командная администрация», централизованная, многоуровневая. Чиновники, среди которых милицейские чины и прокуроры, имеют разнарядку по количеству арестованных, по количеству выносимых приговоров, что также не способствует сокращению числа заключенных, – поскольку показатели успешной работы этих функционеров основываются на количестве задержанных. Кроме того, по традиции прокуроры облечены гораздо большей властью, нежели судьи. Редко когда судья может в обход прокурора освободить подозреваемого. Чаще всего дело посылается на следствие, а подозреваемого отправляют обратно в тюрьму. Мало пользы и от мягких приговоров, вынесенных судьями низшего звена, поскольку после апелляции эти приговоры заменяются на более суровые. Гораздо лучше, если эти судьи выносят суровые приговоры, поскольку в таких случаях высшие инстанции могут их смягчить.

Все это видно на досудебной стадии, которая в среднем длится до десяти месяцев, но, как пишет Абрамкин, многие обвиняемые вынуждены ждать решения суда от года до шести лет. Официально считается, что суд должен состояться не позже, чем через полтора года. Но суд может откладываться по разным причинам, и все это время обвиняемые содержатся в СИЗО. Абрамкин пишет (Абрамкин, 1996, с. 101):

...Главной причиной переполненности следственных изоляторов является совершенно абсурдная уголовная политика государства: не имея средств на содержание огромного количества заключенных и раздутого штата ряда правоохранительных служб, на строительство новых тюрем, государственные органы провоцируют волну необоснованных арестов, неразборчивость в применении жестких санкций уголовного преследования. В уголовной политике властей совершенно не проявлены ориентиры в решении вопроса обеспечения оптимальной безопасности общества. При общем падении уровня бытовой преступности, росте организованной и профессиональной преступности, силы и средства, которые тратятся на неопасные и опасные виды преступности, совершенно неадекватны реальной ситуации.

В-третьих, все это происходит при отсутствии необходимых денежных средств и нехватке персонала. Получается замкнутый круг: недостаточно охранников на такое количество заключенных, а также не хватает мест для их содержания.

В-четвертых, есть внешние факторы, которые оказывают влияние на рост числа заключенных. Россия переняла от Запада некоторые модели экономического мышления, а средства массовой информации делают деньги на материалах о преступности. Однако нет способов защиты тех, кто выпадает из системы, нет и должного контроля над новыми бизнесменами.

В-пятых, в России существует некая амбивалентность между рыночной экономикой и изменениями, ею вызванными. Жизнь трудна, ее условия не меняются достаточно быстро, ситуация нуждается в объяснении. Очень просто во всем обвинить «мафию». Бекман (Bäckman, 1998 А, В) считает, что образ русской мафии скорее работает на Голливуд, а не на тех, кто, как предполагается, управляет этим в России. Роулинсон (Rawlinson, 1998) описывает (с. 354-355), как средства массовой информации пытаются представить русских мафиози:

Интервью с русскими гангстерами так популярны, что для дальновзорких антрепренеров они стали новой индустрией. Мелкие члены банд и даже просто «крутые» ребята за хорошую плату с радостью раздадут интервью журналистам.

Другими словами, образ мафии оказался очень полезным. Не только для кинематографа и журналистов, но и для простых людей, которые хотят понять, как получилось, что те, кого в былые времена считали преступниками, теперь вдруг оказались преуспевающими бизнесменами. В них обыватели видят и причину всех своих несчастий. Кроме того, российские власти используют борьбу с мафией как повод для усиления пол-

номочий Министерства внутренних дел, в частности, различных подразделений милиции.

В России, конечно же, существует организованная преступность, как в высших слоях общества, так и «в низах». Однако проблема куда сложнее, чем ее пытаются представить. Сейчас мы в нее углубляться не будем. Достаточно сказать, что вера в мафию – серьезный социальный фактор, имеющий множество последствий, в том числе и для лиц, отбывающих наказание. Влиятельные лица редко попадают за решетку. Однако борьба с ними узаконена, идет война, и в ходе этой войны многих людей держат в тюрьмах, причем подолгу¹.

И, наконец, в-шестых. Рост количества заключенных в России связан и с тем, что многие реформаторы с Запада призывают Россию бороться с преступностью, особенно с употреблением и распространением наркотиков, так же, как борются они сами: посмотрите на Скандинавию или на США! Я встречался с депутатом Думы – судя по количеству телефонов в его кабинете, весьма влиятельным. Он произнес длинную речь о необходимости искоренить наркотики в России, рассказал о том, как один наркоман приводит за собой десяток новых. Идеи, которые он декларировал, уже оказывают огромное влияние на страну. И это неминуемо приведет к увеличению количества заключенных.

* * *

В нынешней ситуации самая серьезная опасность заключается в том, что в СИЗО будет еще больше заключенных, ожидающих суда, а колонии перестанут быть производственными комплексами и станут лишь местами заключения. Даже признавая наличие у российского тюремного руководства значительной доли идеализма и благих намерений, можно опасаться, что условия содержания заключенных ухудшатся настолько, что это неминуемо повлияет на жизнь всего российского общества. В политике России также происходят некоторые изменения. 26 марта 2000 года Президентом РФ был избран Владимир Путин. Перед выборами он выступал за закон, порядок, сильную государственную власть. «Чем сильнее государство, тем свободнее его граждане», – таков был один из его тезисов. «Демократия – это диктатура закона», – заявлял он. Думаю, это не самая подходящая программа для сокращения количества заключенных или хотя бы для ограничения роста.

¹ Более подробный анализ мафии дан в статье, названной мной «Потребность в мафии. О социальной функции расплывчатых терминов» (A much needed Mafia – on the social function of sloppy terms. Christie, 1999).

США. Законодатель тенденций

7.1. Кого возлюбишь, того и покараешь

Немного есть стран, в которые приятно приезжать. США – одна из них. Я, норвежец, чувствую себя там почти как дома, иногда даже лучше, чем дома. Мы часто говорим: в США норвежцев столько же, сколько в самой Норвегии. Оставив свою страну, они многое приобрели – как в материальном плане, так, возможно, и в социальном. Дружественная атмосфера, забота о новых соседях, бесконечное разнообразие больших городов.

Пишу я это для того, чтобы то, о чем я скажу далее, не было истолковано неверно. Я собираюсь совершить невозможное – хочу убедить вас в том, что искренне люблю эту страну и ее народ, с уважением отношусь к ее истории. Но в тоже время я должен заявить во всеуслышание: в социальной структуре США есть многое, вызывающее тревогу. И именно потому, что я чувствую близость с этой страной, чувствую родство с ней, я не могу молчать о том, что меня беспокоит.

Труднее всего мне общаться с коллегами из США. Американские криминологи пользуются авторитетом во всем мире, их теоретические разработки о преступности и контроле над нею оказали огромное влияние на ученых всех стран. Их стандарты становятся нашими стандартами, зарубежные коллеги пользуются найденными ими решениями.

Может быть, по этим же причинам я думаю о Германии 1920-х и последующих годов. О Германии, как о стране культуры и глубокой интуиции, стране науки, рационального мышления и романтических сердец. Норвегия всегда была более ориентирована скорее на Англию и США, чем на континентальную Европу. Океаны связывали нации лучше, чем горные дороги. Однако к Германии всегда относились с уважением. Их ученые, юристы пользовались высокой оценкой, как и общая политика

правопорядка. Туда ездили как ученые, так и высокопоставленные чиновники полиции. Германская модель долго имела большое влияние, может быть, слишком долго.

Сейчас обратимся к Америке.

7.2 Великая тюрьма

В июне 1983 г. в журнале *Correctional Magazine* так говорилось о росте количества заключенных в США:

«Фантастический ... невероятный ... ужасающий», – такими были слова, выбранные Норманом Моррисом, работающим на юридическом факультете Чикагского университета, для характеристики роста количества заключенных в США за последний год.

«Это поразительный рост», – говорит Альфред Блумштейн из Университета Карнеги-Меллона в Питтсбурге. «Нам просто некуда сажать людей, и расходы все растут. Взрыв неизбежен».

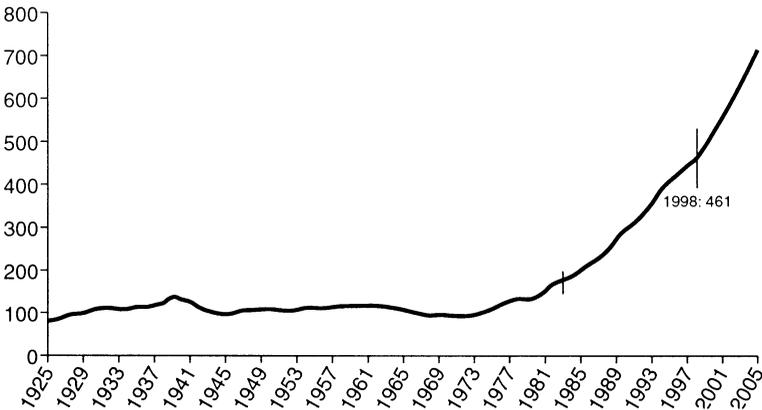
«Я действительно потрясен: этот рост приводит в замешательство», – говорит Франклин Зимринг, директор Центра исследований уголовного правосудия Чикагского университета.

«Это даже хуже, чем я ожидал», – говорит Кеннет Карлсон из организации Abt Associates в Кембридже, Массачусетс. «Рост становится все более и более пугающим».

Так сказали эксперты о росте количества заключенных за предшествующий 1983 году период. В то время в федеральных тюрьмах и тюрьмах штатов содержалось 419 820 заключенных, в местных тюрьмах – 223 551 человек, а всего заключенных было 643 371, то есть 274 человека на 100 000 жителей. Я так же был напуган таким количеством заключенных, особенно тем, как оно увеличивалось до 1983 года, и собирался об этом писать. Однако очень скоро и эти данные устарели.

На *диаграмме 7.2-1* показано, что происходило дальше. Здесь приведены данные об изменении количества заключенных в федеральных тюрьмах и тюрьмах штатов с 1925 по 1998 год. Я продолжил эту кривую до 2005 года – так она будет выглядеть, если эта тенденция сохранится. Сюда не включены данные по местным тюрьмам. Я пометил вертикальной чертой цифру, по достижении которой эксперты выразили свое беспокойство. С того времени до 1998 года количество заключенных в США увеличилось втрое.

Диаграмма 7.2-1. Количество заключенных в федеральных тюрьмах и тюрьмах штатов (на 100 тыс. населения). 1925-1998 гг. Предполагаемый рост в 1999-2005 гг.

Рост количества заключенных можно проследить и по данным, которые мы приводили ранее, в *таблице 3.4-1*. Из нее ясно, что за год, с 1998 по 1999, появилось еще 109 170 заключенных. Такой прирост тюремного населения нам, европейцам, трудно себе представить – слишком он велик. В Дании, Финляндии, Норвегии и Швеции вместе взятых всего 14 066 заключенных – эта цифра в восемь раз меньше, чем та, на которую количество заключенных в США увеличивается всего за год. Данные по США нельзя сравнить даже с британскими. В октябре 1998 года в Великобритании было 73 545 заключенных, то есть за год в США становится заключенных больше, чем их всего имеется в Великобритании. Ежегодный прирост тюремного населения в Штатах равен количеству заключенных в Великобритании, Австрии, Бельгии, Нидерландах и Швейцарии вместе взятых.

Размеры прироста объясняют и потребность в новых тюрьмах. По европейским стандартам крупной считается тюрьма, в которой содержится 500 человек. Многие и такие тюрьмы считают чересчур большими. Но давайте будем консервативными и решим, что новые тюрьмы можно строить на 1000 заключенных¹. Если бы это было нормой, в США за 1998 год нужно было бы построить 83 тюрьмы такого размера.

¹ Согласно *The Corrections Yearbook* («Тюремный ежегодник») за 1996 год, в тот год было открыто 70 новых федеральных тюрем и тюрем штатов на 69 421 человек.

За период с 1983 по 1999 год им потребовалось бы 1 242 новые тюрьмы. Неудивительно, что это стало толчком к развитию целой отрасли промышленности.

Попавшие в федеральные тюрьмы или тюрьмы штатов в большинстве своем останутся там надолго. Почти все они приговорены к срокам от года и более. Средний срок освободившихся в 1994 году был 31 месяц¹. Но на свободу выпускают не всех. В 1990 году 11 759 заключенных отбывали так называемое «естественное пожизненное заключение», то есть они приговорены умереть в тюрьме. В 1996 году их количество увеличилось до 17 280 человек (*The Corrections Yearbook 1991, 1996*). В 1996 году более 270 000 заключенных отбывали пожизненное заключение, имея срок от 20 лет и более. В 1997 году 3 335 человек ожидали смертной казни. С 1977 года по 1 января 1999 года было казнено 500 заключенных. С 1930 по 1998 год было казнено 4 359 человек².

7.3 Черные цифры

Из таблиц 3.4-4 и 3.4-6 видно, что большинство из попавших под контроль уголовно-правовой системы – сравнительно молодые мужчины. Конечно, эти молодые люди не выбирались наугад. Малообеспеченные американские горожане часто либо сами выступают в роли заключенных или осужденных условно, или же живут в окружении таких людей, особенно если принадлежат к этническим меньшинствам. Почти половина заключенных в США – черные. В 1996 году 6,6% черных мужчин сидели в тюрьме, то есть 6 607 человек на 100 000. Среди белых показатель был 944 человека на 100 000.

Марк Мауэр провел подробное исследование по преступности среди афроамериканцев (например, Mayer and Huling, 1995 или Mayer 1999). В последнем он пишет (с. 124):

Половина заключенных в американских тюрьмах – афроамериканцы, при том что они составляют всего 13% населения страны. В тюрьме сидит один из четырнадцати взрослых черных мужчин.

Что касается молодых черных мужчин, то с ними дела обстоят еще хуже. Исследование, проведенное The Sentencing Project (Программа по приговорам), показало, что в 1989 году почти каждый четвертый черный мужчина в возрасте от 20 до 29 лет находился под контролем правоохранительных органов – либо сидел в тюрьме, либо был осуж-

¹ Bureau of Justice Statistics, *Sourcebook* 1997, p. 431.

² Министерство юстиции, 1999. *Sourcebook on Criminal Justice Statistics*. В печати. Таблицы 6.75 и 6.88.

ден условно, либо освобожден условно-досрочно. По данным следующего исследования, проведенного в 1995 году, оказалось, что ситуация ухудшилась, и теперь это уже каждый третий. За столь короткий период времени произошел такой рост количества осужденных. У афроамериканского мальчика, рожденного в 1991 году, было 29 шансов из 100 оказаться в какой-то момент своей жизни в тюрьме, в то время как для мальчиков-латиноамериканцев эти шансы были 16 из 100, а для белых – 4.

В больших городах ситуация еще напряженнее. Джером Миллер (Jerome Miller, 1996, p. 7) пишет:

В 1992 году Национальный исследовательский институт общественных учреждений и альтернатив провел в Вашингтоне, округ Колумбия, исследование, объектом которого были мужчины-афроамериканцы, находившиеся под контролем правоохранительных органов. Выяснилось, что в 1991 году более четырех из десяти (42%) мужчин-афроамериканцев в возрасте от 18 до 35 лет, проживавшие в округе Колумбия, либо находились в заключении, либо были освобождены условно-досрочно, либо были осуждены условно, либо находились в розыске.

...было подсчитано, что приблизительно 75% всех восемнадцатилетних афроамериканцев мужского пола будут арестованы и посажены в тюрьму до достижения ими 35 лет, 80-90% в течении жизни обязательно хотя бы раз побывают в заключении.

...в Балтиморе, Мэриленд, 56% молодых афроамериканцев находятся в заключении, осуждены условно, освобождены условно-досрочно или же объявлены в розыск.

Если иметь в виду все это, становится понятно, почему Марк Мауэр (Maier, 1991, p. 9) так озаглавил один из разделов своего доклада:

МУЖЧИНЫ-АФРОАМЕРИКАНЦЫ: ГРУППА РИСКА

Мауэр продолжает:

Мужчины-афроамериканцы, люди с непропорционально низкими доходами, сталкиваются со множеством трудностей, поскольку крупные города переживают социально-экономический упадок и возможности для юношества ограничены; ни школы, ни медицинские учреждения, ни организации социального обеспечения не в состоянии помочь молодым афроамериканцам занять достойное положение в обществе; одни слои общества нищают, другие богатеют, и за последние двадцать лет пропасть между бедными и богатыми увеличилась еще больше.

Доля черных, и так большая, постоянно растет. Остин и Маквей (Austen and McVey, 1989, p. 5) считают, что во многом это объясняется войной против наркотиков.

Борьба с наркотиками сосредоточена главным образом на крэке, который предпочитают люди из низших слоев общества, а ими в основном являются афроамериканцы и латиноамериканцы. Соответственно, доля цветного населения среди заключенных растет.

Мауэр с этим согласен:

С 1984 по 1988 год доля афроамериканцев, арестованных за наркотики, увеличилась с 30 процентов до 38. В Мичигане количество арестов за наркотики увеличилось вдвое, а количество афроамериканцев, арестованных за наркотики, втрое. «Война с наркотиками» ведется прежде всего сотрудниками уголовно-правовой системы, и главный ее объект – жители трущоб, в результате чего возросло количество заключенных и увеличилась доля заключенных-афроамериканцев.

Наиболее напряженная в этом смысле обстановка сложилась в штате Флорида. В 1982-1983 годах на несовершеннолетних юношей было заведено 299 уголовных дел, связанных с наркотиками. 54 дела было заведено на юношей-афроамериканцев. В 1985 году дел на белых было 336, а афроамериканцы белых обогнали – 371 дело. В 1989-1990 годах количество дел афроамериканцев возросло до 3415, а белые остались далеко позади – всего 526¹. Губернатор Мартинес, человек, срежиссировавший этот всплеск, проиграл выборы и на следующий срок выбран не был, но зато он стал наркобароном, держащим в руках всю страну.

Есть основания считать, что если ты – афроамериканец, да к тому же беден, то и на суде тебе придется труднее, чем остальным, хотя это мнение и оспаривается (см. дискуссию Уилбэнкса и Манна, Wilbanks and Mann, 1987). Я, например, до сих пор не могу забыть результаты небольшого исследования, проведенного Вольфгангом, Келли и Нольде (Wolfgang, Kelly and Nolde) еще в 1962 году. Они сравнивали заключенных, приговоренных к смерти. Оказалось, что черные попадают в этот список намного быстрее – то есть за менее тяжкие преступления, – чем белые. Можно было ожидать, что после апелляций казнено будет гораздо меньшее количество черных. Но результаты были совершенно иные. Черных было казнено больше, чем белых. В своей последней книге Мауэр (Maueg, 1999) приводит примеры того, какие механизмы вступают в действие, когда под судом оказывается афроамериканец.

¹ По данным *The Florida Supreme Court Racial and Ethnic Bias Comission*, 1991 (Комиссия Верховного суда Флориды по борьбе с расовыми и этническими предрассудками).

Получается весьма двусмысленная ситуация. Рабство отменили. Афроамериканцы обрели свободу действий. Они ею пользуются – и оказываются за решеткой. И тогда они теряют свои гражданские права. По Феллнеру и Мауэру (Fellner and Mauer, 1998, p. 2), около 3,9 миллионов взрослых граждан США на время или навсегда были лишены избирательного права, поскольку были осуждены за уголовные преступления. Из них 1,4 миллиона человек – мужчины-афроамериканцы, что составляет 13% взрослого афроамериканского населения. В семи штатах один из четырех мужчин-афроамериканцев навсегда лишен гражданских прав. Исходя из нынешнего роста количества заключенных, можно предположить, что в следующем поколении трое из десяти мужчин-афроамериканцев в какой-то момент будут лишены гражданских прав. В штатах, где закон о голосовании наиболее строг, гражданских прав может быть лишено до 40% мужчин-афроамериканцев. Феллнер и Мауэр (Fellner and Mauer, p. 6) рассказывают о том, как легко лишиться избирательного права и как трудно его вновь получить:

В большинстве штатов по законам о лишении гражданских прав осуждение за уголовное преступление, влекущее за собой тюремное заключение, является основанием для лишения избирательного права. Преступление может быть не связано с избирательным процессом, оно необязательно должно классифицироваться как тяжкое. Достаточно мелкой кражи или хранения небольшого количества марихуаны.

...

По меньшей мере в шестнадцати штатах правонарушители, преступившие федеральный закон, не могут восстановить свои гражданские права согласно обычной процедуре. Для бывших преступников по федеральному закону предусмотрена только одна возможность восстановить избирательное право: президентское помилование.

Но не надо считать, что таково положение дел только в США. Во всех индустриальных странах в тюрьмах содержатся больше всего людей из числа принадлежащих к социально-ущемленным меньшинствам. В европейских тюрьмах тоже стало гораздо больше темнокожих. Если бы бедность имела цвет, их было бы еще больше. Для европейского шовинизма в отношении США причин нет. Ланган и Фаррингтон (Langan and Farrington, 1998, p. 4) сравнивают ситуацию в Англии и Уэльсе с ситуацией в США в 1991 году. В США в то время в тюрьмах содержалось 2563 человека из 100 000 черных и 396 из 100 000 белых. В Англии и Уэльсе было 667 из 100 000 черных заключенных и 102 из 100 000 белых. Получается, что в обеих странах черных в шесть раз больше, чем белых. В США ситуация особенная только потому, что там совсем другие масштабы проблемы.

7.4 Из штата в штат

Из всех прекраснейших мест в Америке Калифорния, по моему мнению, занимает первое место. Здесь солнце и развлечения, здесь Беркли и Стэнфорд и вообще академический рай, здесь бизнес, экспансия и труд, здесь мировая фабрика грез – Голливуд.

И здесь же некоторые из знаменитых тюрем Соединенных Штатов. Нет больше тюрьмы Алькатраз, но Сан Квентин сохраняет славу, простирающуюся далеко за границы США. И здесь же Фолсом, с 7000 заключенных, из которых 500, скорее всего, никогда не выйдут на волю. За эти годы некоторые новые учреждения внесли свой вклад в славные традиции Калифорнии.

В 1997 году в Калифорнии в федеральных тюрьмах и тюрьмах штатов содержалось 80 заключенных на 100 000 жителей со сроком от года и выше. В 1998 году их было уже 483 человека на 100 000 жителей, то есть 158 742 заключенных. Глава Калифорнийской ассоциации служащих исправительных учреждений (California Correctional Peace Officers Association) нашел решение проблемы. Он предлагает строить мега-тюрьмы на 20 000 человек. Несколько таких мега-тюрем, заявляет он, могут удовлетворить потребность Калифорнии на начало XXI века¹.

На *диаграмме 7.4-1* показано, сколько в разных штатах на 100 000 жителей заключенных, осужденных на срок более года. Почти все заключенные имеют столь большие сроки. Данные по местным тюрьмам сюда не включены, это означает, что за скобками осталось около трети всех заключенных в США. В некоторых штатах действует единая система тюрем, в которую включены и местные тюрьмы. Данные по ним мы сократили на треть, чтобы сравнить данные по всем штатам.

Главное впечатление от этой диаграммы – величина и разность данных. Данные эти неполные, поскольку сюда не включены сведения по местным тюрьмам. Но, тем не менее, производит впечатление округ Колумбия (то есть Вашингтон, столица государства) с 1275 заключенными на 100 000 жителей. В Вашингтоне единая система тюрем, поэтому мы можем точно сказать: общее количество заключенных здесь 1913 человек на 100 000 жителей, или почти 2%. В первом издании книги мы писали о 1186 заключенных на 100 000 жителей. На первых позициях находятся еще Луизиана, Техас и Оклахома. В Техасе за время, прошедшее с первого издания книги, показатели возросли в два с лишним раза – с 297 до 724. В конце списка мы видим Миннесоту, Мэн и Северную Дакоту. Их показатели соответствуют наибольшим показателям по Западной Европе, но если учесть людей, сидящих в местных тюрьмах, это уже ближе к данным по Восточной Европе. Важно также отметить,

¹ Shlosser (1998), с. 76.

как значительно выросли эти цифры. Показатели по Северной Дакоте увеличились вдвое, в Миннесоте возросли с 78 до 117 человек. А в Мэне и Вермонте с 1991 по 1998 год почти ничего не изменилось, в Мэне количество заключенных даже сократилось со 127 до 125 человек на 100 000 жителей.

7.5 Состояние тюрем

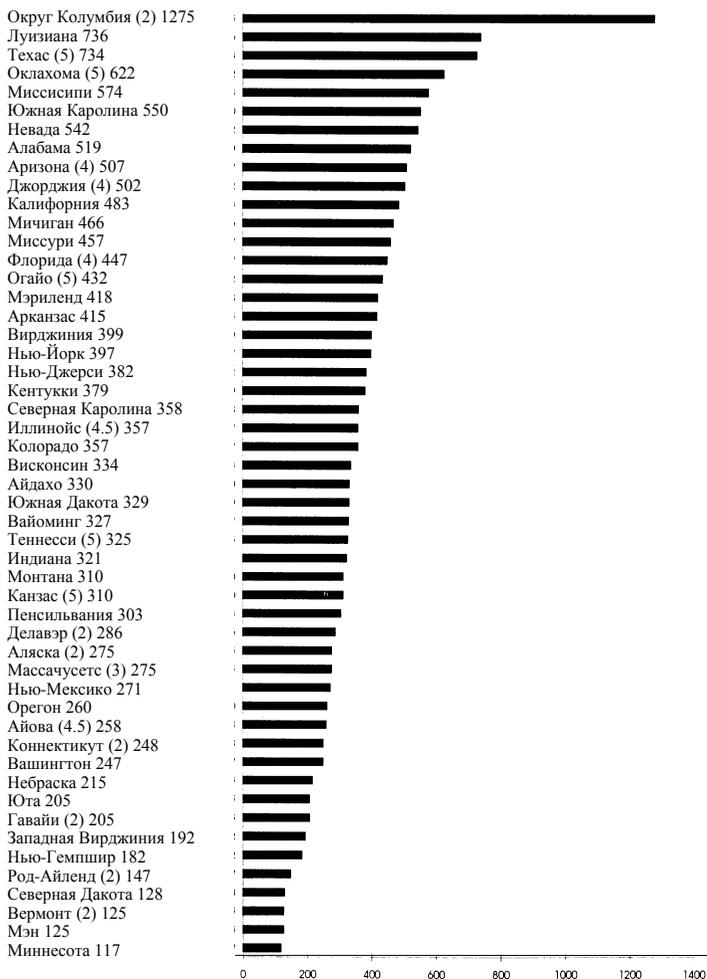
В *Los Angeles Times* от 1 мая 1990 года так описывалась тюрьма, построенная в связи с тем, что количество заключенных в Калифорнии резко возросло:

Исправительное учреждение Пеликан Бей полностью автоматизировано и спроектировано так, что заключенные практически не видят в лицо охранников или других заключенных. В течение 22,5 часов в сутки заключенные находятся в камерах без окон, стены которых сделаны из цельных бетонных блоков и нержавеющей стали, так что у них нет доступа к материалам, из которых можно было бы сделать что-нибудь похожее на оружие. Они не заняты в тюремном производстве, у них нет доступа к развлечениям, они не смешиваются с другими заключенными. Им даже не разрешается курить, поскольку спички не выдаются по соображениям безопасности. Все заключенные принимают пищу в камерах, которые покидают только для того, чтобы принять непродолжительный душ и для 90-минутной ежедневной прогулки. И то и другое они делают строго по одному на миниатюрных, голых, вымощенных бетоном двориках, окруженных 20-футовыми стенами тоже из бетона, обшитыми металлическими листами. Двери в камеры открываются и закрываются электроникой, включаемой охранником с пульта управления.

... В учреждении практически нет решеток. Двери камер сделаны из перфорированных листов нержавеющей стали со щелью для подносов с пищей. Не видно в коридорах и охранников со связками ключей на поясах. Они находятся в закрытых пунктах управления со стеклянными стенами и общаются с заключенными через сеть громкоговорителей.

...Отделение строгого содержания имеет свой собственный штрафной изолятор, свою юридическую библиотеку (надежно охраняемое помещение, со специальными окошками для выдачи книг) и отдельное помещение, где проводится рассмотрение дел по досрочному освобождению. Заключенные могут годами не выходить из отделения.

Диаграмма 7.4-1. Количество заключенных на 100 000 жителей, осужденных на срок более одного года, находящихся в федеральных тюрьмах и тюрьмах штатов. 1998 год¹.

¹ По данным Bureau of Justice Statistics. Bulletin «Prisoners 1998», с. 3.

(2) Тюрьмы штатов и местные тюрьмы составляют единую систему. Исходные данные имелись по всем заключенным и были уменьшены на треть.

(3) Количество заключенных включает расчетные данные (6200 заключенных, осужденных на срок от одного года, но содержащихся в местных тюрьмах или исправительных домах).

(4) Количество заключенных основано на подсчетах охраны.

(5) В число осужденных на срок от одного года включено некоторое количество лиц, осужденных на срок до одного года.

Corrections Digest (27 июня 1990 г., с. 9) приводит слова губернатора Калифорнии, сказанные им на открытии новой тюрьмы:

«Теперь в Калифорнии есть превосходная тюрьма, которая будет служить моделью для всей нации... Пеликан Бей является символом нашей философии, состоящей в том, что лучший способ уменьшить преступность – это засадить уголовных преступников за решетку».

Губернатор отметил также, что стоимость содержания одного осужденного в тюрьме равна 20 000 долларов в год, что следует сравнить с 430 000 долларами, в которые обходится обществу профессиональный уголовник, разгуливающий на свободе.

Однако Калифорния не одинока. Газета *Sunday Oklahoma* от 24 февраля 1991 г. сообщает о новостях штата Оклахома:

Заключенные, помещенные в отделение максимально строгого режима содержания, будут находиться в камерах 23 часа в сутки и один час проводить в небольшой, выстроенной из бетона зоне для прогулок, окруженной 200-футовой стеной. Зона закрыта сверху металлической решеткой. В принципе, заключенный, ступив однажды внутрь новой тюрьмы, может никогда не выйти наружу. Первыми ее обитателями будут 114 человек, приговоренных к смертной казни. В тюрьме также имеется камера для приведения в исполнение смертных приговоров.

Организация Хьюман Райтс Вотч (Human Rights Watch) провела исследование условий содержания в тюрьмах США. Это исследование проводилось параллельно с аналогичным исследованием организации Хельсинки Вотч (Helsinki Watch) по условиям содержания в тюрьмах Советского Союза. В подробном отчете (Human Rights Watch, 1992) описана тенденция, ведущая к полной изоляции заключенных в тюрьмах США. В докладе эта тенденция называется «марионизация». В федеральной тюрьме Марион в 1983 г. был предпринят целый ряд беспрецедентных мер безопасности, и 36 штатов продолжили этот ряд, отстраивая свои собственные исправительные учреждения со сверхусиленным режимом содержания, которые на тюремном жаргоне называются «макси-макси».

Режим заключения в тюрьмах «макси-макси» регулируется тюремной администрацией без независимого надзора извне, что дает возможность осудить заключенного дважды: первый раз судом к определенному сроку лишения свободы и второй раз тюремной администрацией к отбытию срока в особо тяжелых условиях.

Условия в тюрьме Марион тяжелее, чем в любой другой федеральной тюрьме, и включают содержание в камерах до 23 часов в сутки и запрет на свидания (с. 4).

В тюрьмах штатов те же порядки. В докладе о штате Флорида говорится:

Особенно яркий пример – это отделение Кью-уинг тюрьмы Старки штата Флорида. В нем отсутствуют окна, и заключенные никогда не выпускаются наружу, причем некоторые из них находятся там уже в течение семи лет (с. 4).

... Такой режим содержания не ограничен какими-либо рамками и может продолжаться, как нам объяснили, до 15 лет. Заключенному положено в неделю трижды принять душ и провести в общей сложности два часа на открытом воздухе – это все время, которое он находится вне камеры. Он может купить ограниченное количество товаров в ларьке и брать одну книгу в неделю из библиотеки (если он не стоит в черном списке библиотеки – еще одна дисциплинарная мера в этой тюрьме). Заключенные, которые находятся под особым надзором, могут быть одновременно лишены на многие годы права заниматься упражнениями вне камеры или оставлены без прогулок на открытом воздухе. Правила внутреннего распорядка тюрем штата Флорида гласят, что «особый надзор не является по своей природе дисциплинарной мерой, и заключенные, находящиеся под особым надзором, не считаются наказанными» (с. 44).

Дисциплинарные меры еще более серьезны и предназначены для заключенных, которые нарушают правила. Кроме ограничений, связанных с особым надзором, эти заключенные не могут пользоваться библиотекой, за исключением юридической литературы. Но наказания могут быть и еще более жесткими. В тюрьме есть отделение Кью-уинг для тех, кто нарушает правила распорядка, уже попав в одну из перечисленных категорий. Размер камер здесь около 2 на 2,6 метра с бетонной лежанкой, туалетом и раковиной. Окна и обстановка отсутствуют. Дверь сделана из металла. В камере стоит удушающая жара, как сообщается в докладе Хьюман Райтс Вотч (с. 45).

В 1997 году было открыто еще одно такое заведение. *Corrections Digest* от 5 декабря 1997 года описывает его так:

Архитекторы сумели вместить все необходимое в камеру площадью около 10 квадратных метров. Каждая рассчитана на двух заключенных, в ней имеются двухъярусная кровать, унитаз, раковина и душ. Впервые в камере предусмотрена дверь, ведущая на крохотный (1,8 на 2,5 м) зарешеченный балкон, где заключенные смогут по часу в день гулять.

Двери на эти балконы открываются автоматически, ими управляют надзиратели, которые и решают, когда заключенным можно выйти на прогулку.

Из камеры в коридор ведет металлическая дверь, и поэтому заключенные из соседних камер общаться не могут. В каждой двери есть окошко, через которое надзиратели передают еду, а также могут надеть заключенному наручники перед тем, как открыть дверь в камеру.

Для работы в каждой из новых тюрем предполагается нанять еще 19 надзирателей и двоих сержантов. Власти считают, что для надзора над 200 заключенными этого достаточно, поскольку в новых тюрьмах все предусмотрено для того, чтобы контакт надзирателя с заключенными был сведен до минимума.

Хьюман Райтс Вотч (1997, с. 18) назвала одну из своих публикаций, а также все заведения подобного рода «Холодильное хранение» («Cold Storage»):

Тридцать шесть штатов и правительство имеют теперь пятьдесят семь тюрем повышенной вместимости, так называемые «супермаксы», часть из которых пристроена к имеющимся тюрьмам, часть возведена на новом месте. Строительство продолжается, и скоро в «супермаксах» будет содержаться еще на 25% заключенных больше.

В том же отчете приводятся слова окружного судьи Телтона Хендерсона (с. 10):

Содержание заключенных в таких условиях сравнимо с пичканьем седативными препаратами, с помощью которых их можно было бы постоянно держать в состоянии ступора. Да, степень риска, которому подвергают себя надзиратели, снижается значительно, однако подобные тюрьмы не соответствуют никаким конституционным нормам.

Судя по имеющимся данным, 1,8% всех американских заключенных содержатся в условиях максимальной безопасности, в том числе и в так называемых «супермаксах». В Великобритании их 0,1% (Коэл, Соуле, 2000). Однако США – страна контрастов. Полная изоляция – это только одна из разновидностей зла. Но ее противоположность тоже не представляет собой ничего хорошего. В докладе Хьюман Райтс Вотч описаны и такие условия (с. 19-20):

Местные тюрьмы предназначены для содержания осужденных с небольшими сроками заключения, и это обстоятельство находит отражение в структуре большинства таких учреждений. Условия для отдыха там весьма ограничены, заключенные содержатся в камерах без

окон, и им предоставлены очень скромные, если предоставлены вообще, возможности для уединения.

Например, Центр уголовного правосудия в Нашвилле, штат Теннесси, вместимостью около 300 человек, был построен в 1982 г. Во время нашего визита в 1990 г. там содержалось более 800 человек, и нам сообщили, что недавно был период, когда в Центре содержалось 1100 заключенных. В течение более шести месяцев гимнастический зал использовался для размещения нескольких сот подследственных. В зале было только два туалета и два душа. В момент наибольшей перенаселенности 200 заключенных размещались в подземном тоннеле, ведущем в здание суда. В этом помещении вообще не было душа и туалета.

...в учреждении Рикерс Айленд в Нью-Йорке из 1516 заключенных на момент нашего визита около 300 были размещены в отдельных камерах (в основном, изолированных), а остальные – в общих камерах и на палубах приспособленных паромов, стоящих на якоре у берега острова. Количество заключенных в общих камерах доходило до 57.

...В местной тюрьме Сибил Бранд в Лос-Анджелесе женщины - спали в общих камерах, где содержались от 130 до 156 человек. Камеры были переполнены, и не было возможности уединиться.

Жалобы этих заключенных удивительно похожи на жалобы русских заключенных, которые мы приводили ранее. Но эти – из США:

Общие камеры были рассчитаны на 50 человек, но тем не менее в них размещалось около 90 в момент нашего визита. Заключенные жаловались нам на тесноту и на невозможность выбрать себе соседа по камере. Очень толстая женщина (она сказала, что весит 124 кг) сообщила, что когда она с другой женщиной была в карцере, они буквально не могли повернуться (с. 34).

Один из заключенных ... рассказал о своей камере (в другой тюрьме): «Облезлая краска на стенах, протекающие трубы, разбитые стекла в окнах, тусклое освещение, тараканы, крысы, мыши, муравьи, комары, заплесневевшие подушки и матрасы, покрытые слоем грязи, непереносимая жара летом, жуткий холод зимой».

США – страна контрастов и в других отношениях. Снова цитируем доклад Хьюман Райтс Вотч (Human Rights Watch, с. 61):

Из всех учреждений, которые посетили представители Хьюман Райтс Вотч, только в тюрьме Бедфорд Хиллз заключенным женщинам, родившим в период заключения, разрешалось оставить детей в тюрьме. По закону штата Нью-Йорк им разрешается оставлять детей до одного года.

Кроме помещений для маленьких детей, в тюрьме Бедфорд Хиллз, где 75 процентов всех заключенных женщин имеют детей, есть возможности для сохранения контакта со старшими детьми. Летом в этом учреждении действуют недельные программы для детей заключенных, которые живут в местных семьях и проводят день со своими матерями в специальных помещениях. Они могут заняться играми в большой, заполненной игрушками комнате свиданий или воспользоваться игровой площадкой снаружи. По словам директора, раз в месяц в течение всего года из Нью-Йорка и Олбани до тюрьмы ходит автобус с таким расчетом, что дети могут навещать своих матерей самостоятельно, не обязательно в сопровождении других родственников.

7.6. Объяснение преступности

Обычно причины роста количества заключенных трактуются как отражение роста преступности. Преступник начинает действовать, а общество вынуждено реагировать. Такой образ мышления основан на идее возмездия. Как мы уже отмечали, этот подход не оправдался в Европе. В США его результаты не лучше.

В 1990 году количество заключенных по сравнению с данными десятилетней давности возросло вдвое. Но вот что сообщило Бюро судебной статистики (Bureau of Justice Statistics, *National Update*, январь 1992, с. 5) о количестве жертв за этот период:

Тенденция уменьшения количества жертв преступлений, начавшаяся десять лет назад, продолжается.

В 1990 г. было совершено примерно 34,4 миллиона преступлений против личности и имущественных преступлений по сравнению с 41,4 миллиона в 1981 г.

С 1973 по 1990 гг. количество преступлений против личности (изнасилования, грабеж, нападения, уличное воровство) уменьшилось на 24,5%, а количество имущественных преступлений (кражи со взломом, квартирные и автомобильные кражи) уменьшилось на 26,1%.

Поскольку Национальный обзор жертв преступлений (NCVS –The National Crime Victimization Survey) учитывает только те преступления, у жертв которых можно взять интервью, то убийства не входят в их данные. Это исключение не сильно влияет на общие оценки.

Более того, количество зарегистрированных полицией серьезных преступлений также постепенно уменьшается, что резко противоречит расхожим представлениям о преступности в США. Статистические данные ФБР по серьезным преступлениям начинаются на уровне 5,1 мил-

лиона в 1980 г. и кончаются на уровне 4,8 миллиона в 1989 г. Однако суровость наказания за эти преступления возрасла. В 1980 г. на каждую 1000 арестов за серьезные преступления приходилось 196 приговоров к тюремному заключению. В 1990 г. соответствующее количество приговоров увеличилось до 332 (по данным Бюро судебной статистики по заключенным за 1990 г.).

Мауер (Maueг, 1991, с. 7) комментирует:

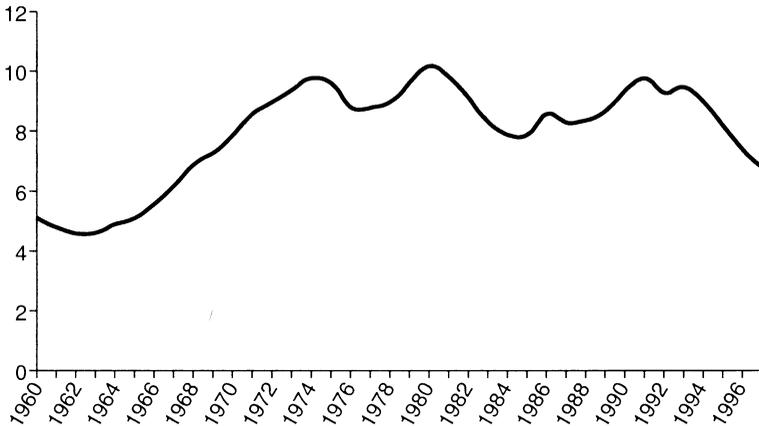
Вопрос о высоком уровне преступности в США не подлежит сомнению, однако имеются многочисленные свидетельства того, что увеличение количества людей за решеткой за последние годы скорее является результатом более жесткой политики в области уголовного правосудия, проводимой в течение последнего десятилетия, чем непосредственным следствием роста преступности.

Когда речь идет об убийствах, различие между США и другими индустриальными странами очевидно. Здесь убийства случаются в шесть раз чаще, чем в Англии и Уэльсе, и в десять раз чаще, чем в Скандинавии. Но даже в США убийство – не такое уж распространенное преступление, и ими никак не объяснить огромную разницу в количестве заключенных в США и Западной Европе. И конечно же, увеличение количества заключенных происходит не из-за возросшего количества убийств. На *диаграмме 7.6-1* показано, как изменялось количество убийств в США с 1960 по 1997 год. После 1975 года цифры меняются незначительно, хотя они и высоки. А по количеству прочих преступлений США мало отличаются от других стран. Описание этого можно найти у Лангана и Фаррингтона (Langan and Farrington, 1998), где они сравнивают преступность и уголовное правосудие в США и в Англии и Уэльсе в 1981-1996 годах. Одно из основных впечатлений от их работы – насколько схожи обе страны по таким показателям, как добровольное сообщение о совершенном преступлении в полицию, сообщения в полицию от пострадавших и очевидцев, раскрытые преступления. Но в американской полиции расследуется больше из сообщенных преступлений, чем в Англии; преступники чаще приговариваются к тюремному заключению, и приговоры эти более суровы.

Взрывное увеличение количества заключенных в США невозможно объяснить тем, что оно «вызвано ростом преступности». Дело в установках, которых придерживаются правоохранительные органы. Бюро судебной статистики в своем бюллетене (Bureau of Justice Statistics, *Bulletin*, август 1999) приводит следующие сведения:

На рост количества заключенных в тюрьмах штатов с 1990 по 1997 годы влияли следующие факторы:

Диаграмма 7.6-1. Количество убийств на 100 000 жителей.
США, 1960-1997 гг.

- на 39% возросло количество лиц, совершивших правонарушения после условно-досрочного освобождения и вновь отправленных в тюрьму. На 4% увеличилось количество новых дел, переданных в суд;

- ежегодное количество освобождаемых из тюрем сократилось с 37% в 1990 году до 31% в 1997;

- увеличился средний срок отбываемого тюремного заключения (с 22 месяцев в 1990 году до 27 месяцев в 1997 году) и ожидаемые сроки для лиц, вновь попавших в заключение (с 38 месяцев до 43 месяцев);

- хоть и незначительно (на 10%), но увеличилось количество заключенных, имеющих срок от 20 лет или пожизненное заключение.

Дольше сидеть в тюрьме будут прежде всего люди, осужденные за насилие. Описанные выше тенденции автоматически приведут к тому, что в американских тюрьмах возрастет процент заключенных, осужденных за насилие, но это – результат административных и судебных решений, а не изменения в «криминальной обстановке». Однако и это лишь частично объясняет увеличение числа заключенных. Количество лиц, попавших в тюрьмы штатов за насилие, возросло с 46% в 1990 году до 47% в 1997, а количество осужденных за наркотики сократилось с 22% до 21%. Однако в местных тюрьмах количество осужденных за насилие сократилось с 30% до 26%, а осужденных за наркотики возросло с 9% до 22%, и это за период с 1983 по 1996 год. В федеральных тюрьмах,

как мы уже писали в главе 5.3, главным образом сидят осужденные за наркотики. В 1970 году, когда в федеральных тюрьмах сидело 20 686 заключенных, осужденных за наркотики было 19%. В 1997 году заключенных было 90 992, из них 60% – осужденных за наркотики¹.

Вместо того, чтобы искать в тюрьмах объяснение причин роста преступности, можно взглянуть на все с другой стороны и увидеть объяснение тюремных условий в социальном феномене. Детей отправляют на учебу в бизнес-колледжи. Они учатся у преподавателей, у сокурсников. Там они найдут друзей и коллег на всю жизнь. Тюрьмы ничем не отличаются – там тоже свой образ жизни.

Шлоссер (Shlosser, 1998) пишет:

В большинстве американских тюрем – там, где насилие, жестокость, шантаж давно стали нормой – учат тому, что сильный всегда побеждает слабого. Заключенные, которые хоть немного выказывают свою уязвимость, немедленно становятся жертвами. В пятидесятые и шестидесятые годы в тюрьмах Иллинойса и Калифорнии создавались банды заключенных – для самозащиты. Теперь эти банды существуют по всей стране. ... Среди молодежи вошли в моду татуировки, обычаи, жаргон этих тюремных банд. В американских городах тюремная культура становится культурой улиц.

Это было заметно уже несколько лет назад:

Ричард Страттон, редактор журнала *Prison Life* («Тюремная жизнь»), считает, что наблюдается рост интереса к тюремной культуре, отсюда и мода на все тюремное. ... «Тюремная культура сейчас выплескивается наружу и становится частью всеобщей культуры», – говорит он.

Мода на мешковатую, плохо сидящую одежду пошла именно оттуда. Ведь у заключенных отнимают ремни, чтобы они не использовали их как оружие, чтобы на них не вешались. Так что в тюрьме приспущенные брюки – дело обычное. Страттон утверждает, что музыка в стиле «рэп» и татуировки тоже пришли из тюрем. «Все это – тюремная культура, распространившаяся на культуру в целом». *USA Today*, 2 ноября 1995 г.

7.7 Без тормозов

Стремление понять жизнь общества в значительной мере сводится к попыткам выяснить, какое значение придается тому или иному феномену и почему. Короли, кто они – заместники Бога на Земле или же потомки

¹ Bureau of Justice Statistics, Sourcebook, 1997, таблица 6.52.

самых удачливых из преступников? А богатые и знаменитые люди, преуспевающие бизнесмены – как они оказались на вершине успеха, благодаря своим добродетелям? Бедняки – кем их считать, лентяями и пьяницами, ни на что не годными, или жертвами социальных условий, от них не зависящих? Трущобы в больших городах – это что, места, где сбиваются в стаи те, у кого нет никаких устремлений в жизни, или же это дно, на которое опускаются люди, которым не досталось их доли социальных благ?

В трущобах творятся страшные дела: процветают проституция и торговля наркотиками, постоянно происходят убийства. То есть все то, что считается преступлениями. Преступлениями, с которыми нужно вести войну. Но и в этих феноменах можно найти иной смысл. Их можно увидеть прежде всего как показатели нищеты, нехватки рабочих мест, школ, больниц. И эти показатели так велики, что на исправление ситуации пошли бы не меньшие суммы, чем те, которые отпускаются на войны за пределами страны. Человек посторонний задается вопросом: почему американские трущобы рассматривают как объекты войны, вместо того, чтобы видеть в них объекты серьезных социальных реформ.

Еще в 1831 году Алексис де Токвиль (Alexis de Tocqueville, 1990) отметил, что в демократическом духе и борьбе за равноправие, которые он наблюдал, путешествуя в то время по США, имеются не только позитивные аспекты. Особенно он опасался возможности тирании, проистекающей из равноправия (1990, с. 231):

Если я ощущаю руку власти у себя на челе, меня не интересует, кто именно на меня давит; и мне отнюдь не хочется совать голову в холм, даже если его держит миллион человек.

А о правовой системе он писал так (с. 131):

Главная моя претензия к демократическому правительству в США – не его слабость, которую видят большинство европейцев, а скорее его несокрушимая сила. Наиболее отвратительным в Америке я нахожу не излишнюю свободу, царящую там, а недостаток гарантий от тирании.

Если человек или партия оказываются жертвой несправедливости, к кому они обращаются? К общественному мнению? Это то, что образует большинство. К законодательной власти? Она представляет большинство и слепо ему повинуетя. К исполнительной власти? Она назначается большинством и является орудием в его руках. К полиции? Это то же большинство, только вооруженное. К суду? Суд – это большинство, облеченное правом выносить приговор; даже судьи в некоторых штатах избираются большинством. Поэтому, сколь не-

справедливыми или неразумными ни были бы принятые к тебе меры, ты должен покориться.

Кое-кто скажет, что это не может продолжаться долго. Слишком дорого, поэтому неминуемо прекратится.

Я в этом сомневаюсь. Кто в разгар войны считает деньги? Война с наркотиками, война с насилием, война с порнографией – они необходимы, чтобы улицы были безопасными, чтобы собственность была под защитой, и это – архетипические ситуации, в которых деньги ничего не решают.

Особенно опасны эти ситуации потому, что изменения, происходящие в США, могут усугубить положение дел в России, и наоборот. Тем, кто возмущается резким увеличением количества заключенных в одной из этих огромных стран, можно заткнуть рот, сославшись на то, что происходит в другой. Критика роста количества заключенных в России наталкивается на ответ: «Взгляните на Америку», а в США многие успокаивают свою совесть сведениями об ужасном положении в тюрьмах России.

Эта взаимосвязь двух стран, бывших недавно мировыми лидерами, имеет последствия и для других индустриальных государств. Когда Америка позволяет себе такую политику в отношении части своих граждан и нарушает все ранее принятые нормы, а Россия скатывается к гулаговским рекордам, создается угроза изменения взгляда во всем индустриальном мире на приемлемое количество заключенных. Устанавливается новая система координат. И поэтому Западной Европе, возможно, будет труднее придерживаться своей относительно гуманной политики в отношении наказания. А другие государства Восточной Европы могут счесть возможным последовать примеру двух мировых лидеров.

Глава 8

Борьба с преступностью как продукт

Обычно мы считаем борьбу с преступностью чем-то независимым от денег и рынка. Строгие судья в мантиях, вся система наказаний – все это кажется далеким от условий рынка. Наказание – обязательство, взятое государством, ноша, которую мы на себя взвалили для того, чтобы оставаться упорядоченным обществом. Эта деятельность вне торговли, денег, прибыли.

В этой главе мы приведем иную точку зрения. Она рассматривает систему наказаний, как структуру, подвластную условиям рынка. Причинение страданий является действием огромной экономической важности для тех, кто этим занимается.

Сначала я собираюсь рассмотреть рынок страданий, используя те же термины, которые встречаются в специализированных журналах по экономике и бизнесу, в жанре статьи для сотрудников и руководителей тюремной индустрии. Затем я разовью три наиболее важные темы, которые объясняют развитие этой системы: личная инициатива, технологические нововведения и, наконец, важность тюремной индустрии в национальной экономике.

8.1 Самореклама

Мы знаем из фольклора, что в США всего имеется больше, чем в каком-либо другом месте. Тем не менее, у иностранца остается незабываемое впечатление после того, как он перелистает официальное издание Американской ассоциации исправительных учреждений (American Correctional Association). Под заголовком *Corrections Today* («Тюрьма сегодня») вы обнаруживаете гляцевые страницы журнала превосходной по качеству цветной печати, содержащие множество рекламных

объявлений, которые, возможно, являются значительным источником дохода ассоциации. *Correctional Building News*, появившаяся в 1994 году, больше похожа на газету, но также с красочной рекламой. Она считается информационным бюллетенем *The Correctional Building Industry* и тоже напичкана объявлениями строительных организаций. В 1999 году она была переименована в *Correctional News*. В номере за июль/август главный редактор объясняет это так: «Теперь спектр тем будет шире, что уже видно по этому 48-страничному номеру. Руководящие работники и обслуживающий персонал смогут больше узнать о спектре услуг, о принципах управления, применяемых в тюрьмах и прочих исправительных учреждениях».

В июньском выпуске 1991 г. журнала *Correctional Today* («Тюрьма сегодня») было напечатано 111 рекламных объявлений.

Тогда я впервые прочитал этот журнал, и он произвел на меня такое впечатление, что я провел небольшое исследование по рекламе, имевшейся в этом номере и в нескольких последующих. Теперь я читаю его регулярно. Тенденции в нем уже несколько лет те же, поэтому мое исследование 1991 года все еще актуально. В журнале представлены три основных категории рекламных объявлений:

1. Строительство тюрем, целых комплексов или отдельных частей. Таких объявлений шестнадцать. Просто – вы звоните, мы строим. Через шесть месяцев после вашего звонка тюрьма готова. Компания *Besteel* – одна из таких. В объявлении на полную страницу мы читаем:

Тюрьмы и исправительные учреждения округа Олбани. Местные тюрьмы с общими камерами на 64 койки... Строим за 6 месяцев.

Компания *Bell Construction* тоже занимает целую страницу под заголовком:

Тюрьмы под ключ!

Мы строим более 20 лет. Строим свою репутацию. Строим список клиентов и строим исправительные учреждения. Мы строим – это все, что мы делаем.

Строительство двадцати пяти исправительных учреждений общей стоимостью 300 миллионов долларов дало нам опыт, и сейчас наши клиенты называют нас «профи».

Вы собираетесь строить или ремонтировать исправительное учреждение? Вы нуждаетесь в учреждении, построенном по проекту за гарантированную цену? Если вы хотите познакомиться ближе с нашим опытом, позвоните Дону Эстесу, старшему вице-президенту, по телефону...

Иногда властям не хватает площади для строительства тюрем. Компания Bibby Line group предлагает решение в духе старой доброй традиции корабля дураков*:

Исправительные учреждения на воде

Времена меняются... Bibby ПРЕДЛАГАЕТ альтернативу учреждениям на суше.

Bibby ОБЕСПЕЧИВАЕТ:

- Преодоление кризиса за 90-120 дней.
- До 650 коек за 9-12 месяцев.

2. Оборудование для тюрем. Июньский выпуск содержит 43 разнообразных объявления, относящихся к этой категории. Среди них три объявления рекламируют телефоны, конструкция которых наиболее подходит для тюремных условий, двадцать – разнообразные системы электронного наблюдения, три – оружие, и семь – другое оборудование для охраны.

Телефон, который дает вам новые возможности, –

так называется страничное объявление компании USWEST Communication:

Этот телефон делает только то, что *вы* хотите от него. Он следит за продолжительностью разговора абонентов. Он позволяет блокировать набор определенных номеров. Он позволяет отслеживать и регистрировать все действия с телефоном, как указано... Держите под жестким контролем привилегию заключенных пользоваться телефоном...

Или:

Сделано для профессионалов уголовного правосудия: Злоупотребления наркотиками? Да или нет в течение трех минут... Быстрое получение результатов не оставляет времени для выдумывания алиби... Устройство ONTRAK не оставляет времени на оправдания и позволяет вам полностью контролировать ход проверки.

«Тюремный браслет»

Идентифицируйте личность заключенных с помощью высоконадежного водостойкого браслета. Две металлические запорные кнопки обеспечивают высокую надежность неснимаемого, не растягиваемого идентифицирующего браслета. Не требуется специальных инструментов, чтобы запереть браслет. В наличии имеются системы

как с рукописным кодом, так и со вставляемой картой. Браслет SECUR-BAND – это решение проблемы идентификации личности заключенных.

Июньский выпуск *Corrections Today* содержит огромное количество рекламных объявлений, но его затмевает следующий номер журнала. В июле количество страниц увеличилось со 160 до 256, а количество объявлений – со 111 до 130. Часть из них была того же типа, что и в июньском номере, как, например, объявление, рекламирующее слезоточивый газ:

Система TG Guard, установленная в крупнейших тюрьмах, является средством оперативного контроля и включает в себя сеть выпускных клапанов для слезоточивого газа, установленных на уровне потолка. Эти вентили включаются персоналом, находящимся в защищенном помещении, с помощью дистанционного управления. Включать их можно в любом заданном порядке и с различной концентрацией газа для того, чтобы вынудить заключенных покинуть занятые помещения по заданному вами пути.

Если слезоточивый газ вас не устраивает, предлагается комплект защитной одежды Point Blank Body Armour:

Некоторые заключенные *жаждут* порезать, уколоть, продыривить, отколотить и поджечь вас. Однако им не удастся преодолеть ваш S.T.A.R. (Special Tactical Anti-Riot vest – специальный жилет для тактических операций в ходе беспорядков).

В дополнение к обычным объявлениям июльский номер содержит шестьдесят желтых страниц под заголовком:

Справочник потребителя товаров и услуг для исправительных учреждений.

В нем приведен список 269 компаний с названиями их продуктов, от А – системы пропускного контроля (Access Control system), через Р – передвижные тюремные камеры (Portable Jail Cells), и до Х – рентгеноскопическое и защитное экранирующее оборудование (X-ray and security screening equipment). В списке – как новейшие электронные компании, так и фирмы с традициями, как например:

Human Restraint Company (Компания «Гуманное усмирение» – *прим. перев.*):

Высококачественные кожаные смирительные пояса. Производятся в США с 1876 г. По вашему письму или звонку высылаем бесплатную брошюру.

Это официальное издание Американской ассоциации исправительных учреждений содержит не только платные объявления. Там встречаются и статьи, втиснутые между рекламой. Однако некоторые из статей написаны сотрудниками тех же самых фирм, которые рекламируются в журнале. В июльском номере есть статья Остроски и Рона, оба из компании «Precision Dynamics Corporation», производителя систем идентификации. Они рассказывают о Лос-Анджелесе, где расположено, по их словам, самое большое «в свободном мире» исправительное учреждение с одиночными камерами. В этом замечательном месте они в течение почти 14 лет полагаются на именные браслеты, которые носят заключенные. Но в штате Джорджия есть куда более изощренная система:

В переполненной местной тюрьме округа Декалб близ Атланты содержится более 1200 заключенных. Зимой 1989 г. здешняя администрация решила использовать браслеты со штриховым кодом, что требует той же самой технологии, что и штриховые коды в универмагах и торговых центрах.

...

Для создания способствующей исправлению атмосферы и, одновременно, сохранения высокого уровня безопасности администрация тюрьмы внедрила лазерное сканирующее оборудование и портативную систему сбора данных для идентификации и контроля за заключенными.

С помощью ручных лазерных устройств для сканирования кодов на браслетах сотрудники вводят данные в небольшой компьютер. Этот метод сбора информации позволяет избавиться от бумажной работы, связанной с контролем за перемещениями заключенных.

...

Сейчас разработана технология нанесения фотографий заключенных на те же самые браслеты со штриховыми кодами... Заключенные не могут поменяться браслетами, что предотвращает подмены при освобождении (с. 142-145).

Иллюстрируют статью две картинки. На обеих изображены руки чернокожих (только руки!) с браслетами. На одной картинке показаны руки белого охранника, занятые браслетом, а на другой он изображен в рост. Кажется невозможно лучше, чем на этих фотографиях, передать идею обращения с людьми, как с неодушевленными предметами. Обращения на основе технологии, так хорошо известной благодаря торговым центрам.

3. Обслуживание тюрем также играет большую роль, судя по двадцати объявлениям в июньском номере:

Когда моральный дух зависит от качества пищи, можете положиться на нас... Компания Service America работает в тюрьмах всей страны, поддерживая свою репутацию хорошим поведением заключенных... Если вы отвечаете за питание в исправительных учреждениях, поговорите с нашими специалистами по приготовлению пищи, которые знают, на чем держится правосудие. Звоните...

Другое условие порядка – хорошее оружие. Надежные фирмы предлагают как боевое, так и небоевое оружие. Один пример небоевого:

Cap-Stun II

Применяется в ФБР и еще 1100 правоохранительных агентствах. За 14 лет ни одного обращения в суд в связи с применением Cap-Stun. Проверенное эффективное средство против наркоманов и психопатов. Имеются потребительские модели для ваших друзей и близких.

Среди 111 июньских объявлений было также несколько штук, рекламирующих обычные товары для обычных людей, не имеющих особой связи с тюремным потребительским рынком.

Июльский выпуск содержит еще два экстраординарных материала. Один состоит из нескольких страниц благодарностей спонсорам банкета, который должен был состояться на 121 Конгрессе сотрудников исправительной службы (август 1991 года) в Миннеаполисе. Праздник тюремных работников оплачивают многие: от телефонных компаний до производителей пуленепробиваемого стекла. Особо притягательной делает поездку в Миннеаполис возможность покинуть город «в новеньком замечательном спортивном автомобиле Dodge Daytona ES выпуска 1991 года, оборудованном всеми мыслимыми и немыслимыми дополнительными устройствами!» Единственное условие состоит в том, что вы посетите выставочный зал, где размещены образцы промышленной продукции, и оставите доказательство, что вы там были. Зарегистрировав свое присутствие в зале, вы автоматически становитесь участником лотереи, где разыгрывается автомобиль.

* * *

Одно личное замечание, касающееся способности человека к адаптации. Когда я впервые взял в руки номер *Corrections Today*, я был склонен не доверять собственным глазам. Из прочитанных объявлений возникал близкий к невероятному образ заключенного. Настолько же невероятным было открытое выставление напоказ связи между интересами представителей тюремной системы, с одной стороны, и промышленных компаний, с другой. Медицинские журналы, разумеется, ведут

себя так же, и фармацевтические фирмы еще более рьяно подкупают врачей, выступая спонсорами их конгрессов, семинаров, поездок на Гавайи в компании с супругами и прочего. Но врачи хоть чем-то полезны своим пациентам. Американская ассоциация исправительных учреждений – другое дело. Эта организация является предельным олицетворением власти в обществе. Организация исполнения наказаний здесь субсидируется теми, кто производит орудия для этого дела.

Но затем, продолжая разговор о моих личных впечатлениях, через несколько недель я пережил второй шок, когда перечитал журнал еще раз. Теперь эти же объявления выглядели для меня немного в другом свете. Я смотрел на рекламу газовых вентилях в потолках камер, и этот текст или картинка уже не вызывали мгновенной ассоциации с концентрационными лагерями. Я читал без особого возбуждения о заключенных, которые жаждут порезать, уколоть, продырявить, отколотить и поджечь меня и других читателей. Я уже привык к этому, освоился с весьма специфическим взглядом на своих человеческих собратьев и перенял новые (урезанные) минимальные стандарты в отношении того, какие условия жизни одних людей могут определять другие люди.

8.2 Личная инициатива

Тюрьма – это деньги. Большие деньги. Строительство, оборудование. Деньги на содержание тюрьмы. В мае 1994 года American Jail Association (Американская ассоциация тюрем) проводила в Индианаполисе конференцию. Были разосланы такие приглашения:

Тюрьма-Экспо 1994

Рынок на 65 миллиардов долларов!

Участники «Тюрьмы-Экспо», занимающие ключевые позиции в принятии решений, касающихся местных тюрем, – шерифы, начальники тюрем, представители местных властей, сотрудники исправительных учреждений, директора больниц и учреждений сферы питания, архитекторы, инженеры – люди со всей страны привлекли самую свежую информацию о принципах управления тюрьмами, о новых тенденциях, услугах, товарах.

В 3400 местных тюрьмах США работает более 100 000 человек. В прошлом году в них было вложено более 65 МИЛЛИАРДОВ долларов. Рынок огромен! Тюрьмы – это большой БИЗНЕС. (Выделено не мной. – Н.К.).

Как утверждают Кнеппер и Лилли (1991), медицинское обслуживание и производство продуктов питания являются наиболее быстро рас-

тущими секторами переживающей бум тюремной индустрии. Однако наибольшие прибыли дают строительство и финансирование (с. 5):

В 1991-1992 гг. средняя стоимость койко-места в тюрьмах США составляет 53 100 долларов, увеличившись с 42 000 долларов в 1987-1988 гг. Не удивительно, что только в области архитектуры тюремных зданий специализируются более ста фирм, которые зарабатывают от 4 до 6 миллиардов долларов в год, участвуя в строительстве тюрем.

В результате этого строительного бума и появилась в 1994 году газета *Correctional Building News*. Вот основные темы здешней рекламы:

Заклученные нынче крепкие.
К счастью, наша мебель тоже.

XX-мебель сломать практически невозможно.
Поэтому ее покупают для тюрем.

А вот подпись под изображением троих типов крайне подозрительного вида:

Прежде чем запустить в производство
новую модель стеного шкафа,
мы отдаем его на проверку нашим экспертам.

Нас уверяют, что эта продукция

выдержит любой удар.

А вот как обыгрываются сроки заключения:

Все, что вам понадобится
в ближайшие двадцать лет.

Строители счастливы. Биржевой рынок тоже. Судя по публикации в *Wall Street Journal* от 10 апреля 1994 года, инвестиции в Корпорацию исправительных учреждений Америки (Corrections Corporation of America) и конкурентную ей компанию «Уакенхут» считаются наиболее перспективными. Биржевой маклер изменил свой совет относительно покупки акций «Уакенхут» с «рекомендую покупать» на «настоятельно рекомендую покупать» и объясняет это так:

Тюремный бизнес привлекателен тем, что количество заключенных растет быстрее, чем бюджеты, отпущенные на содержание тюрем. Экономии определить трудно, но аналитики считают, что «Уакенхут» может сократить на 15% сумму в 50 долларов, выделяемую правительством на одного заключенного в день (одежда, питание, содержание).

«Это беспроеигрышный бизнес», – считает мистер Руттенбург, утверждающий, что от этого выиграют и налогоплательщики, и тюрьмы.

Но он ничего не говорит о потерях.

* * *

Приватизация не представляет собой ничего нового. Именно с приватизации все началось – сначала в Англии, затем в США. Судебное преследование было частным, полиция была частной, местные тюрьмы были частными и содержались хозяевами питейных заведений. Самое важное – это то, что ссылка на каторгу была результатом частной инициативы и предпринимательской интуиции. В итоге за Атлантику было вывезено около 50 000 осужденных. По словам Филя (Feeley, 1991a, с. 3):

Вскоре после того, как в 1607 г. первые колонисты высадились в Вирджинии, вслед за ними прибыла небольшая группа осужденных преступников, сосланных туда после помилования, условием которого была продажа их в рабство. Так было положено начало новой системе уголовного наказания, системе, которая успешно функционировала почти 250 лет...

...Ссылка в Новый Свет удачно соединила в себе рентабельность и эффективность. Большая часть расходов на нее покрывалась купцами, которые в погоне за прибылью продавали человеческий груз, и плантаторами, которые покупали его. Ссылка была эффективным средством исполнения приговоров, поскольку без ее применения тысячи преступников остались бы ненаказанными.

...Ссылка на каторгу была нововведением, обусловленным меркантильными интересами. Это новшество с неохотой воспринималось государственными лицами до тех пор, пока они не начали постепенно приходить к пониманию его выгод.

...Применение ссылки на каторгу многократно увеличило возможности государства в сфере исполнения наказаний и обходилось правительству недорого. Ссылка сделала применение уголовных наказаний более доступным и эффективным, не требуя при этом создания централизованной бюрократической системы.

И традиция приватизации была внедрена в тюремную отрасль. Когда институт ссылки на каторгу прекратил свое существование, некоторые из ставших ненужными корабли отвели на стоянку в залив Сан-Франциско. Исправительные учреждения на воде, рекламируемые компанией Bibby Line group, имеют долгую историю. В заливе Сан-Франциско в них содержались заключенные, строившие тюрьму Сан-

Квентин. Строительство многочисленных, менее известных старых тюрем США также зависело от средств частных предпринимателей, которые использовали труд заключенных. Несколько больших тюрем были отданы в аренду частным подрядчикам.

Количество заключенных определялось не уровнем преступности, не потребностями общественного контроля или эффективностью полицейских функций, но желанием сделать преступность источником дохода для правительства и для сотрудников частных фирм.

Это цитата из работы Новака (Novak, 1982), заимствованная из статьи с выразительным заголовком: «Наказание с прибылью». Авторы статьи Эриксон, Мак-Магон и Эванс (Ericson, McMahon and Evans, 1987, p. 358. «Punishing for profit») добавляют, что:

В тюремной системе штата Миссисипи с удовлетворением отмечали тот факт, что она приносила ежегодный доход вплоть до Второй мировой войны. Только в конце 20-х – начале 30-х годов было законодательно запрещено использование наемного труда заключенных, – очевидно в ответ на давление сельских производителей и профсоюзов, которые не выдерживали конкуренции, особенно с приходом Великой депрессии.

Даже центральная концепция проектирования тюрем принадлежит людям, которые предполагали извлекать из них прибыль. Хорошо известно, что проект Паноптикона*, тюремного здания, которое, можно сказать, символизировало тотальный контроль, принадлежит Иеремии Бентаму. Слово «Паноптикон» (Pan opticon) означает «полный обзор». Проект Бентама представлял собой гигантскую окружность с высокой башней в центре. По окружности располагались камеры. Их окна выходили как наружу, так и внутрь окружности. В центральной башне размещалась охрана. С этой позиции просматривались все камеры и все, что в них происходило, в то время как самих охранников не было видно. Такая конструкция предполагала наилучшие возможности для наблюдения за минимальную стоимость. Иеремия Бентам планировал также провести слуховые трубы с тем, чтобы контролировать звуки из каждой камеры.

Бентам изготовил проект и разработал план эксплуатации своего учреждения частными подрядчиками. Более того, по утверждению Филя (Feeley, 1991, pp. 4-5), Бентам «неустанно добивался получения этого контракта для себя, полагая, что это обогатит его... С начала 1780-х до начала 1800-х годов он был помешан на этой идее. Он вложил тысячи фунтов своих собственных средств, пытаясь получить место под строительство и реализовать прототип Паноптикона».

Его вложения не дали результата. Но основные идеи этого проекта сохранили свою важность как с точки зрения архитектуры, так и экономики.

Как мы знаем, сегодня частные тюрьмы не являются продолжением некой старой идеи наказания, вроде ссылки на галеры или в работные дома. Вместо этого хорошей моделью является местное попечительство. На этом рынке часто проводились аукционы. Объявившие наименьшую ставку получали товар – попечительство над бедными. Возможность получения прибыли от содержания богадельни – вопрос спорный. Однако с развитием широкомасштабных программ не остается никаких сомнений в том, что здесь пахнет большими деньгами. Важнее всего то, что начиная крупную игру с частным бизнесом – вплоть до уровня частных тюрем, – мы встраиваем в систему важный фактор роста. Центральный вопрос такого подхода, как он сформулирован в статье Филя (Feeley, 1990, р. 2), выглядит следующим образом: *до каких пределов приватизация расширяет и преобразует правоспособность государства в сфере исполнения наказаний?*

Точка зрения Логана (Logan, 1990) состоит в том, что приватизация не обязательно ведет к увеличению вместимости тюрем:

Тем не менее, в целом бизнес преуспевает не за счет стимулирования искусственного спроса, а за счет точного предвидения характера и уровня действительного спроса (с. 159).

А как же определить, что является «действительным спросом»?

Рост тюрем должен соответствовать росту уровня преступности, что лежит вне государственного контроля, поэтому вместимость тюрем должна быть гибкой характеристикой (с. 170).

Сейчас, по Логану, спрос на места в тюрьмах не удовлетворен (с. 161). Это хуже, чем избыток мест:

Учитывая, что и недостаточная, и избыточная вместимость могут повлечь предвзятость в судопроизводстве, нам следует, в принципе, все же придерживаться избытка, хотя и маловероятно достичь этого в ближайшем будущем (с. 151-152).

Рассматривая преступность как неограниченный естественный ресурс для индустрии контроля над нею, можно понять опасность такого рода рассуждений. Экономические интересы индустрии будут, с благословения Логана, всегда на стороне переизбытка, как по отношению к полиции, так и по отношению к вместимости тюрем. Это создает исключительно сильный стимул к экспансии системы.

Кроме того, следует учитывать то обстоятельство, что приватизация значительно упрощает как строительство, так и содержание тюрем. Ад-

вокаты института частных тюрем попадают здесь в затруднительную ситуацию. Трудно в одно и то же время агитировать за более быстрое строительство, гибкость и экономическую выгодность частных тюрем и утверждать, что эти преимущества не приведут к перепроизводству. Логан раскрывает эти преимущества (с. 79):

Частные компании снова и снова демонстрируют, что они могут гораздо быстрее правительства получать участки, финансировать, проектировать и строить тюрьмы. По данным Корпорации американских исправительных учреждений, стоимость ее строительства составляет 80 процентов от того, что расходует правительство. Корпорация заявляет, что она может строить не только быстрее, сокращая таким образом потери от инфляции, но и с меньшими прямыми затратами, поскольку строительные подрядчики назначают большую цену, если заказчиком выступает государство.

Частное финансирование также облегчает жизнь правительству, поскольку при этом не требуется испрашивать разрешения избирателей на строительство новых тюрем. По словам Логана, «это исключает расходы на референдум» (с. 79). Частное финансирование также облегчает управление тюрьмами, поскольку в этом случае гораздо легче предотвратить забастовки персонала:

Поскольку забастовки или другие срывы дают повод правительству разорвать контракт, безработица, как результат забастовки, является действенной угрозой для персонала частных тюрем. Такая угроза, напротив, не часто оказывается эффективной для предотвращения забастовок в государственном секторе.

В качестве поддержки государственного сектора Логан предлагает

...связать закон, требующий сертификации персонала всех исправительных учреждений – государственных и частных, с законом, предусматривающим автоматическую повторную сертификацию для служащих, принявших участие в забастовке.

Частные тюрьмы можно считать экстремальным случаем. Но и сама по себе промышленная структура, предоставляющая услуги государственным исправительным учреждениям, – это эффективный фактор роста, встроенный в систему. *Corrections Today* тому свидетель: заинтересованные поставщики выстраиваются в очередь, демонстрируются эффективные орудия исполнения наказаний, перспективные потребители подкупаются просто за возможность показать им свой товар. Когда правительству помогают избежать ответа перед избирателями и предупредить забастовки персонала, то тем самым создается эффективный меха-

низм дальнейшего роста. Лотке (Lotke, 1996, с. 21) выражает следующие опасения:

Вполне вероятно, что в ближайшие годы, когда компании, занимающиеся частными тюрьмами, расширят круг своей деятельности, влияние тюремно-промышленного комплекса на уголовную политику значительно возрастет. Возможно, когда-нибудь уголовная политика США будет так же определяться Корпорацией исправительных учреждений Америки (Corrections Corporation of America), как оборонная политика определяется корпорациями «Локхид Мартин» и «Макдоннел-Дуглас».

* * *

Одна из проблем может остаться, но у промышленности имеется ее решение: если строительный бум пойдет слишком далеко, в некоторых штатах тюрьмы будут пустовать. В таких случаях частные фирмы обращаются за помощью к маклерам, которые помогут заполучить заключенных из других штатов. Эрик Шлоссер (Shlosser, 1998, сс. 65-66) описывает этот механизм:

В середине 90-х годов тысячи заключенных со всей Америки перевозились из переполненных тюрем в тюрьмы маленьких тexasских городов (система «камера в аренду»). ...

В частных тюрьмах за каждого заключенного взимается ежедневная плата; успех частной тюрьмы зависит от того, сколько «человеко-дней» она может предложить. По системе «камера в аренду» штат, в котором переизбыток заключенных, связывается со специальным маклером. ... Маклер ищет тюрьмы со свободными камерами по приемлемой цене. Стоимость человеко-дня колеблется от 25 до 60 долларов – в зависимости от типа тюрьмы и ее заполненности. ... Маклеры получают комиссионные от 2,5 до 5,5 долларов за человеко-день.

В 1987 году в частных тюрьмах содержалось 3000 заключенных. В 1996 году их было 85 000¹. В *USA Today* от 5 июня 1996 года сообщалось, что за следующие десять лет количество мест в частных тюрьмах возрастет до 360 000. Это имеет отношение к сказанному далее:

Инвесторы, имеющие акции «Уакенхут Коррекшнз» точно знают, что их матери ошибались: преступность доход приносит.

Акции частных тюрем в этом году подскочили до 203%. Во вторник они поднялись на самую высокую за последние 52 недели отметку.

...

¹ National Institute of Justice, апрель 1999. Обследование приватизации в Федеральном бюро тюрем.

Что за этим стоит?

Во-первых, компания объявила, что заключила контракт на 49 миллионов долларов на строительство исправительного центра в 200 мест для Службы иммиграции и национализации.

...

Позже Департамент исправительных учреждений штата Вирджиния объявил, что для строительства тюрьмы на 1000 мест был выбран «Уакенхут».

8.3 Технологические нововведения

Когда закончилась холодная война, военно-промышленный комплекс забеспокоился. Но долго это не продолжалось. Появился новый враг – враг в собственном доме. В 1993 году в университете Джона Хопкинса проводили семинар по теме «Оборона без летального исхода». Генеральным прокурором США Жанет Рено на открытие семинара было послано сообщение¹, в котором говорилось:

Пока вы – оборонные и разведывательные ведомства, промышленный сектор – делали все, чтобы выиграть в интересах всего народа холодную войну, мы здесь, дома, проигрывали другую войну – войну с преступностью. За пять лет, по прошествии которых распался Советский Союз, преступность в Соединенных Штатах возросла более чем на 30%.

Так что позвольте мне рассказать вам о войне, которую наша полиция ведет ежедневно. Я хочу призвать вас использовать ваш опыт и умение, которые так помогли всем нам во времена холодной войны, в новой войне, которую мы ведем сейчас на улицах наших американских городов.

Заключительными словами Генерального прокурора были следующие:

У нас есть удивительная возможность воспользоваться вашими достижениями времен холодной войны. Если мы вместе с вами сумеем применить то, что вами уже наработано, сейчас, при решении проблем мирного времени, мы сумеем отвоевать назад наши улицы – ради наших детей и будущих поколений.

Пожалуйста, присоединяйтесь к нам! Вперед, в новый крестовый поход!

¹ По поручению Генерального прокурора обращение зачитал Дэвид С. Бойд, начальник управления по науке и технологии Национального института юстиции.

На конференции обсуждались следующие темы:

- Повышение осведомленности правоохранительных органов;
- Возросшая роль новых технологий в работе правоохранительных органов;
- Новые технологии – новые возможности для военно-промышленной базы;
- Возрастание возможностей промышленности в сфере рынка, предоставляемого правоохранительными органами.

Год спустя, в 1994 году, прошла вторая конференция, называвшаяся «Деятельность правоохранительных органов в XXI веке». На сей раз вступительное слово произнес Уильям Х. Уэбстер, бывший директор ФБР, впоследствии директор ЦРУ.

Он начал свою речь так:

Как председатель конференции хочу поприветствовать всех вас – представителей правоохранительных органов, органов правосудия, промышленности, обороны и полицейских объединений.

...

Сотрудничество министерств обороны и юстиции с промышленным комплексом насущно необходимо для нужд правоохранительных органов. Я рад видеть их всех здесь и хочу выразить свою благодарность спонсорам этого мероприятия, тем, кто предоставляет все технологические достижения в пользование людей, выполняющих 95% работ по охране порядка – правоохранительным органам штатов и местным агентствам.

А кто же были эти спонсоры? Они перечислены в информационном бюллетене конференции:

Поддержали конференцию многие, но главный спонсор – это Национальный институт юстиции, а также Американская ассоциация готовности обороны (ADPA) и Международное общество оптической инженерии (SPIE).

...

SPIE – это некоммерческая организация, занимающаяся пропагандой научных и технических достижений в области оптических, электрооптических и опто-электронных технологий. SPIE, устраивая семинары, конференции, курсы, знакомит с новинками в этой области всех желающих.

Это сотрудничество военных и правовых ведомств выгодно обеим сторонам. Моррисон (Morrison, 1994, с. 891) цитирует Аниту К. Джоунс, директора по оборонным исследованиям и инженерии из Пентагона, которая в обращении к американским политикам заявила:

Наш альянс с органами юстиции имеет очень серьезную мотивацию. ...Эра холодной войны закончилась, но Вооруженные силы США постоянно получают новые задания, и это уже не задания на уничтожение противника.

При участии в миротворческих и гуманитарных акциях военным предъявляются более строгие требования, и они обязаны свести до минимума несчастные случаи и побочный урон, то есть должны действовать в тех же условиях, в каких работают полицейские.

Что же они узнают на этих конференциях?¹ Конечно, они узнают о том, что они – на войне, и враг, опасный и опытный, повсюду. С ним нужно бороться по-военному, его нужно взять в плен, посадить в тюрьму, а если он когда-нибудь оттуда выйдет, следить за каждым его шагом. Вот и наступили золотые деньки для электронной промышленности. На конференции был представлен замечательный технический проспект по дистанционным информационным системам. Текст таков:

Технологическое описание. «Бдительный страж» – это браслет из нержавеющей стали, который надевают условно-досрочно освобожденному на лодыжку. Чип Глобальной Отслеживающей Системы, вставленный в браслет, определяет местонахождение человека и передает данные на полицейский участок по коммуникациям, использующим существующую инфраструктуру – сотовую и персональную коммуникационную систему.

Технологическое решение. Как мы можем отслеживать потенциально опасных досрочно освобожденных и рецидивистов? Если освобожденный досрочно выходит за пределы района, в котором ему разрешено находиться, или снимает браслет «Бдительный страж», компьютерная система немедленно извещает об этом полицию, которая может предпринять необходимые меры для задержания нарушителя. Возможность следить за перемещениями людей, освобожденных от заключения, например, из-за нехватки мест в тюрьмах, облегчает жизнь законопослушным гражданам, которые могут случайно стать жертвой или пасть от руки профессионального преступника, выпущенного на свободу.

¹ Конференции проводятся постоянно. Живя в далекой Норвегии, я не могу следить за всеми. Последним из полученных мной приглашений было присланное в 1996 году приглашение от Национального института юстиции, который при поддержке Американской ассоциации готовности обороны проводил конференцию под лозунгом «Уникальная возможность включиться в новый перспективный рынок». После пленарного заседания участники конференции имели возможность посетить выставку технологических достижений.

В нашей стране сейчас более двух миллионов взрослых или находятся на пробации¹ (условно осужденные) или освобождены условно-досрочно. Можете себе представить, насколько сложно отслеживать местонахождение и перемещения этих людей, а также контролировать их действия? А теперь подумайте, насколько проще будет это делать, если на них будут браслеты «Бдительный страж».

Электронные браслеты постоянно модернизируют. 2 мая 1996 года в *Business Wire* появилось сообщение о том, что безопасность в обществе скоро значительно повысится, поскольку теперь будут применяться приборы, отслеживающие перемещение правонарушителей и неблагонадежных граждан, а также предупреждающие возможные жертвы:

Правонарушителям будут посылаться громкие звуковые сигналы, извещающие о том, что они вступили в запретную для них зону. Например, лицам, совершившим ранее сексуальные преступления, суд часто запрещает приближаться к школам и детским игровым площадкам. Если они нарушат этот запрет, в учреждение, отслеживающее их перемещения, поступит сигнал тревоги.

...

Представители власти могут настроить SMART так, что он предупредит возможную жертву о том, что поблизости находится правонарушитель. У возможной жертвы имеется прибор с кнопкой «Тревога». Если на нее нажать, в центр наблюдения поступает сигнал, по которому можно определить местонахождение жертвы.

«Мы считаем, что применение SMART – это важный шаг в развитии нашей уголовно-правовой системы», – сказал Боб Мартинес, бывший наркобарон, бывший губернатор Флориды, ныне президент компании «PRO TECH».

¹ Пробация – институт, сопровождающий условное лишение свободы или отсрочку вынесенного приговора. В случае отсроченного тюремного заключения суд устанавливает срок наказания в виде лишения свободы, но откладывает его исполнение на период пробации. Возможность применения условного тюремного заключения соответственно зависит от срока лишения свободы, назначенного по данному конкретному делу. Большинство законов допускают отсрочку в отношении средних сроков тюремного заключения, то есть когда назначенный срок заключения не превышает двух лет. На время пробации условно осужденный находится под надзором работников службы пробации, на него накладываются определенные предписания в отношении образа жизни, налагаются также обязательства, которые рассчитаны на возмещение, или репарацию, ущерба, вызванного уголовным преступлением. (*Примеч. издат.* Источник: *К.Бард.*)

Использовать эти браслеты довольно сложно и дорого, и поэтому они применяются только в серьезных случаях. «Америтех» – система более дешевая, и, похоже, может быть использована в случае со всеми 4 миллионами людей, осужденных условно или условно-досрочно освобожденных. Она основана на идентификации голоса. От лиц, находящихся под наблюдением, принимаются телефонные звонки, по которым можно определить личность звонящего и его местонахождение¹.

По спутниковой и телефонной связи можно отслеживать местонахождение условно освобожденных. Однако правоохранительным органам также нужно знать, в каком психологическом состоянии эти люди находятся. Компания «Мицубиси» первой предложила свою помощь. Их система была разработана для «домашнего заключения»², но может быть использована и более широко.

В рекламе, занявшей целую страницу в *Corrections Today*, представлен весь набор. Обычный электронный браслет, а также телефон, подсоединенный к телепередатчику, а к ним – прибор, определяющий уровень алкоголя в крови. Скоро, думаю, и процесс мочеиспускания будут транслировать по телевизору. Вот отрывок из описания, предоставленного компанией «Мицубиси»:

Чтобы отвечать всем требованиям, система слежения, используемая при домашнем заключении, должна быть многосторонней, надежной, должна уметь определять уровень алкоголя в крови. Довольствоваться меньшим нельзя – риск слишком велик.

...

Система автоматически вызывает клиента (может работать с четырьмя одновременно), просит его произвести какое-нибудь действие (на любом языке) и фиксирует изображение, на котором представлены дата, время, имя (это является неоспоримым доказательством).

...

Что касается теста на алкоголь (дыхание), только прибор MEMS может предоставить свидетельство об уровне алкоголя в крови клиента, – доказательство, полученное дистанционно и подтвержденное предоставленным изображением. Все это делается автоматически, с компьютерной станции.

¹ *Corrections Digest*, 9 августа 1996 г., с. 5.

² При домашнем заключении на запястье и лодыжку преступника надевается электронное устройство, подсоединенное к телефону. Если заключенный покидает дом, соединение разрывается и в полицейский участок поступает сигнал тревоги.

Но до сих пор контроль над условно осужденными и условно-досрочно освобожденными осуществлялся главным образом «по старой технологии». Старая технология – это обычные тесты на наркотики и оружие.

Сначала об оружии. В Калифорнии и нескольких других штатах оружейная промышленность получила новых клиентов в лице работников службы пробации, которые ранее считались работниками социальных служб. Работа с условно освобожденными (пробация) в Калифорнии зашла в тупик. Ее служащие оказались перед выбором – либо быть социальными работниками без работы, либо переквалифицироваться в лиц, контролирующих условно освобожденных преступников. Они выбрали последнее, то есть пошли на то, что Стэн Коэн (Stan Cohen, 1985) называет «размыванием роли». В данном случае это символизировалось тем, что сотрудникам, работающим с условно освобожденными, было выдано оружие. Смит (Smith, 1991, p. 124) пишет:

Мы выбрали «Смит-энд-Вессон» 38-го калибра, 64-ую модель. Это относительно легкое оружие из нержавеющей стали с двухдюймовым дулом, шестизарядное. Его легко спрятать под одеждой. Мы выбрали оружие, которое может остановить злоумышленника без причинения ему вреда.

Теперь о наркотиках. Мессингер (Messinger and Bercochea, 1991) сообщает:

За последний год условно-досрочно освобожденным было проведено около 400 000 тестов на наркотики. Да, мочи было взято немало.

Происходит следующее: после условно-досрочного освобождения люди попадают под усиленный контроль, а теперь, когда на помощь пришли новейшие достижения техники, осуществлять его стало проще. Эти люди принадлежат к тем слоям населения, для которых употребление наркотиков стало частью жизни. Раньше, когда условно освобожденные в период пробации находились под контролем социальных работников, им делали предупреждения, а иногда и оказывали помощь. Теперь существует техника, помогающая осуществить этот контроль, и они вновь возвращаются туда, откуда пришли. Отличный пример управления социально опасными классами. Сейчас снова оказываются в тюрьме не только те, кто опять преступил закон, но и те, кто ведет неподобающий образ жизни. Контроль над наркотиками есть контроль над низшими классами.

Оружие и тесты на наркотики явились основными причинами резкого увеличения количества заключенных в Калифорнии с 1980 по 1990 годы. За эти годы изменились многие показатели. Фрэнк Зимринг (Frank Zimring, 1991, с. 22) приводит диаграмму, из которой видно, что уровень

безработицы за этот период резко упал, а количество заключенных еще более резко возросло. Мессингер напрямую связывает это с применением оружия и тестами на наркотики. Заключенных освобождают условно, отпуская их на пробацию. Но характер службы пробации в корне изменился: «...возвращение в тюрьму стало не редкостью, а самым обычным делом для бывших заключенных».

Кроме тех, кто снова оказался в тюрьме из-за употребления наркотиков во время условного заключения, есть и те, кто получил срок именно из-за наркотиков. Эти две категории составляют большинство заключенных. В 1986 году их было 30%, в 1988 – 35%, в 1991 – 53%.

Эта политика постоянно совершенствуется. Согласно докладу Министерства юстиции США (Henry and Clark, 1999), президент Билл Клинтон в 1995 году поручил Генеральному прокурору Жанет Рено разработать и претворить в жизнь всеамериканскую программу по проверке на наркотики всех арестованных федеральными органами до того, как принимается решение передать их суду. Он также поручил Генеральному прокурору предпринять шаги, направленные на то, чтобы поощрять штаты для применения и осуществления этой программы.

Генри и Кларк описывают используемые методы. Насколько проста и доступна эта технология, видно из описания экспресс-анализа мочи. Делается он при помощи прибора размером с кредитную карточку. Для проведения анализа достаточно капнуть несколько капель мочи на индикатор. Несколько минут, и результат готов – проступает окрашенная в определенный цвет линия. Некоторые приборы проверяют наличие в организме какого-то одного наркотика, другие же могут проверить наличие многих.

Экспресс-анализы мочи стали очень популярными у работников правоохранительных органов – само устройство компактно, результат бывает готов через несколько минут, тест проводить несложно. Он не требует никакой специальной аппаратуры, и сделать это может любой сотрудник правоохранительных органов.

Есть и другие технические новшества. Одно из них – для анализа пота. Проводится он так:

Наклейка «Фарм-чек» прикрепляется на тело (обычно – на руку) испытуемого. Эта наклейка держится в течении недели, и незаметно снять ее, а потом снова наклеить невозможно. Испытуемый потеет, пот собирается на вкладыше под наклейкой, который потом отправляют на анализ в лабораторию.

Третий способ – анализ волос. Наркотики накапливаются в волосах, и по отросшему волосу можно узнать, какие наркотики человек употреблял. Есть, впрочем, временные ограничения – на волосе длиной в два дюйма следы наркотиков сохраняются в течении 60 дней. Но это до-

рогостоящий метод, и его трудно применять в тех случаях, когда у испытуемых короткие волосы, пишут Генри и Кларк (Henry and Clark, с. 5).

Как мы писали ранее, тенденция отслеживания людей, употребляющих наркотики, наблюдается и в благополучных европейских странах. Повсюду в современном обществе борьба с наркотиками используется как орудие контроля над низшими слоями общества. Поскольку анализы на наркотики теперь делать совсем нетрудно, возможности этого контроля становятся практически неограниченными.

* * *

В самих тюрьмах тоже применяются различные технические новшества. Я уже процитировал массу рекламных объявлений, но позвольте привести статью из *Correction News* за июль/август 1999 года:

Сан-Франциско. Калифорнийский Департамент исполнения наказаний проводит отбор новейших приборов и оружия, используемых для работы с заключенными, являющимися нарушителями режима содержания. Заключенных сейчас уже в семь раз больше, чем охранников. Ожидается, что в ближайшие пять лет количество заключенных штата, составляющее сейчас 160 000 человек, увеличится на 19%, то есть их станет 191 000, и поэтому для управления ими в тюрьмах необходимо использовать последние достижения техники.

Одно из таких устройств – «TSI Prism», система, отслеживающая перемещения заключенного, наподобие тех, которые применяются в армии. Каждые две секунды система проверяет местонахождение заключенных, на которых надеты подающие радиосигналы приборчики размером с наручные часы. Эти сигналы поступают на приемные устройства, откуда по кабелю передаются на компьютеры центра управления. При погружении прибора в воду сигнал не пропадает.

Охранники носят на ремнях устройства размером с пейджер, которые при горизонтальном положении или падении человека тут же подают сигнал тревоги.

Применяется также оружие, стреляющее несмертельными пулями, например, резиновыми, которым пользовались американские солдаты в Боснии и Сомали. Используются также различные устройства, распяливающие перец, – их можно носить на ремне, пускать из огнетушителей или водяных пистолетов, и радиус их действия достигает 45 метров.

Телевизионная промышленность также разработала весьма полезное для тюрем устройство. Я вовсе не имею в виду телепрограммы, которые запускают, чтобы утихомирить обитателей тюрем. Когда в тюрьме при-

водят в исполнение смертный приговор, заключенным обязательно показывают какой-нибудь хороший фильм. Но сейчас я хотел сказать о видео-конференциях и телемедицине, открывающих новые возможности. Видео-конференции позволяют избежать лишних перевозок – заключенные, не покидая тюрьмы, могут участвовать в судебных заседаниях, пишет *Corrections Forums* за январь 1996 года. Далее сообщается (с. 24):

Благодаря видео заключенный может принять участие в судебном заседании, не выходя не только из тюрьмы, но даже из собственной камеры.

...

В Линкольн-Хилл решили проводить видео-конференции, и теперь несовершеннолетние заключенные отправляются в «виртуальный зал суда», не покидая при этом самой тюрьмы.

...

Последнее новшество – «MultiView 5+1». Все участвующие одновременно появляются на экране, разделенном на шесть частей. Крупным планом показывают того, кто в данный момент говорит, но вы можете видеть и всех остальных.

На перевозку заключенных уходит очень много сил и средств, а подобные системы могут помочь сократить затраты, сэкономить время и повысить безопасность.

Видео-камеры можно устанавливать в помещениях предварительного заключения, тюрьмах, залах суда и даже кабинетах судей.

Заключенные могут заболеть. И тут снова встает проблема перевозки, дополнительных затрат, безопасности. Но техника и здесь приходит на помощь – появилась телемедицина. Национальный институт юстиции в 1999 году подготовил доклад на эту тему. Основной вывод таков: использование телемедицины поможет сократить расходы на лечение заключенных. В *Corrections Digest*¹ написали, что при использовании телемедицины вместо обычной затраты на оплату труда сократятся на 102 доллара за каждый осмотр. *Corrections Forums* (январь 1996 г., с. 26) объясняет:

Поскольку большинство тюрем строят в малонаселенных и отдаленных районах, медикам, заключенным и охранникам для оказания и получения квалифицированной помощи приходится выезжать на дальние расстояния.

...

Организации, оказывающие услуги при помощи телемедицины (например, «Уэксфорд»), занимаются также проблемами психическо-

¹ 28 мая 1999 г., с. 1.

го здоровья и предлагают препараты, которыми можно лечить психически неуравновешенных заключенных или имеющих наркотическую зависимость.

Все эти технические новшества открывают новые возможности. Ведется более пристальное наблюдение за осужденными. Если это условно освобожденный, то известно о его передвижениях и поведении, появилось больше возможностей вновь посадить человека в тюрьму, а если он уже за решеткой, благодаря видеотехнологиям можно оставлять его там и когда его вызывают в суд, и когда он заболевает. И в суде, и в больнице можно представить видеоизображение его самого или части его тела. Но тот, кого мы привыкли считать субъектом, то есть сам человек целиком, со всеми его неповторимыми особенностями, так вот, этот субъект остается за решеткой, представлен лишь голосом, изображением или результатом анализа. Если физическая и социальная дистанция облегчает задачу тем, кто должен применять малоприятные меры по отношению к другим людям (а это так и есть), то новейшие достижения электроники создали для этого идеальные условия.

8.4 Тюрьмы как производственные комплексы

Заключенные и тюрьмы не всегда являются бременем для экономики страны. Примеры тому Гулаг и концентрационные лагеря. Но можно найти примеры и из нашего времени.

Во-первых, строительство новых тюрем может обойтись дешево – в том случае, если строители – заключенные. Их можно заставлять работать дольше, в тяжелых условиях, поскольку они должны нести наказание. Техас – отличный тому пример. Исполнительный директор исправительных учреждений штата в январе 1996 года выступил речью «Взгляд на... их рост и перемены». Он так описывает ситуацию:

От того, что случилось с тюремной системой Техаса за последние десять лет, можно сойти с ума. За эти десять лет мы скакнули от 37 000 заключенных почти к 145 000, то есть их число возросло вчетверо, на 108 000 заключенных, и эти данные – самые высокие во всей Америке за исключением Калифорнии.

...

Но в конце концов строительство новых тюрем обошлось нам в два раза дешевле, чем в среднем по стране. Мы хоть и пользовались услугами частных строительных фирм, но смогли установить этот рекорд, потому что воспользовались старыми проектами. Мы не стали изобретать велосипед и вызывать новых архитекторов для проектирования каждого нового объекта, кроме того мы применяли в строительстве материалы, которые изготавливали сами – например,

сталь, которую льют в наших же тюрьмах заключенные, работающие бесплатно.

Другими словами, одна тюрьма производит модули для новых тюрем, а те, в свою очередь, для следующих, и так может продолжаться, пока не заполнят весь Техас, что, собственно, и произошло за последние годы.

Исполнительный директор в своем докладе также сообщил:

- В нашей системе каждый заключенный имеет работу и трудится ежедневно полную смену, если не болен или не направлен куда-то еще. Ни в одном другом штате такого нет.
- Ни одному заключенному за работу не платят. Ни в одном другом штате такого нет.
- Подъем у нас начинается с 3.30 утра.
- Заключенные выходят на работу в 5.30 утра.
- Все заключенные носят белую униформу, которую шьют в наших тюремных мастерских, все заключенные коротко подстрижены и побриты. Ни в одной другой тюрьме таких требований не предъявляют.
- У нас более сорока тюремных мастерских, в которых делают многое – от вулканизации шин до пошива одежды. ... Да, еще мы изготавливаем номерные знаки для автомобилей, а также дорожные указатели для техасских автострад.

И далее:

- День ото дня управление тюрьмами становится все более трудным делом, поскольку минимальные сроки заключения становятся все длиннее. Трудно ожидать примерного поведения от 32-летнего заключенного, который выглядит на 40 и знает, что когда он выйдет из тюрьмы, ему будет 72 года.

Заканчивает он так:

- Эта работа очень трудная и в то же время – с огромными перспективами.

* * *

Кроме того, что строительство тюрем обходится дешево, есть еще и непосредственный доход от труда заключенных. Обитатели федеральных тюрем и тюрем штатов занимаются изготовлением мебели, дорожных знаков и т.д.

В *Corrections Digest* от 14 октября 1999 года был такой заголовок: «Работающие заключенные: востребованы и большим, и малым бизнесом. Профсоюзы опасаются сокращения». Там написано следующее:

Компания «Федерал Призон Индастриз», отделение Министерства юстиции США, в прошлом году продала товаров на 540 миллионов долларов своим единственным клиентам, федеральным агентствам. Сегодня заключенные 94 тюрем по всей стране занимаются производством электронных деталей, мебели, шьют камуфляжную форму и т.д. Теперь ФПИ собирается работать и в частном секторе.

Заключенные в тюрьмах штатов уже работают на частный сектор. Более чем в 30 штатах это узаконено. Некоторые из их товаров пользуются большим спросом. 2 ноября 1995 года *USA Today* сообщала:

Тюремный стиль решительно входит в моду, и самым шиком считается одежда, в которой скованные цепью заключенные ломают камни в Алабаме.

...

Обитатели тюрем штата Орегон разработали свою коллекцию тюремной одежды и торгуют ею с 1990 года. Рекламный лозунг таков: «Сделано в неволе – носите на воле!»

Работу в тюремных мастерских можно считать привилегией – все же лучше, чем не делать ничего. Но можно видеть в этом и рабский труд. Так считают Эванс и Голдберг (Evans and Goldberg, 1999):

Американский рабочий, получавший 8 долларов в час, теряет работу, когда компания перебазирована в Тайланд, где платят всего по 2 доллара в час. Оставшийся без работы, отринутый обществом, равнодушным к его нуждам, он начинает заниматься наркобизнесом или находит какой-то другой незаконный способ заработать себе на жизнь. Его арестовывают, сажают в тюрьму, заставляют работать. Его новая зарплата – 22 цента в час.

Рабочий – безработный – преступник – каторжник, круг замыкается. А победитель один – крупный бизнес.

Для частного бизнеса труд заключенных – это кладезь. Никаких забастовок. Никаких профсоюзов. Никаких выплат пособий по безработице или компенсаций. Никаких языковых проблем, которые неизбежны в чужой стране. Новые громадные тюрьмы строятся на территории в сотни гектаров, вместе фабриками. Заключенные собирают информационные устройства для «Шеврона», телефонные аппараты, разводят свиней, выгребают навоз, делают монтажные платы и лимузины, шьют нижнее белье для «Викториаз Сикрет».

...

Тюрьмы все чаще требуют с заключенных плату за самое необходимое – от медицинского обслуживания до туалетной бумаги, до права пользоваться библиотекой. Во многих штатах берется плата за «проживание и пропитание». В тюрьме графства Беркс в Пенсильвании с заключенных взимают по 10 долларов в день. Подобные законы готовятся принять в Калифорнии. Так что хотя правительство (пока что) не может заставить заключенных работать в частном секторе за плату, меньше минимальной, они вынуждены делать это, т.к. вынуждены платить.

8.5 Стимул к развитию сельского хозяйства

Очень важно, что тюрьмы производят то, что они потребляют. Этим они поддерживают развитие небольших районов. Главным образом, большую помощь тюрьмы оказывают районам, переживающим упадок. В былое время никто не хотел, чтобы поблизости от их городка строили тюрьму. Тюрьмы считались чем-то постыдным. Существовало мнение, что это позорит родные места.

Теперь все переменялось. Все борются за право построить тюрьму у себя в округе. Политики и чиновники стараются изо всех сил заполучить эти чудесные стимуляторы экономики. Они же дают толчок к развитию промышленности. Причем это источник постоянный. Если экономический спад охватит всю страну, тюрьмы будут только плодиться – иначе им не вместить всех пострадавших.

В тот самый день, когда я это писал, по почте мне пришел номер *Correctional Building News* за май/июнь 1999 года. На первой странице был заголовок:

В ВОСТОЧНОМ КЕНТУККИ НА СМЕНУ ШАХТАМ ПРИШЛИ ТЮРЬМЫ

Лексингтон, Кентукки. Если будут приняты три проекта строительства тюрем, то в восточном и юго-восточном Кентукки в 10 графствах будет построено 10 тюрем.

...

Кентукки славился угольными копиями. Но теперь именно тюрьмы помогут возродить экономику, пришедшую в упадок из-за сокращения добычи угля.

Вполне закономерно, что на месте угольного разреза собираются строить и федеральную тюрьму в графстве Мартин, и тюрьму на 895 мест в графстве Нотт. В графстве Мартин в ноябре уровень безработицы поднялся до 18%.

...

Тюрьма на 895 человек позволит создать от 300 до 400 новых рабочих мест.

Такая практика применялась и ранее. Лотке (Lotke, 1996, с. 21) считает исправительные учреждения основным стимулом экономического роста в сельских районах. «В восьмидесятые годы столько людей из городских трущоб попали в тюрьмы, расположенные в сельской местности, что пятипроцентный прирост сельского населения по стране с 1980 по 1990 год произошел именно из-за увеличения количества заключенных». Это выгодно сельским районам, выгодно частным компаниям, выгодно тюремным работникам. Их профсоюз в Калифорнии использует свое влияние, чтобы лоббировать ужесточение законов, увеличение количества охранников и надзирателей, более высокую оплату их труда и различные льготы. Лотке пишет, что в Калифорнии тюремный надзиратель получает в среднем на 10 000 долларов больше, чем школьный учитель.

Шлоссер (Shlosser, 1998, с. 58) сообщает об удивительных изменениях, произошедших на севере штата Нью-Йорк, недалеко от канадской границы. Почти все новые тюрьмы строят именно там.

Тюрьмы – это заведения, постоянно предлагающие рабочие места. Экономический спад их не коснется – в тяжелые времена количество заключенных только увеличивается. Они не загрязняют окружающую среду, что важно для сельской местности, где многие проекты не удается реализовать из-за протестов «зеленых». Тюрьмы стали постоянным и надежным источником дохода в регионе, где долгое время экономическая ситуация из-за сезонности работ была крайне нестабильной.

Тюремный бум на севере штата оказал огромное влияние и на местное население. Теперь почти у каждого среди родственников есть работающий в тюрьме. С появлением этих рабочих мест сократился отток жителей из маленьких городов, и молодежь все чаще остается в родных местах.

Есть только одна проблема: тюрьмы строят на севере штата, а основная масса заключенных – с юга. Около 80% заключенных – из Нью-Йорка и его пригородов. Вот что можно наблюдать на автобусной станции «Коламбус» на Манхэттене. Каждую пятницу вечером человек 800, в основном женщины и дети афро-американцы и латиноамериканцы, садятся в автобусы, идущие на север. Ночь в автобусе, и утром в субботу, как раз к началу посещений они оказываются на месте. В 1973 году, когда автобусная компания была только что создана, она обходилась одним автобусом. Сейчас в выходные дни на линию выходят тридцать

пять автобусов, а по праздникам, например в День Благодарения, еще больше.

8.6 Тюрьмы в экономике страны

Право наказывать часто считалось привилегией. Это был показатель власти. К тому же, в этом были и выгоды. Наказание нередко выражалось штрафами или конфискацией, которые поступали напрямую в казну императора.

А каковы же выгоды сегодня?

Политические выгоды очевидны: голоса избирателей, должность, проявление власти.

Но есть и другие выгоды. Выгоды – в расходах. Взгляните на *таблицу 8.6-1*. В ней приведены траты с 1980 по 1999 год (в миллионах долларов) правительства и штатов на тюрьмы. В 1980 году на тюрьмы было потрачено 6,9 миллиардов долларов, а в 1999 году предполагалось потратить уже 55,4 миллиарда долларов, то есть за 19 лет расходы возросли в восемь раз.

Траты непосредственно на содержание тюрем – это только одна доля общих затрат. Ведь деньги еще расходуются на содержание полиции и судебных чиновников. По приблизительным

Таблица 8.6-1. Траты на тюрьмы (в миллионах долларов). 1980-1999¹. Федеральное правительство и система власти штатов.

Год	Миллионы долларов
1980	6900
1981	7868
1982	9048
1983	10411
1984	11793
1985	13534
1986	15759
1987	17548
1988	20299
1989	22566
1990	26153

¹ Источник: *Sourcebook of Criminal Justice Statistics 1997*, p. 3. С 1993 г. данные увеличиваются в соответствии с ежегодным увеличением в 1988-93 гг., составившим 9,6%.

1991	29297
1992	31461
1993	31946
1994	35013
1995	38374
1996	42058
1997	46096
1998	50521
1999	55371

подсчетам в 1999 году на полицию должно было быть потрачено 66 миллиардов долларов, а на суды – 36 миллиардов, то есть в сумме – 102 миллиарда¹. Часть этих денег идет не на борьбу с преступностью, а на другие цели, но давайте предположим, что на борьбу с преступностью остается хотя бы половина – 51 миллиард. Получается в сумме 106 миллиардов на правоохранительную систему государства и штатов.

Однако общая сумма, конечно же, еще выше. Дэвид Дж. Бойд, начальник управления по науке и технологии Национального института юстиции на открытии конференции «Деятельность правоохранительных органов в XXI веке», проводившейся в июне 1994 года в Вашингтоне, привел следующие цифры:

С 1988 года вложения в правоохранительные органы и уголовно-правовую систему возросли по сравнению с другими федеральными тратами приблизительно в два раза, кроме того, по стране в целом тратится более 75 миллиардов долларов на частные охранные агентства и неизвестно сколько еще на зачастую бесполезные попытки защитить наши дома и предприятия. (Еще раз напомним, это очень приблизительные данные. Цифры, опубликованные недавно в *Business Week* и *U.S. News and World Report* были гораздо выше.)

Это подтверждается и в более раннем докладе, подготовленном Национальным институтом юстиции и приведенным Каннингемом и др. (Cunningham et al., 1991, pp. 1-5), в котором говорится:

Сейчас частные охранные агентства являются основным средством защиты, в них, согласно недавнему исследованию частных охранных структур, проведенному Национальным институтом юстиции, вкладывается на 73% больше средств, чем в государственные правоохранительные органы, в них работает в два с половиной раза больше сотрудников. В настоящее время на частные охранные структуры ежегодно тратится 52 миллиарда, и работает там 1,5 миллиона человек.

¹ Bureau of Justice Statistics, *Sourcebook of Criminal Justice Statistics 1997*, p. 3.

В докладе ежегодный прирост в секторе частного охранного бизнеса оценивается в 8%. В таком случае в 2000 году на частную охрану будет расходоваться 104 миллиарда долларов.

Если приплюсовать к этому расходы государства, то получается, что на борьбу с преступностью в США тратится 210 миллиардов долларов. Эта цифра выше моего разума. Но нам будет легче ее представить, если мы сравним ее с тратами США на вооружение. В 1998 году они составили 256 миллиардов долларов. Другими словами, затраты на борьбу с внутренним врагом почти что сравнялись с затратами на борьбу с внешним. Военные расходы сокращаются, а расходы на борьбу с преступностью растут. Скоро они сравняются. Это раскрывает нам нечто важное в природе американской экономики. Дэвид Лапидо пишет так:

Нам часто говорят, что динамика американской экономики проистекает из неурегулированности ее рынка труда и, косвенно, из-за того, что правительство США проводит политику невмешательства. Это очень далеко от истины. Американский рынок труда так же регулируем (и правительство так же вмешивается), как и европейские. Отличие не в количестве, а в методах регулирования, применяемых в Соединенных Штатах.

...

Однако если воздействие военно-промышленного комплекса на рынок труда США признается и экономистами, и специалистами по другим общественным наукам, про тюремно-промышленный комплекс того же сказать нельзя. Действительно, расходы на оборонную промышленность в два раза превышают расходы на тюрьмы. (Лапидо учитывает только государственные траты. – *Н.К.*) С другой стороны, «человекоемкий» характер американской уголовно-правовой системы указывает на то, что расходы на тюрьмы имеют более непосредственное влияние на рынок труда, чем «капиталоемкие» военные расходы.

Вот и еще одна выгода, которую можно извлечь из этой игры. Тюремная индустрия поглощает значительную часть потенциальной рабочей силы Америки. Продемонстрировать это можно по-разному. Например, как это сделано в *таблице 8.6-2*. В нее мы включили данные о количестве заключенных и работавших в исправительных учреждениях в 1999 году, вдобавок – половину сотрудников полиции и лиц, работающих в органах правосудия. А также мы учли всех, кто трудится в частных охранных агентствах. Мы подсчитали, что их в два с половиной раза больше, чем служащих в тюрьмах. В сумме получилось 5,6 миллиона человек. В 1999 году в США было 139,2 миллиона работающих. Получается, что в индустрии контроля над преступностью занято 4 процента от всей рабочей силы страны.

Это очень умеренные подсчеты. Мы не включили сюда данные о людях, строящих тюрьмы, поставляющих оборудование и все необходимое. Но мы безо всяких колебаний можем сделать вывод: без индустрии контроля над преступностью статистика труда и занятости в США отражала бы гораздо менее благоприятную картину. Не было бы никакой выгоды для властей. Экономисты США весьма довольны низким уровнем безработицы – для рыночной экономики это показатель благополучия. С точки зрения криминолога, это благополучие слегка подпорченное.

Таблица 8.6-2. Количество людей, вовлеченных в сферу деятельности уголовного права. США, 1999 г. Приведены минимальные данные.

	1999
Заклученные ¹	1 934 532
Сотрудники тюрем ²	775 947
Полиция ³	467 351
Сотрудники органов правосудия ⁴	440 315
Сотрудники частных охранных агентств ⁵	1 939 868
Всего	5 558 013
На 100 000 жителей	
На 100 000 работающих	

¹ См. таблицу 3.4-1.

² *Sourcebook of Criminal Justice Statistics 1997*, p. 25. Цифры за 1993 год были увеличены с учетом ежегодного прироста в 1988-93 гг., который составлял 4,8%.

³ Источник тот же, что в прим. 2. Цифры за 1993 год были увеличены с учетом ежегодного прироста в 1988-93 гг., который составлял 1,3%. Данные уменьшены вполнину, поскольку считаются только те, кто работает непосредственно в области уголовного правосудия. Они могут быть занижены.

⁴ Источник тот же, что в прим. 2. Цифры за 1993 год были увеличены с учетом ежегодного прироста в 1988-93 гг., который составлял 2,7%. Данные уменьшены вполнину, поскольку считаются только те, кто работает непосредственно в области уголовного правосудия. Они могут быть занижены.

⁵ Подсчеты основаны на исследовании Национального института юстиции, в котором говорится, что в частных охранных агентствах работает в два с половиной раза больше человек, чем в тюрьмах. (Cunningham et al., 1991, pp. 1-5).

⁶ Исходя из данных о населении США, которое в 1999 году составляло 273 миллиона. Источник: Управление по переписи населения США.

⁷ Исходя из данных о количестве занятого трудом гражданского населения – 139,2 миллиона человек в 1999 г. Источник: Управление статистики труда.

Несовместимые ценности

9.1 Торговля правом исполнять наказания

Ныне в Соединенных Штатах даже смертная казнь иногда исполняется частными подрядчиками.

Эту фразу я обнаружил в книге Логана (Logan, 1990, с.59), посвященной частным тюрьмам. Это единственное упоминание о смертной казни, втиснутое между примерами многочисленных задач, решаемых с помощью частных посредников. Что до остального, то тут нашему воображению предоставляется полная свобода. Меня очень интересует вопрос: кто они – нынешние частные подрядчики, исполняющие смертные приговоры, и как они работают? Рекламируют ли они свои услуги? Кто является владельцем – частное лицо или же они зарегистрированы на бирже как, скажем, фирма «Исполнение Наказаний с ограниченной ответственностью»? Чем ограничена их ответственность? А что насчет оборудования – кресел, шприцев, яда? Производят ли они все это сами или полагаются на субподрядчиков? Как они обучают персонал и используется ли при этом ноу-хау? Джозеф Ингл (в частной беседе; см. также его книгу – Joseph Ingle, 1990) рассказал про специалиста по левой ноге, который работает в группе из шести человек и специализируется на привязывании левой ноги, в отличие от специалиста-«правоножника». Шесть специалистов делят приговоренного к казни на шесть неодоушевленных частей.

Все же почему участие частных подрядчиков в исполнении смертной казни вызывает такую реакцию? Ведь приговоры к смертной казни выносятся законным порядком. При этом соблюдается определенная процедура и полномочные представители государства наверняка про-

следят, чтобы все делалось именно так, как предписано этим самым государством. Вся процедура приведения казни в исполнение будет проделана наверняка лучше, чем если бы с ней возилось государство. Последний обед будет прекрасно приготовлен, на роли психотерапевта и священника пригласят наилучших специалистов своего дела, гонорары которых далеко выходят за возможности обычных средств государственного бюджета, и при собственно исполнении казни не произойдет конфузов вроде случаев неудачных попыток, которые иногда бывают в государственных службах. Осужденным на казнь должно нравиться качество услуг, гарантируемое частными фирмами.

В этом состоит основная идея книги Логана, за исключением того, что он пишет о частных тюрьмах, а не о частных фирмах по исполнению смертной казни. Его выводы об институте частных тюрем совершенно определены. Все, что делается государством, частный предприниматель сделает лучше или так же хорошо:

Против частных тюрем приводятся разные по степени обоснованности и правдоподобия доводы, но нигде я не обнаружил каких-либо потенциальных проблем с частными тюрьмами, которые, как минимум, не совпадали бы с аналогичными или тесно связанными проблемами, существующими в государственных тюрьмах... Поскольку институт частных тюрем не создает проблем, которые были бы одновременно уникальны и непреодолимы, ему следует позволить конкурировать (и сотрудничать) с соответствующим государственным институтом, так что появится возможность понять, как наилучшим образом управлять тюрьмой, которая была бы одновременно безопасной, надежной, гуманной, эффективной и справедливой (с. 5).

Меня это не убеждает и немного огорчает. Почему то, что совершенно ясно для автора, остается настолько неясным для меня? Его хорошо раскупаемая книга содержит целую главу о приемлемости института частных тюрем (с. 49-75). И он находит его приемлемым:

Избранные нами лидеры обладают весьма ограниченной личной властью: в действительности они лишь издают приказы и распоряжения, которые выполняются их подчиненными... Однако было бы неверно полагать, что надежность связей между подчиненными друг другу государственными служащими обязательно выше связей, основанных на контрактах.

За этими рассуждениями стоят Джон Лоук (John Locke) и Роберт Нозик (Robert Nozick), особенно его ранние работы (см. напр. 1974). Они навели Логана на следующее рассуждение (с. 52):

По классической либеральной (или, пользуясь современной терминологией, либертарианской) традиции, на которой основана американ-

ская система правления, все права всегда индивидуальны, но не коллективны. Государство является искусственным образованием и не обладает никакими полномочиями, легитимной властью или правами, кроме делегированных ему людьми.

С этой точки зрения я могу понять развиваемые Логаном идеи о частном подряде на исполнение смертной казни или приватизации института исполнения наказаний в целом. Однако, в то же самое время, эта концепция может породить монстра, который будет выглядеть снаружи вполне благопристойно. Роберт П. Вейсс (Robert P. Weiss, 1989, p.38) описывает этот вид снаружи:

Частные тюремные компании... распрощались с полувоенной униформой и званиями. Военная терминология и военный регламент, которые были характерны для профессии тюремщика со времени возникновения исправительной системы, ушли в прошлое. Тюремные фирмы все еще пытаются поддерживать иллюзию своих законных полномочий, но деловой стиль просматривается в псевдоофициальных одеяниях. Например, в исправительных учреждениях, управляемых коммерческими агентствами, заключенных называют не заключенными, а «жителями», сотрудников охраны – «опекунами». Одетые в свитеры цвета верблюжьей шерсти с неброскими эмблемами компании, охранники частного исправительного учреждения представляются «специалистами по безопасности».

По Логану, государство построено на договорной основе. Частные лица избирают представителя. Представитель нанимает фирму для исполнения наказаний. Если фирма оказывается неважной, нанимают другую. Частный охранник представляет свою фирму. Больше представлять некого и некому, государство становится своего рода вторичным институтом. Однако при таком положении контроль за охранником ослаблен.

В противоположном случае, когда всем этим занимается государство, сотрудник тюрьмы – это мой человек. Я держу руку у него на связке ключей или на рубильнике электрического стула. Он может оказаться плохим служащим. И я могу оказаться плохим гражданином. Вдвоем мы образуем тем более плохую систему, тип которой так хорошо известен из истории службы исполнения наказаний. Но в этом случае я знаю, что являюсь ответственной стороной в общественном договоре. Кроме того, велика вероятность того, что некоторые люди в этой системе не такие уж плохие. Ими гораздо легче управлять. Охранник, в данном случае, – это работник системы, находящийся под ее ответственностью. Это не сотрудник отделения «Дженерал моторс» или, скажем, компании «Вольво». Общественный характер наказания отсутствует в концепции частных тюрем. Поскольку идея частных тюрем в ее современном виде является в основном изобретением американцев, появляется соблазн спросить,

не забыли ли они своего старого учителя Чарльза Хортон Кули (Charles Horton Cooley, 1864-1929), который так ясно выразил роль общества как колыбели индивидуальности.

Давным-давно мы в шутку изображали государственных служащих с двумя чернильницами на столе: одна для официальных писем, другая – для частных. Те времена прошли, но не окончательно. Это становится видно, когда одного из чиновников признают виновным в каком-либо правонарушении, к примеру, в представлении дважды одного и того же авиабилета для оплаты. Такие злоупотребления, совершенные государственным служащим, обычно считаются более серьезными, чем аналогичные поступки простых людей. Государственный служащий представляет не только себя, он представляет общество, то есть и меня самого. Таким образом, он несет большую ответственность и находится под более жестким контролем, чем те, кто заняты в частной фирме. Это опять приводит нас к вопросу о чести. Если я живу «в общественных условиях», политики являются частью меня самого. Но это относится и к тем людям, которые служат обществу и являются его символом, то есть к государственным служащим, уполномоченным исполнять ответственные функции. Их несостоятельность – это мой позор, их успехи и их порядочность – это моя гордость.

Возможно, такая точка зрения хуже воспринимается читателем в США, где господствуют идеи частного интереса и договорного государства, чем читателем в Европе, где государственность существовала всегда. Дарендорф (Dahrendorf, 1985) описывает те невероятные дни в Берлине в 1945 году, в интервале между двумя режимами, когда нацистское государство уже развалилось, а советский контроль еще не был установлен – несколько дней вообще без государственной власти, а затем возврат к нормальным условиям, когда снова утвердилось государство, правда, совсем другое. Возможно, Флемминг Балвиг (Flemming Balvig) (в комментариях к моей рукописи) был прав, когда заметил, что европейцы в большей степени склонны рассматривать и национальное государство, и национальную культуру как нечто всегда существовавшее, нечто данное, в то время как для американцев это в значительной степени построено ими самими, как индивидуальными лицами. Договорное государство по Логану лучше отвечает тому, как американцы понимают сами себя. Однако эти различия далеко не самоочевидны. Джессика Митфорд (Jessica Mitford, 1974, p.297) заканчивает свою книгу такими словами:

Тем из нас, кто находится снаружи тюремной стены, не очень нравятся думать о надзирателях и охранниках как о наших, в некотором смысле, заместителях. Однако они именно заменяют нас, сомкнувшись в объятии, которое не разорвать, с пленными братьями чело-

вечества по другую сторону тюремной стены. И мы все так же участвуем в этом, проецируя их роль на себя.

Жуткий второй смысл оказывается вплетен в изначальный вопрос человеческой этики: разве я сторож брату моему?

Возможно, уважение к государственному служащему переживает закат по обе стороны Атлантики. Исторически чиновник, как и военный, был слугой короля, только занимался делами гражданскими. С упадком королевской власти он теоретически превратился в слугу общества. В этом качестве государственный служащий потенциально способен настраиваться на весь набор ценностей конкретного общества, ценностей, предлагаемых политиками, обществом в целом или разного рода экспертами.

Вселяют некоторую надежду изменения, происходящие в последние годы в Скандинавии. Несмотря на то, что политические деятели впадали в панику по поводу преступности, постоянно провозглашали популистские призывы к законности и порядку и требовали строже наказывать преступников, государственные чиновники в большинстве своем вели себя трезво и спокойно. Начальники полиции утверждали, что все находится под контролем, и в увеличении численности полицейских необходимости нет. Начальники тюрем говорили о том, что тюремное заключение чревато негативными последствиями и должно применяться как крайняя мера наказания. А вместе они напоминали политикам и населению о том, что преступники также находятся под защитой закона, и права человека распространяются на них тоже. На мой взгляд, в том, что в Скандинавии по сей день так немного заключенных, немалая заслуга группы государственных служащих, которые оценивали все объективно и сдерживали напор политиков.

9.2 Торговля правом осуществлять надзор

Систему доводов, аналогичных доводам в поддержку частных тюрем, можно сформулировать и для частной полиции. Это то, о чем говорят Розенталь и Хугенбум (Rosenthal and Hoogenboom, 1990, p. 39) в докладе Совету Европы:

Можно представить, что частная полиция будет справляться с задачами более эффективно и рационально, чем государственная полиция. Далее, можно представить, что частная полиция будет обращаться со всеми людьми одинаково и придерживаться абсолютно всех стандартов равенства. Тем не менее, даже весьма удовлетворительное исполнение всех этих внешних условий не будет достаточным свидетельством в пользу института частной полиции. В условиях Европы люди

чувствуют себя увереннее, когда этим делом занимается государство – независимо от сравнительного качества его исполнения.

Однако эти проблемы не влияют на тенденции, существующие в большинстве промышленно развитых стран. Наоборот, наблюдается совершенно определенный сдвиг в сторону дальнейшей экспансии института частной полиции.

Эта тенденция приводит к серьезным проблемам. Однако сходство проблем полицейской и исправительной систем не является абсолютным, что показано в работах Ширинга и Стеннинга (Shearing and Stenning; см. напр. 1987), а также в важной статье Филиппа Роберта (Philippe Robert, 1989).

Они начинают с рассмотрения трех основных положений. Во-первых, полиция, как институт, эволюционировала от частной формы к государственной. То есть в идее частной полиции ничего нового нет. Во-вторых, по мере развития материально процветающих, больших государств не остается вообще никаких шансов на то, что обычная полиция способна на нечто большее, чем решить разве что небольшую часть того круга проблем, которые стоят перед правоохранительными органами. Это неизбежно приводит к поиску альтернативных решений. И здесь вперед выступает их третье положение: частная полиция при нормальных условиях также вынуждена следовать тем же тенденциям, что и частные лица или организации. У них в распоряжении нет аппарата для исполнения наказаний. По этой причине они и не особенно ориентируются на наказания:

...Система частной безопасности открыто использует управленческий подход, состоящий в минимизации риска при наименьших возможных инвестициях. Функция подавления не является приоритетной – она противоречит целям фирмы и дорого обходится, поскольку обычно предполагает привлечение государственных агентств. Предупреждение, рационализация и поиск компромиссов – вот чему уделяется наибольшее внимание (Robert, p.111).

И снова здесь открываются возможности для более цивилизованного разрешения конфликтов в тех случаях, где применение исправительных мер было единственной и далеко не самой лучшей альтернативой.

Работа частной полиции во многом зависит от того, насколько ей доступна помощь со стороны государственных правоохранительных органов – в качестве крайней меры. Однако авторитет частного агентства страдает, если оно будет обязано обращаться к государственным институтам. Эффективность частной полиции держится на убежденности людей в том, что при необходимости ей будет оказана полная поддержка со сторо-

ны обычной полиции. Хотя это и не обязательно соответствует действительности.

В то время как частные исправительные учреждения увеличивают возможности применения тюремного заключения, частная полиция может привести к сокращению его использования. С этой точки зрения позднейшие тенденции выглядят довольно привлекательно. По мнению Ширинга и Стеннинга, современный институт частной полиции свидетельствует о возрождении частных центров власти, которые успешно оспаривают заявленную государством монополию на поддержание правопорядка (Shearing and Stenning, 1987, p.13):

... То, что сейчас известно о частной полиции, является убедительным доказательством ... того, что происходящий на наших глазах ее рост означает не просто перераспределение обязанностей по поддержанию общественного порядка, но установление порядка, поддерживаемого на частной основе служащими частных агентств – порядка, который в ряде случаев несовместим с общественным порядком, установленным государством, и даже противоречит ему.

Однако возможному выигрышу в результате устранения контроля в области уголовного права – мечта сторонников аболиционизма – противостоят два главных дефекта института частной полиции: его классовые пристрастия и возможность злоупотреблений в случаях сложных политических конфликтов.

Следует рассматривать два аспекта классовой предвзятости. Наименее проблематичным является то очевидное обстоятельство, что верхушка общества может легко откупиться от возможных неприятностей. Это имеет место и в рамках обычной системы уголовных наказаний. Почти очевидно, что правоохранительные органы всех государств концентрируют главное внимание на категориях населения, достаточно удаленных от власти имущих. Исключительные случаи, когда влиятельные фигуры предстают перед судом, являются именно исключениями. Гораздо более существенная проблема, связанная с частной полицией, – незащитность людей из низших классов и их интересов. Это центральный тезис Движения новых реалистов в Великобритании, выраженный в работах его основных представителей – Янг и Мэттьюз (Young and Matthews, 1992), Янг (Young, 1989), Ли и Янг (Lea and Young, 1984). Они совершенно правы, когда говорят, что рабочий класс и группы, находящиеся еще ниже на социальной лестнице, в особенности подвержены опасности насилия, краж и вандализма. Частная полиция, уделяющая основное внимание тем, кто готов платить и может платить, уменьшит интерес правящей верхушки к поддержанию работоспособной государственной полиции и, таким образом, поставит другие группы населения и их жилые районы в еще худшее положение.

Кроме того, встает проблема контроля за контролирующими. Как предотвратить перерождение частной полиции в такой источник власти, контролировать который будет еще труднее, чем старую государственную полицию? Как проследить за тем, чтобы государственная полиция не нанимала (официально или неофициально) работников частной полиции с целью поручить им некоторые операции, которыми она сама заниматься не может? Как предупредить получение государством столь иногда вожденной помощи от частных посредников, которые не стеснены всеми этими мягкотелыми судьями и адвокатами?

Если бы гестапо или КГБ были отделениями частной фирмы на подряде у диктаторов, то, оставаясь столь же эффективными и используя те же грязные методы, они были бы все же не так опасны для самих режимов. Когда органы борьбы с преступностью являются государственными, то можно надеяться, что с разрушением государства разрушатся и эти органы. Иногда эта надежда не оправдывается, как показывают недавние перемены в некоторых странах Восточной Европы. Однако если эти органы частные, то они становятся еще более защищенными, когда режим разваливается. Это следует из их принадлежности к тому типу организаций, выживанию которых способствуют как национальные, так и транснациональные интересы. Гестапо и войска СС были ликвидированы после Второй мировой войны, но фирмы, которые поставляли оборудование для лагерей и использовали рабский труд заключенных, процветают в нынешней Германии. Как, впрочем, и университеты, получившие из лагерей материалы для исследований.

10.1. 4926 абитуриентов

Недавно у меня возникли некоторые сложности, связанные с работой приемной комиссии юридического факультета нашего университета. Я являюсь членом этой комиссии, и раз в год мы рассматриваем вопрос о зачислении новых студентов. Этим летом мы получили заявления от 4926 абитуриентов, а принять можем только 500. Безработица среди молодежи высока, что, естественно, сказывается на всей системе высшего образования. Однако наша задача довольно проста. Решая вопрос о зачислении, мы прежде всего принимаем во внимание оценки, полученные в средней школе. Они суммируются, и выводится общий балл. В некоторых случаях, если, например, абитуриент имеет трудовой стаж, ему начисляются дополнительные очки. Опытный секретарь комиссии составляет список абитуриентов, согласно набранным ими очкам. Комиссии остается только определить, какой балл становится проходным, и все абитуриенты, его набравшие, зачисляются в университет.

Но есть и определенные трудности. Некоторые из абитуриентов, ссылаясь на проблемы, связанные со здоровьем или социальным положением, просят о зачислении на льготных условиях. Кто-то во время выпускных экзаменов болел, у кого-то умер близкий родственник, есть люди, страдающие слепотой, глухотой, прикованные к инвалидному креслу, есть лечившиеся от наркомании, отбывшие заключение или страдающие нервными расстройствами. Мы обсуждаем каждый конкретный случай и большинство из этих абитуриентов принимаем, поскольку считаем, что должны помогать тем, кто оказался в беде. Однако здесь мы сталкиваемся с проблемой, всегда возникающей, когда речь идет о благотворительно-

сти. Справедливо ли то, что человек, отбывший срок заключения или прошедший лечение в психиатрической больнице, уравниен при поступлении в университет в правах с теми, кто получил высокие оценки в школе или имеет трудовой стаж? В большинстве случаев мы отвечаем на этот вопрос утвердительно. К счастью, таких бывает немного.

Есть и другая категория абитуриентов, относительно которой трудно принять решение. Но причина здесь не в них самих, а в школах, где они учились. Эти школы упорно отказываются оценивать своих выпускников по общепринятой шкале. Они утверждают, что ни выпускные экзамены, ни оценки не дают адекватного представления об ученике. Преподаватели этих школ пишут для каждого ученика характеристику по каждому предмету, и к ней прилагают подробное заключение о выпускной работе, представленной учеником. Это может быть написанная им картина, фотовыставка, сочинение о Сартре, реставрация найденных при раскопках предметов старины....

Это ставит приемную комиссию в крайне затруднительное положение. В нынешнем году у нас были три абитуриента из таких школ. Я помню их всех, поскольку с каждым приходилось разбираться индивидуально. Все они закончили так называемые вальдорфские школы (в Скандинавии их называют школами Рудольфа Штайнера). Обычно все двенадцать лет с учениками занимаются одни и те же преподаватели, которые знают каждого из них не просто хорошо, а чересчур хорошо. Они пишут о своих подопечных с пониманием, часто с любовью, для них ученики стали близкими людьми, и они хотят, чтобы и мы к ним относились так же. Поэтому принять решение в таких случаях очень и очень трудно.

Трое поступающих без оценок, несколько «социально неблагополучных». Это те из абитуриентов, с которыми я столкнулся лично. Но были еще 4400 человек, которых мы не приняли. Молодые люди со своими достоинствами и недостатками, и у каждого – желание учиться именно здесь. Однако их качества были оценены в баллах, и этих баллов оказалось недостаточно.

Хуже всего то, – и это имеет прямое отношение к возможностям современного общества, то есть к теме этой главы, – что я, по многим принципиальным соображениям, являюсь противником экзаменов и оценок. Я уже давно являюсь активным членом Королевской комиссии, которая выступает за отмену оценочного обучения в общеобразовательных школах. Более того, я также против ограниченного приема в университеты и несколько раз голосовал за его отмену. Но добиться этого мне не удалось, и поэтому я обязан выполнять порученные мне административные обязанности. Если бы я отказался, мое место занял бы кто-то другой. А так у меня есть возможность помочь хотя бы одному-двум страждущим попасть на землю обетованную.

10.2. Узкое место

Одна из причин того, что правосудие вершится так неспешно – это то, что суды перегружены работой и очень плохо оснащены. Это факт общеизвестный. Судопроизводство отстает от неумолимого бега времени. Да, парики ушли в прошлое, но волокита осталась. Пишущие машинки пришли на смену гусиным перьям, в некоторых судах даже появились компьютеры, но в большинстве своем суды так и остались архаичными учреждениями, не перестроившимися на современный лад. Кроме того, качество их деятельности зачастую не выдерживает никакой критики. Проводимые исследования говорят о том, что случаи вынесения ошибочных приговоров встречаются слишком часто. За одинаковые преступления в одном суде можно получить несколько месяцев тюремного заключения, а в другом – несколько лет. Вследствие этого либо у апелляционных судов появляется дополнительная работа, либо, если апелляция не подавалась, справедливость остается попорченной.

В США в этой области грядут изменения, и многое уже сделано.

В 1984 году конгресс принял Закон о реформе вынесения приговоров (the Sentencing Reform Act), направленный прежде всего на то, чтобы предоставить системе уголовного судопроизводства возможность бороться с преступностью, вынося справедливые и действенные приговоры. Под справедливостью в данном случае подразумевается максимальное соответствие тяжести наказания тяжести совершенного преступления. За одинаковые преступления следует назначать одинаковые наказания. Для достижения этой цели закон о реформе с одной стороны расширил, а с другой – ограничил полномочия судов. Ранее существовавшая практика неопределенных приговоров и условного освобождения была упразднена, и право решать вопрос о сроках освобождения было предоставлено судам. Ограничение полномочий судов заключается в том, что был разработан свод инструкций, руководствуясь которыми и следует в каждом конкретном случае выносить приговор.

Для этого конгресс создал Федеральную Комиссию по приговорам (the United States Sentencing Commission). Это

независимая юридическая организация, состоящая из семи членов, имеющих право голоса, и двух членов без права голоса. Основная цель комиссии – обеспечить на уровне федеральной системы уголовного судопроизводства претворение в жизнь политики и практики вынесения приговоров, соответствующих принципам справедливости. Для этого комиссии следует распространить в судах подробные директивы, предписывающие выносить соответствующие приговоры обвиняемым в преступлениях, находящихся в федеральной юрисдикции. (U.S. Sentencing Commission Guidelines 1990, § 1.1.)

В своем решении (по делу «Мизретта против США») Верховный суд США подтвердил*, несмотря на возражения, возникшие в ходе процесса, конституционность действий Комиссии по приговорам, так что теперь рекомендации этой комиссии являются решающим фактором уголовно-правовой политики на федеральном уровне.

10.3. Руководство по принятию трудных решений

Главные результаты работы Комиссии по приговорам отражены в так называемой «таблице наказаний» (so-called Sentencing Table; см. *таблицу 10.3-1*). Принцип ее использования достаточно прост. Давайте сначала рассмотрим несколько примеров принятия решений по правонарушениям различной тяжести. Задача судьи – определить тип правонарушения. Допустим, речь идет о воздушном пиратстве или о попытке воздушного пиратства. В разделе 2.14 «Руководства»* об этом говорится:

- а) Степень тяжести: 38
- б) При наличии смертельных исходов степень тяжести увеличивается на 5 очков.

Если смертельные исходы были, преступник получает в сумме $38 + 5 = 43$ очка, что по таблице означает «пожизненное заключение».

В случае насильственного вторжения в чужое жилище дело обстоит сложнее. В инструкции написано:

Насильственное вторжение в чужое жилище

- а) Степень тяжести: 17
- б) Особенности совершенного преступления
 - 1) Если преступление планировалось заранее, степень тяжести увеличивается на 2 очка.
 - 2) Если нанесен материальный ущерб на сумму, превышающую \$ 2500, степень тяжести увеличивается следующим образом:

Материальный ущерб (максимум)	Увеличение степени тяжести
A) \$ 2500 или меньше	без увеличения
B) Более \$ 2 500	на 1
C) Более \$ 10 000	на 2
D) Более \$ 50 000	на 3
E) Более \$ 250 000	на 4
F) Более \$ 800 000	на 5

G) Более \$ 1 500 000	на 6
H) Более \$ 2 500 000	на 7
I) Более \$ 5 000 000	на 8.

- 3) Если было украдено огнестрельное оружие или другие средства уничтожения, либо вещества, распространение которых контролируется законом, или если целью преступления было завладение чем-либо из вышеперечисленного, степень тяжести увеличивается на 1 очко.
- 4) Если преступник имел при себе опасное для жизни средство (в том числе огнестрельное оружие), степень тяжести увеличивается на 2 очка.

Из этого следует, что минимальная степень тяжести подобного преступления – 17; максимальная – 30.

Итак, половина работы сделана. Остается определить категорию преступной биографии. О том, как это сделать, рассказывается в разделе 4.1 «Руководства»:

- a) За каждый предыдущий приговор к лишению свободы на срок свыше одного года и одного месяца добавляется 3 очка.
- b) За каждый неучтенный в пункте (a) приговор к лишению свободы на срок не менее шестидесяти дней добавляется 2 очка.
- c) За каждый неучтенный в пунктах (a) и (b) ранее вынесенный приговор добавляется по 1 очку (но не более 4).
- d) Если обвиняемый совершил данное преступление, будучи осужденным за другое преступление (это относится к осужденным условно, отпущенным на поруки либо под надзор, осужденным к исправительным работам, тюремному заключению и совершившим побег), добавляется 2 очка.
- e) Если обвиняемый совершил данное преступление менее, чем через два года после освобождения из заключения по приговорам, упомянутым в пунктах (a) и (b), находясь в заключении или бежав из него, добавляется 2 очка. Если добавляется 2 очка за пункт (d), то за данный пункт добавляется только 1 очко.

Максимальная сумма дополнительных очков по данной шкале – 13. Их получают те, кто четырежды был осужден на срок более 13 месяцев и совершил одно мелкое правонарушение.

Пользуясь данными инструкциями, можно определить срок наказания.

Таблица 8.3-1. Таблица наказаний (в месяцах лишения свободы). Категории преступной биографии.

Степень тяжести	I (0 – 1)	II (2 – 3)	III (4, 5, 6)	IV (7,8,9)	V (10, 11, 12)	VI (13 и более)
1	0-6	0-6	0-6	0-6	0-6	0-6
2	0-6	0-6	0-6	0-6	0-6	0-6
3	0-6	0-6	0-6	0-6	0-6	0-6
4	0-6	0-6	0-6	2-8	4-10	6-12
5	0-6	0-6	1-7	4-10	6-12	9-15
6	0-6	1-7	2-8	6-12	9-15	12-18
7	1-7	2-8	4-10	8-14	12-18	15-21
8	2-8	4-10	6– 2	10-16	15-21	18-24
9	4-10	6-12	8-14	12-18	18-24	21-27
10	6-12	8-14	10-16	15-21	21-27	24-30
11	8-14	10-16	12-18	18-24	24-30	27-33
12	10-16	12-18	15-21	21-27	27-33	30-37
13	12-18	15-21	18-24	24-30	30-37	33-41
14	15-21	18-24	21-27	27-33	33-41	37-46
15	18-24	21-27	24-30	30-37	37-46	41-51
16	21-27	24-30	27-33	33-41	41-51	46-57
17	24-30	27-33	30-37	37-46	46-57	51-63
18	27-33	30-37	33-41	41-51	51-63	57-71
19	30-37	33-41	37-46	46-57	57-71	63-78
20	33-41	37-46	41-51	51-63	63-78	70-87
21	37-46	41-51	46-57	57-71	70-87	77-96
22	41-51	46-57	51-63	63-78	77-96	84-105
23	46-57	51-63	57-71	70-87	84-105	92-115
24	51-63	57-71	63-78	77-96	92-115	100-125
25	57-71	63-78	70-87	84-105	100-125	110-137
26	63-78	70-87	78-97	92-115	110-137	120-150
27	70-87	78-97	87-108	100-125	120-150	130-162
28	78-97	87-108	97-121	110-137	130-162	140-175
29	87-108	97-121	108-135	121-151	140-175	151-188
30	97-121	108-135	121-151	135-168	151-188	168-210
31	108-135	121-151	135-168	151-188	168-210	188-235
32	121-151	135-168	151-188	168-210	188-235	210-262
33	135-168	151-188	168-210	188-235	210-262	235-293
34	151-188	168-210	188-235	210-262	235-293	262-327
35	168-210	188-235	210-262	235-293	262-327	292-365
36	188-235	210-262	235-293	262-327	292-365	324-405
37	210-262	235-293	262-327	292-365	324-405	360- >
38	235-293	262-327	292-365	324-405	360- >	360- >
39	262-327	292-365	324-405	360- >	360- >	360- >
40	292-365	324-405	360- >	360- >	360- >	360- >
41	324-405	360- >	360- >	360- >	360- >	360- >
42	360- >	360- >	360- >	360- >	360- >	360- >
43						

пожизненно

Если имело место насильственное вторжение в чужое жилище (степень тяжести – 17), оно было подготовлено заранее (степень тяжести увеличивается до 19), был нанесен материальный ущерб на сумму, превышающую \$ 10 000 (степень тяжести – 21), но не было украдено ни оружия, ни наркотиков, и огнестрельное оружие не применялось, то по вертикальной шкале мы останавливаемся на 21 очке.

Обвиняемый был ранее дважды приговорен к тюремному заключению на срок более 13 месяцев, поэтому по горизонтальной шкале его категория – шестая. Находим пересечение горизонтальной и вертикальной шкалы и получаем результат. Судья может приговорить обвиняемого к тюремному заключению сроком от 46 до 57 месяцев.

Узкое место удалось пройти.

10.4. О чистоте правосудия

Главное преимущество этого «Руководства» – в его честности. Понятно, что учитывается, а что вынесено за скобки. Конгресс четко определил задачи, поставленные перед комиссией:

В руководствах, разработанных Комиссией, непременно должно быть указание на то, что, вынося решение о тюремном заключении или его сроках, неуместно принимать во внимание образование, профессиональные навыки, трудовой опыт, семейные узы, социальное положение обвиняемого. (The Manual, p. 5.35.)

Должен признаться, что фразу эту я перечитывал дважды: неуместно? Я считаю, что такое Руководство *как раз это* и должно учитывать. Но Комиссии было велено *не* принимать во внимание следующее:

Возраст.

Образование и профессиональные навыки.

Психическое состояние.

Физическое состояние, в том числе наркотическая и алкогольная зависимость.

Послужной список.

Семейное положение.

Социальное положение.

Раса, пол, национальное происхождение, политические взгляды, вероисповедание, социальное положение. (The Manual, pp.5.35-5.37.)

Людям, привыкшим к старомодному, принятому в Европе отношению к преступности, эти директивы кажутся по меньшей мере странными. Даже с самой доброжелательной точки зрения решение не обращать внимания на некоторые из этих факторов можно расценить как попытку установить новые критерии справедливости. Конгресс, вероятно, опа-

сался снисходительного отношения к лицам, имеющим определенные преимущества: того, например, что преступники из высших слоев общества будут ссылаться на семейные и общественные связи, доказывая тем самым свою благонадежность, и, следовательно, смогут избежать справедливого наказания, которому подвергнутся лица, таковых не имеющие.

Нельзя допускать, чтобы человек обеспеченный и социально преуспевший, пользуясь этими преимуществами, нес наказание более легкое? Хорошо. Но что же тогда делать с теми, кто благами не располагает, с теми, кто находится внизу социальной лестницы? Получается, что, запрещая судам принимать эти факторы во внимание, – дабы те, кто уже имеет некоторые привилегии, не получали дополнительного преимущества – людей с неблагоприятной судьбой лишают шанса на снисходительное к ним отношение. Таким образом, вопрос о социальной справедливости вообще снимается с повестки дня. А что делать с преступником-бедняком, воруящим потому, что он голоден? Или с одиноким человеком, не имеющим никаких социальных связей? Чтобы избежать поправок для состоятельных людей (число которых невелико), законодатели отказывают органам правосудия в праве учитывать именно те факторы, которые для большинства преступников являются общими: бедность, тяжелые условия жизни, отсутствие возможности получить хорошее образование – то есть все, что является признаками, определяющими принадлежность к «социально опасным слоям населения».

Если бы Конгресс хотел, чтобы социально и материально благополучные не имели преимуществ, он бы вполне мог решить эту проблему. Классифицировать социальные факторы ничуть не труднее, чем классифицировать действия, которые считаются преступными. Я бы посоветовал Комиссии пользоваться следующей шкалой определения тяжести преступления:

Начнем с того, что *усугубляет* вину:

Обвиняемые, имеющие высшее образование (и, следовательно, обязанные нести большую ответственность) получают 2 дополнительных очка.

Обвиняемые, чей годовой доход превышал в течение двух последних лет X долларов, получают 4 очка.

Обвиняемые, имеющие налаженные социальные связи и надежное положение в обществе, получают 5 очков.

А теперь перейдем к тому, что вину *смягчает*:

С обвиняемых, не получивших обязательного минимума образования, снимается 3 очка.

С обвиняемых, живущих за чертой бедности, снимается 4 очка.

С обвиняемых, получивших в детстве серьезные психологические травмы и выросших в неблагополучной среде (по данным органов социальной опеки), снимается 5 очков.

Этот список можно продолжать. Насколько, к примеру, велика вина выросшей в нищете женщины, которую с детства избивал и принуждал к сожительству собственный отец, если она, наконец, отчаявшись, его убивает? А что, если и мать обо всем знала и ни во что не вмешивалась? Учтем и то, что выросла несчастная в трущобах. Так по какой шкале оценивать смягчающие обстоятельства? Не получится ли, что если будут учтены все из них, некоторые преступники окажутся за *нижней* границей шкалы, определяющей тяжесть преступления, и тогда судье придется выносить приговор обществу и обязывать его выплачивать компенсацию обвиняемым? Если мы углубимся в эти материи, может стать, что тема контроля над преступностью, столь популярная среди любителей политических дебатов, изживет сама себя.

Радзинович и Худ (Radzinowicz and Hood, 1981) подробно рассказывают о том, что ведет к подобной ситуации. Речь идет о реформе, основанной на благородном стремлении как можно реже прибегать к тюремному заключению. В книге «Комиссия по изучению проблем тюремного заключения» («Committee for the Study of Incarceration», 1976) фон Хирш (von Hirsch) высказывается в пользу облегчения и сокращения сроков наказаний. По мнению Комиссии, отказ от реабилитационной модели без одновременного снижения сроков наказаний является жестокой и опасной политикой. Наибольшим наказанием за все преступления, за исключением убийства, должно быть тюремное заключение сроком не выше пяти лет. Радзинович и Худ (Radzinowicz and Hood) на стр. 142 цитируют бывшего председателя Федерального апелляционного суда Базелона (Bazelon, 1978):

(Он) сурово критикует предложенный Сенатом законопроект о создании Комиссии и считает, что, прикрываясь декларированием принципов равноправия, этот законопроект «представляет уголовный процесс как орудие социального контроля». Поскольку проблема преступности непосредственно связана с социальными условиями, то и «судебные решения следует выносить, учитывая все обстоятельства жизни обвиняемого». Попытка «формализовать» этот процесс «лишает все участвующие в нем стороны доступа к информации, без которой осуществление истинно справедливого правосудия невозможно».

Причины, по которым социальные факторы не включены в таблицу наказаний, связаны с концепцией так называемого «правосудия по за-

слугам» (*just deserts – прим. ред.*), согласно которой наказание должно отражать степень тяжести совершенного преступления. И чем меньше учитывается социальных факторов, тем яснее видно соотношение между конкретным правонарушением и наказанием, а повышенное к ним внимание мешает вынести справедливое наказание, соответствующее тяжести злодеяния. Концепция «правосудия по заслугам» считает это вредным. Моральный аспект, также как и урок, который может извлечь общество, во внимание не принимается. То же касается и возможности избежать несправедливого приговора, то есть различных наказаний за одинаковые преступления. Главная цель здесь – избежать неравенства, но последствия этой стратегии таковы, что при принятии решений не учитываются многие важные факторы. «Правосудие по заслугам» гарантирует весьма однобокое правосудие, так как многих моментов не учитывает. Поскольку неучтенные факторы стали бы преимуществом для людей, лишенных иных преимуществ, ограничения, принятые концепцией «правосудия по заслугам», создают в целом крайне несправедливую систему. Простота этой концепции делает ее весьма удобным оружием скорого правосудия, склоняющегося при рассмотрении уголовных дел к деперсонализации обвиняемого.

10.5. Союз обвиняемого с прокурором

Согласно Биллю о правах, все американские граждане, обвиненные в совершении преступлений, имеют право на рассмотрение дела в суде присяжных. Но в действительности мало кто из обвиняемых этим правом пользуется. Более 90 процентов (а по некоторым категориям дел до 99 процентов) обвиняемых признают себя виновными. Если бы количество признавших свою вину сократилось даже незначительно, вся судебная система США оказалась бы парализованной.

Почему же они признают себя виновными?

Потому что, заявив о своей невиновности, они идут на большой риск.

Эта практика широко распространена в среде правонарушителей – таким образом они пытаются выговорить себе более мягкий приговор. Все очень и очень просто. Прокурор считает, что он может доказать: предполагаемый правонарушитель совершил некие деяния – А, В, С и D. Он обещает выдвинуть обвинение только по пунктам А и В *в том случае, если правонарушитель признает себя виновным в их совершении.*

Таким образом, американцы получают наказание не за то, что они совершили, а за то, в чем они по договоренности с прокурором признались суду.

Комиссии по приговорам эта практика не понравилась, были приняты попытки бороться со сговорами между преступниками и прокурорами¹. Но эти попытки пришлось оставить, поскольку не удалось найти способ вести дела со всей справедливостью, не затягивая при этом судебной процедуры... (с. 1.5).

Поэтому, когда судья обращается к таблице наказаний, он определяет степень тяжести не того правонарушения, которое совершил обвиняемый, а того, относительно которого договорились обвиняемый и прокурор – в том случае, если обвиняемый был настолько любезен, что согласился признать свою вину, обеспечив тем самым быстрое судебное разбирательство.

Лангбейн (Langbein, 1978) указывает на то, что такая система, во первых, привела к сосредоточению в руках прокурора чрезмерной власти (с. 18):

Судебное право подразумевает разделение ответственности. Мы ожидаем, что прокурор выдвинет обвинение, судья и присяжные примут решение, после чего судья вынесет приговор. Договоренность о принятии правонарушителем вины за часть содеянного приводит к тому, что в руках прокурора сосредотачивается ответственность за обвинительный, детерминационный и санкционный этапы процесса.

С этим полностью согласны Радзинович и Худ (1981, сс.142-143):

Ограничение полномочий, предоставленных суду, и контроль над ним со стороны Комиссии умалит роль судьи в уголовном процессе и усилит полномочия прокурора.

Но для того, чтобы вынудить обвиняемого сознаться, следует понимать, что в противном случае последствия будут ужасны. Лангбейн пишет об этом так (с. 12):

¹ Комиссия сообщает (1990, с. 1.4–1.5):

Одним из наиболее важных среди стоящих перед Комиссией вопросов был вопрос: должен ли приговор основываться на рассмотрении действий, в которых принимал участие подсудимый, независимо от того, какие ему были предъявлены обвинения (вынесение приговора за действительно содеянное), – или же на рассмотрении тех действий, которые легли в основу обвинения, выдвинутого против подсудимого (вынесение приговора за предъявленное к обвинению). Например, человек, ограбивший банк, использовал оружие, напугал прохожих, украл 50 тысяч долларов, нанес телесные повреждения кассиру, отказался повиноваться приказу полицейского остановиться и скрылся, нанеся урон помещению. При вынесении приговора за действительно содеянное будет учитываться все, что удалось доказать. При вынесении приговора за предъявленное к обвинению некоторые поступки могут быть опущены.

В Америке сейчас, в XX веке, мы возрождаем практику ведения дел, принятую в средневековой Европе: внимание уделяется прежде всего не рассмотрению сути дела, а признанию, полученному от обвиняемого. Мы вынуждаем обвиняемого признать свою вину. Действуем мы, естественно, более цивилизованно – не загоняем иголки под ногти, не надеваем испанский сапог. В одном мы уподобляемся средневековым палачам: делаем все, чтобы обвиняемый понял, какую непомерную цену он заплатит, если будет добиваться предоставленных Конституцией гарантий. Мы угрожаем ему тем, что, если он начнет отстаивать свои права, но все-таки будет осужден, к нему будут применены санкции несравненно более суровые. Речь идет о существенной разнице в приговорах, и именно поэтому сговор между обвиняемым и прокурором как практиковался ранее, так и будет практиковаться.

В примечании (с. 17) Лангбейн ставит вопрос: не является ли принятая практика причиной того, что в США очень высок уровень наказаний. Он утверждает:

В девятнадцатом и двадцатом веках, когда в Европе шли на смягчение наказаний, мы действовали в противоположном направлении. Возникает сильное подозрение, что одной из причин этого была и остается принятая практика сговора о смягчении приговора.

10.6. Деперсонализация

Решение не принимать во внимание социальные условия, в которых жил обвиняемый, приводит не только к тому, что эти аспекты никак не влияют на определение наказания. Не менее важно то, что обвиняемый не рассматривается как личность. Нет смысла вести речь о детстве, мечтах и чаяниях, поражениях, а может быть, и победах – обо всем, что представляет человека как единственное и неповторимое создание. Благодаря руководству по вынесению приговоров и, в особенности, таблице наказаний, все правонарушения классифицированы по степени тяжести. Жизнь заключенного сведена к преступной биографии, и для принятия решения достаточно найти точку пересечения двух колонок – вертикальной и горизонтальной. Трудность принятия решения приобретает стоимостное выражение, становится монетарной единицей.

Таким образом, в процедуре вынесения наказания появляются процессы, сходные с теми, которые Георг Зиммель (Georg Simmel, 1950) заметил в экономике. Он считал, что деньги – это антиличностный элемент, ставший основой жизни, и беспокоился о том, что в современном обществе исчезают автономность и индивидуальность.

...Самобытность феномена несопоставима с финансовыми принципами...

...Эти принципы должны наполнять жизнь особым содержанием, они говорят за исключение тех иррациональных, инстинктивных черт и импульсов, которые направлены на детерминацию образа жизни изнутри – вместо того, чтобы получать общую и предельно схематизированную форму жизни извне (с. 409-413).

Для вынесения приговора присутствие обвиняемого в суде оказывается необязательным. Все сводится к совершенному поступку и к ранее совершенным поступкам, классифицированным как преступления. Возможность обвиняемого представить себя как члена человеческого сообщества, типичного и неповторимого одновременно, минимальны.

Одно из очевидных следствий этой системы принятия решений – установление дистанции, отстранение человека, которому выносятся приговоры. При исключении социальных факторов создается безличная и кажущаяся «объективной» система. Зло становится валютой, стоимостью которой определяется страданием. Эта система находится в полном соответствии с общепринятыми бюрократическими установками, и в то же время она крайне удобна властям предрержащим.

Физическую дистанцию можно установить, направив на человека пистолет. Социальная дистанция – это классовые различия. А можно держать дистанцию, приобретая профессиональные навыки и разучившись видеть в человеке личность, которую мы так легко видим в друге или возлюбленной. В авторитарных структурах дистанция основана на подчинении приказам. Таблица приговоров и является таким приказом свыше. Судья может оказаться мягким человеком, понимающим трудность жизни в нищете. Но таблица непреклонна: «Мне очень жаль, но степень тяжести вашего преступления – 38. Это не мое личное решение, я всего лишь обязан его вынести».

При такой системе вынесения приговоров у властей становится гораздо больше возможностей для контроля. Разработана система регистрации всех решений по наказаниям, и она будет дополняться (годовой отчет Комиссии по приговорам США, 1989). Это еще один шаг судебной власти – ближе к верхушке, подальше от опасной возможности идентификации с обвиняемым (или «судьи и обвиняемого»).

Комиссии по приговорам действуют сейчас в нескольких штатах США: в Миннесоте, Орегоне, Пенсильвании и Вашингтоне. Действия комиссии в Миннесоте признаны весьма успешными (см. фон Хирш, 1984), а работу Федеральной комиссии Тонри (Tonry, 1991, p.309) считает провальной. Однако принципы, которыми они руководствуются, кажется, идентичны. Они составляют простейшие таблицы, учитываю-

щие тяжесть правонарушения и количество совершенных ранее преступлений, и ответ готов ¹.

¹ В статье с мрачным названием «Регрессия уголовной политики» («Penal Regressions» Радзинович (1991) пишет:

Я считаю, что все комиссии по приговорам имеют те или иные существенные недостатки. Не следует рассматривать их как способ решения проблем, связанных с определением меры наказания... Они должны лишь советовать, но не указывать (с. 434).

Правосудие вершится или направляется?

Европейцам не всегда доступны шутки из *Нью-Йоркера*. Мы выросли в другой культуре, нам не всегда понятно то, что с детства знакомо каждому американцу. Культурные символы ясны тем, кто вырос в одном культурном поле.

Большинству современных людей, живущих по обе стороны Атлантики, фигура богини правосудия знакома. В одной руке у нее весы, естественно, старинные, с чашами, в другой – меч. Глаза у нее завязаны. Чаще всего ее изображают облаченной в белые одежды.

Это символ значимый, правда, не для всех. Возможно, мы лучше поймем право, если сопоставим те общественные системы, где этот символ никакой роли не играет, с другими, где ему придается в буквальном смысле слова сакральное значение. Я предлагаю сделать это, сопоставив три типа правовой организации – сельское право, представительское право и независимое право. Это будет идеально-типическое описание, попытка выяснить принципы, на которых строятся эти правовые установки.

11.1. Сельское право

...в котором богиня правосудия не имеет символического значения.

Во-первых, зачем ей в деревне повязка на глазах? Представьте себе некую деревню, имеющую достаточно автономии, чтобы решать внутренние конфликты, деревню со своей историей, причем достаточно долгой – настолько, что собственные нормы относительно того, что есть добро и что есть зло, уже выработаны. Деревню с относительно равно-

правными отношениями между людьми. В такой общине понятие закона важно для всех взрослых жителей. Правила известны им из непосредственного опыта. Даже если правовые решения до некоторой степени формализованы, монополии на обладание правовыми знаниями тут нет. Живя в своей деревне, люди знают все, и, естественно, все принимают участие в принятии решений. Но, поскольку решения бывают непростыми, обязательно есть некто, определяющий продолжительность и основные принципы обсуждений. Споры могут длиться несколько дней – со ссылками на прецеденты, на уже принятые решения.

По сути дела, такой сельский суд работает в тесном контакте со всеми жителями деревни. Многие принимают в нем участие, многие имеют опыт в делах подобного рода, и жизнь всей деревни напрямую связана с последствиями принятого решения.

Из этого описания становится совершенно ясно, почему богиня правосудия в этой деревне неуместна. Она существует над всеми. Она – в белом, нетронутая и неприкасаемая, она – не часть целого. Кроме того, у нее повязка на глазах, а в руках меч, что невозможно в ситуации, где значимо все, где все должно быть учтено, где меч неприемлем, поскольку ведет к конфликтам, которые могут уничтожить деревню. Где отсутствует непререкаемый авторитет, надо искать согласие. Следовательно, сельское право ищет гражданского разрешения споров; компенсации и компромиссы вместо противопоставления вины невиновности и наказания проигравшему спор.

Это основные особенности. Но спешу добавить: сельское право не обязательно «справедливо». В частности, оно мало защищает тех, у кого в деревне нет ни авторитета, ни связей. Часто, хоть и не всегда, в таком положении оказывались женщины. Давно уже нет таких сельских законов, но кое-какие отголоски их сохранились по сию пору.

Они слышны, например, в термине «миролюбивое правосудие». Если не было достаточно сильного авторитета, было необходимо найти решение, приемлемое для обеих сторон, и установить мир. Это тем важнее, чем ближе лица, принимающие решения, к конфликтующим сторонам. Добившись мира, миротворец получает не только почет и уважение, но и обеспечивает себе более спокойную жизнь. Поэтому миротворцы отлично знают, сколь важно прийти к согласию. Но миротворцы не могут носить на глазах повязку. Наоборот, ей или ему нужно сосредоточиться на том, как найти компромисс, приемлемый для обеих сторон. А меч уж совсем ни к чему, поскольку он символизирует возможное использование силы.

11.2. Представительское право

В деревне фигура богини правосудия неуместна, поскольку непонятна. Но и дети нашего века могут испытывать с ней некоторые трудности, особенно, если они являются поборниками местной демократии. Согласно многим ценностным шкалам, считается самым собой разумеещимся, что, если правовые институты близки к народу, это замечательно. Обычно это выражается в двух формах:

судьи и прокуроры избираются демократическим путем (А)

или

законодательные органы оказывают значительное влияние на то, что происходит в судах. (В)

В первом случае следует выдвинуть богиню правосудия в качестве кандидатуры на демократических выборах, сделать ее выборным судьей. Это звучит весьма демократично и сравнимо разве что с выборами окружного прокурора или начальника полиции. Если они не будут выполнять наказов избирателей, то на следующих выборах лишатся своих должностей.

Но зачем же тогда богине правосудия повязка на глазах? Это нелогично – с одной стороны, приблизить ее к народу, а с другой – скрыть от ее взора все, что народ желает показать. Естественно, то, что богиня слепа, символизирует ее объективность, она не должна смотреть, дабы на нее не повлияло то, чего ей видеть не следует. Но, когда богиня правосудия избрана демократически, это значит, что в случае, если ее точка зрения разоидется с точкой зрения электората, она лишится своей должности. И это неразрешимое противоречие. Правосудие, близкое к народу, – даже правосудие, идеально представляющее интересы народа, – это в то же время правосудие, максимально тем же народом контролируемое. Это случай с сельским правосудием, где богине правосудия нет места. Но ей нет места и в современных выборах. Чтобы выиграть эти выборы, она должна слушать и смотреть.

Кроме того, в современном обществе, если ты избран демократическим путем, это отнюдь не значит, что ты представляешь все общество. В выборах принимает участие менее 50 процентов граждан. Победа означает, что ты представляешь большинство тех, кто отдал свой голос. Часто это значит, что ты действуешь от имени 1/3 или даже 1/4 населения, а не от имени всех граждан, а тем более не от имени небольших сообществ, убеждения которых могут разительно отличаться от убеждений большинства. В то же время это означает, что ты далек от ситуаций, в которых правосудие оставлено в покое ради равновесия между ценностями, важными большинству. Так чаще всего бывает в обществе, где сильно влияние средств массовой информации вкупе с опросами обще-

ственного мнения. Средства информации муссируют тему преступности и дают весьма искаженную картину происходящего. А опросы грешат тем, что резюмируют самые поверхностные идеи, что в свою очередь только усиливает позиции средств информации.

Богиня правосудия является анахронизмом и для формы В (случай тщательного контроля над судом со стороны законодательных органов). Согласно идеалам демократии, этот контроль – вещь необходимая. Власть – народу, следовательно, власть – законодателям, а не судьям.

Конечно, издавать законы должны законодательные органы, так всегда было в странах, считающих себя демократическими. Главная проблема в том, что делать с формулировками законов, издаваемых законодательными органами. Закон может считать, что:

воровство – это преступление, за которое следует наказывать,
или

воровство – это преступление, за которое следует наказывать тюремным заключением сроком до 3 лет,
или

воровство – это преступление, за которое следует наказывать тюремным заключением сроком от 2 до 3 лет,
или

воровство по 19-му типу – это преступление, за которое следует наказывать тюремным заключением сроком в 30 месяцев.

Декан факультета Скандинавского уголовного права профессор Йохс Анденес написал в своей статье (1991, с. 386):

Лично я критически отношусь к переменам во взаимоотношениях законодательных органов и судов, которые выражаются в тщательном регулировании мер пресечения, избираемых судами. С точки зрения демократической политики, нельзя ничего возразить против права законодательных органов вырабатывать точку зрения на то, что считать преступлением и какую меру пресечения выбирать. Но на уровне законодательных органов трудно выработать конкретную и действенную концепцию реальности, с которой суд столкнется при разбирательстве конкретных дел. Общеизвестно, что люди, сталкивающиеся с определенным делом, ведут себя иначе, чем люди, разрабатывающие общие понятия преступления и наказания. Нет никакого основания полагать, что в случае с членами парламента это не так.

Анденес, вероятно, имел в виду свой опыт работы с судьями-непрофессионалами. Часто бывает, и это подтверждается описанными в литературе случаями, что такие судьи более снисходительны, нежели профессионалы. Они могут быть сторонниками суровых мер, но для подсудимых, с которыми встречаются непосредственно, склонны сде-

лать исключение, ссылаясь на то, что в этом деле много дополнительных обстоятельств, что подсудимый, в сущности, порядочный человек, а не «настоящий» преступник, что он или она так пострадали в жизни, что суровое наказание было бы верхом несправедливости.

Таблицы наказаний, составленные комиссиями по приговорам – отличный пример проявления представительского права. Вынесение приговоров полностью контролируется политиками, а судья на стадии вынесения приговора совершенно бессилён. У судьи нет ни малейшей возможности принять во внимание особенности какого-то конкретного дела. Суды могут принимать решение лишь на основании конкретных фактов: совершил ли подсудимый преступление или нет? Все смягчающие и отягчающие обстоятельства находятся вне сферы их полномочий. В подобной ситуации богине правосудия ни к чему быть с завязанными глазами. Ей и так не на что смотреть, кроме как на таблицу. Власть имущие в лице Комиссии по приговорам приняли решение. И весы ей ни к чему. Все взвешено, и результаты отражены в таблице. Задача упростилась донельзя. Так что нечего удивляться, что судопроизводство приноровилось к современным темпам жизни и ускорилося. А мечом ей пользоваться еще легче, чем прежде, поскольку его направляет та же таблица.

11.3. Независимое право

Дети часто приходят к различным соглашениям, вырабатывают собственные правила и учатся этому на собственном опыте. Сельские жители малых общин получают представления о системе правил по наследству от старших и потом продолжают ту же игру. Обсуждения, которые они устраивают, – одна из форм выяснения обстоятельств дела. Аргументы принимаются или отвергаются, уточняются подробности, все взвешивается и суммируется. Это не просто взвешивание на весах Фемиды. Это проверка фактов и сопоставление их с существующими нормами. Происходит объяснение случившегося и сопоставление его с принятой системой ценностей.

Суды, придерживающиеся старых правил, в какой-то степени продолжают эту традицию. Судья не волен устанавливать правила, как это делает ребенок, не имеет он и той относительной свободы, которая есть у сельского жителя, принимающего участие в решении проблемы, возникшей в его деревне. Судья руководствуется законом и имеющимися, если он судья профессиональный, навыками. Однако существует в этой системе и место для неожиданного, для тех соображений, которые прежде никому не приходили в голову.

В общем и целом это недемократичный подход. Судьи подобного типа не так близки к народу, как это бывает в сельской общине, они не избраны народом, как в случае представительского права. Мы пользуемся термином «независимый судья». Степень этой независимости бывает различной. Наибольшая независимость встречается в тех случаях, когда судья получает назначение от коллегии судей, когда должность им дается пожизненно, когда апелляция проходит также через них, а от остального общества они защищены своим положением и/или должностью.

Легко понять критику такого типа судей со стороны демократов. Подробные инструкции парламента или комиссий по приговорам – это один из способов установить контроль над такими судьями. Другой способ – опросы общественного мнения. Эти опросы отражают точку зрения населения, которая может служить основанием для выработки стандартов справедливого наказания. Но вопросы для подобных опросов зачастую бывают поверхностными, а ответы отражают точку зрения, внушенную средствами массовой информации. Отвечают на вопросы люди, не несущие ответственности. Проверкой подлинности мнения являются конкретные действия. Мы можем понять, каковы у людей истинные представления о правосудии по тому, как они принимают конкретное участие в принятии трудных решений о применении крайних мер. Если они вынуждены делать это лично, тогда можно понять, какова их точка зрения на самом деле.

Возможно, придется признать, что выхода нет. Возможно, есть что-то положительное в идее о разделении исполнительной, законодательной и судебной власти. Но именно в этой ситуации приобретает значение образ Фемиды. Судья старого образца – свободный человек, однако в его деятельности есть некоторые ограничения. Предполагается, что в основе его доводов лежат представления о фундаментальных ценностях. Решения – не на продажу. Вот здесь и появляется богиня правосудия с завязанными глазами. На нее не должны влиять ни деньги, ни связи, ни родственные чувства. Она должна быть чиста и непорочна – вся в белом, и ей необходимы весы. У нее сложная задача. Основным вопросом правовых споров всегда был вопрос о том, что именно можно класть на ее весы. Какие доводы можно использовать и сколько эти доводы весят?

11.4. Тихая революция

Нет ничего удивительного в том, что многие из нынешних менеджеров часто выходят из старомодных залов суда с чувством отвращения. Они попадают туда в качестве свидетелей, жертв, обвиняемых. И встречаются там с полным набором формальностей – судьи в мантиях, все встают, когда входит судья, бывает, что приходится клясться на Библии. Кроме

того, неспешная процедура, подробная запись происходящего, бесконечные повторения одного и того же. А потом выясняется, что до оглашения вердикта пройдут недели, а то и месяцы.

Легко понять нетерпение менеджера. Он привык к молниеносному принятию решений, и суд кажется ему донельзя архаичным. Суды выпадают из темпа современной жизни, здесь надо все менять.

Именно это и происходит.

Американская система правосудия за последние несколько лет претерпела ряд значительных изменений. Но страна, кажется, не до конца осознала, что в судопроизводстве произошла революция. И неудивительно. Первая промышленная революция свершилась, когда появились огромные шумные машины, которые невозможно было не заметить. Все нынешние революционные процессы – как в промышленности, так и в других сферах, – происходят бесшумно. И в основном на символическом уровне. Деньги перемещаются по электронным каналам. В значительной степени современная продукция – это символы, слова, перспективы, новые способы организации жизни. Это революция мирная, мягкая, сулящая блага многим.

Правовая система тоже перестраивается, приравнивается к современному индустриальному обществу, основные ценности которого – прояснение целей, контроль над производством, снижение стоимости товара, рациональное распределение труда при координации всех действий на высшем руководящем уровне. Мы возвращаемся к идеям Макса Вебера и к системе максимальной продуктивности при решении четких поставленных задач.

Флеминг Балвиг так писал в комментариях к этой книге:

Адаптационные процессы заметны даже по тому, как изменился внешний вид залов заседаний. Они постепенно становятся похожими на кабинеты заместителей директоров крупных фирм. Исчезли судейские мантии. Вместо картин на стенах – современные литографии, сиденья как в конференц-зале. Естественно, в зале появились компьютеры. Вместо торжественной обстановки зала, где вершатся судьбы, – удобное рабочее помещение.

Процесс адаптации заметен и по тому, как ускорилось судопроизводство, как быстро выносятся приговоры. Решения стали более унифицированными. За схожие преступления люди получают одинаковое наказание. Те, кто ратует за равенство в правосудии, удовлетворены – людям с одинаковой преступной биографией и совершившим одинаковые преступления, выносятся идентичные приговоры. Возросла степень предсказуемости. Раскрыть таблицу наказаний, найти степень тяжести преступления – это под силу даже ребенку.

Да, большинство узких мест удалось обойти. Сговор между обвиняемым и прокурором гарантирует быстрое признание, руководства по наказаниям гарантируют скорое решение. В ближайшее время их наверняка введут в компьютер, если еще не успели это сделать. Секретарь будет закладывать всю необходимую информацию, а судье останется только нажать на кнопку, и компьютер выдаст варианты решения, а возможно, и подскажет решение оптимальное.

Скорость, надежность, схожесть, ясность решений, система, легко контролируемая той же Комиссией по приговорам, которая, в свою очередь, находится под контролем у избранных представителей народа, – вот идеальная адаптация к современным условиям.

Хочу повторить еще раз: то, что происходит в США, происходит повсеместно. Даже Англия и Уэльс делают шаги по централизации контроля над судебной властью. В докладе министерства внутренних дел 1990 года, посвященном проблемам преступности, правосудия и охраны общественного порядка, одобрена модель «правосудия по заслугам». В списке основных предложений правительства это записано первым пунктом:

– последовательное создание системы наказаний, в которой тяжесть наказания соответствует тяжести преступления...

И далее, на страницах 1-2:

Апелляционный суд издал справочник, одобренный правительством, в котором приведены приговоры по наиболее значительным делам, слушавшимся в Высоком суде. Ассоциация судей подготовила разработки для дел, проходящих через мировые суды. Однако не до конца проработаны принципы, на которые следует опираться при вынесении приговоров. Также есть некоторая неясность относительно освобождения под честное слово.

...

Правительство рекомендует разработать новую систему вынесения приговоров, основанную на рекомендациях, предложенных апелляционным судом.

...

Цель предложений, выдвинутых правительством: добиться улучшения работы органов правосудия путем разработки нового подхода, обеспечивающего вынесение приговоров согласно концепции «правосудия по заслугам». Строгость приговора, вынесенного судом, должна определяться лишь тяжестью преступления.

Однако в Англии и Уэльсе действуют ограничения, не позволяющие правительству вмешиваться в работу органов правосудия (с.8-9):

Законодательство должно иметь общие формы. В задачи правительства не входит поручать парламенту разрабатывать для судов строгие законодательные директивы. Суды проявили себя с лучшей стороны при решении наиболее сложных дел. Судам по-прежнему будет предоставлена полная свобода действий в случае, если они будут принимать справедливые решения по тем делам, которые к ним поступают. Правительство не считает необходимым вводить жесткие рамки по типу тех, которые существуют в США, равно как и систему минимальных или обязательных наказаний за определенные преступления. Это лишь затруднило бы принятие справедливых решений в исключительных случаях, а также вызвало бы больше оправдательных вердиктов, вынесенных судом присяжных, что привело бы к несправедливому освобождению виновных.

Итак, в Англии и Уэльсе действуют по принципу «два шага вперед, один шаг назад». Но в этих странах должность генерального прокурора была введена недавно. По-видимому, ее введение повлечет за собой максимальное единообразие приговоров, и, насколько это видно из доклада правительства, будет способствовать усиленному претворению в жизнь идеи создания «правосудия по заслугам». Правительство обещает также организовать обучение лиц, выносящих приговоры, с тем, чтобы новая практика стала как можно более эффективной, а апелляционный суд получил полномочия давать более углубленную трактовку существующего законодательства. Более того:

Новые положения в законодательстве, максимальное наказание за каждое преступление, указания со стороны апелляционного суда и полномочия генерального прокурора направлять в апелляционный суд дела, по которым суд вынес чересчур мягкие приговоры, – все это будет служить развитию практики вынесения заслуженных приговоров, а задачи по распространению ее на местах будут возложены на Комитет по делам правосудия. При *таких* (курсив мой – *Н.Кристи.*) условиях правительство не видит необходимости поручать Совету по приговорам разрабатывать основные направления системы наказаний.

Возможно, назад было сделано всего полшага.

11.5. Эмоциональное поведение

Современное общество основано на рациональности. Но преступления часто выходят за границы рационального. Для жертвы случившееся – если происшествие было серьезным – событие из ряда вон выходящее. Здесь в силу вступают эмоции. Жертва могла испытать гнев или горе.

Никакие суды, за исключением действующих по принципам сельского права, не знают, как сладить с подобного рода эмоциями. Большинство из них выполняют лишь свою непосредственную задачу. Жертва – не главный герой пьесы; дело ведут люди, объявившие себя представителями сторон. Возможно, в этом причина того, что жертвы часто бывают неудовлетворены результатами суда, считая, что преступник слишком легко отделался. И потерпевшие требуют более сурового наказания не из чувства мести, а потому, что на суде им не было уделено достаточно внимания.

Можно было бы исправить такое положение дел, если бы потерпевший занимал в разбирательстве более заметное место и если бы вся процедура не носила такого прикладного и формального характера. Однажды, в связи с другими проблемами, я сравнивал гнев и горе. Смерть часто несет с собой огромное горе. На похоронах вполне позволительно его выражать. Насколько мне известно, никто и никогда против этого не выступал. На стенах крематория не висит лозунг, призывающий к здоровому образу жизни: «Если бы он не курил, он был бы с нами и по сей день». На похоронах допустимо вести себя эмоционально.

Суд давно перестал быть тем местом, где эмоциональное поведение уместно. А в нынешнее время – и подавно. Подробные инструкции по приговорам, особенно компьютеризованные, могут быть так же чужды процессу вынесения приговора, как были бы чужды они во время исповеди грешника священнику. Месть, регулируемая таблицей или нажатием кнопки, – это еще один шаг назад от ситуации, в которой гневу и гору дозволено вырваться наружу. На смену ритуальности и экспрессивности пришли эффективность и четкость.

Изменения в статистических описаниях американцев указывают на взаимное недопонимание различных институтов. Институт права стал слишком близок к политике. От института производства заимствован утилитарный образ мышления, ставший доминирующим.

Современность и контроль поведения

12.1. Дети современности

Я долго подбирал название для этой главы. Мне хотелось показать, что ее тема тесно связана с темой книги Зигмунта Баумана «Современность и проблемы Холокоста» (Zygmunt Bauman, *Modernity and the Holocaust*, 1989).

Бауман – представитель третьей волны ученых, занимающихся проблемой концентрационных лагерей времен Второй мировой войны.

Первая волна считала, что концентрационные лагеря были созданы людьми, страдавшими тяжелыми психическими расстройствами. Все, принимавшие в этом участие, от Гитлера до надсмотрщиков, считались людьми с отклонениями, сумасшедшими, злыми или же патологически авторитарными (Adorno et al. 1950), либо, по крайней мере, находившимися под началом у людей подобного рода. Как иначе можно было объяснить весь этот ужас, случившийся в стране Шиллера и Гете?

Вторая волна обвиняла в случившемся не людей с отклонениями, а порочную социальную систему. Считалось, что зверства были связаны с отклонениями внутри немецкой нации, возможно – с особенностями расстановки политических сил, при которой командные посты заняли люди того типа, который подробно описали ученые первой волны – люди дурные, сумасшедшие или чрезмерно авторитарные. Нормальные люди совершают ненормальные поступки в ненормальной ситуации. Я сам в том же духе писал об охранниках в концентрационных лагерях (Christie, 1951).

Третья волна заняла совершенно иную позицию. Массовое уничтожение людей рассматривается не как исключительное событие, а как проявление, свойственное подобному типу общественного строя. С та-

кой точки зрения Холокост видится как нечто, характерное для такого общества. Уничтожение людей – это не шаг назад, к варварству, а порождение современности. Холокост произошел именно вследствие тех условий, которые были причиной возникновения индустриального общества: разделение труда, бюрократизация, рациональный дух, научно-ориентированный образ мышления, и, в особенности, то, что система ценностей была изъята из некоторых частей общества. Таким образом, Холокост видится как только один из примеров того, что может случиться, если обширные сферы деятельности исключены из сферы оценок по общепринятой шкале, в которую входит обычное представление о порядочности. Начальник лагеря Освенцим вряд ли пригласил бы туда свою любимую тетушку. Один из докторов пригласил свою жену, о чем впоследствии весьма сожалел (Lifton, 1986).

Концентрационные лагеря стали приметой рационализованного общества. Бауман пишет (с.11-12):

...Ни одно из условий существования общества, приведших к появлению Освенцима, не искоренено полностью, не были предприняты действенные меры по предотвращению появлений новых Освенцимов.

...

Я предлагаю рассматривать опыт Холокоста, в настоящее время уже полностью изученный историками, как некую социологическую «лабораторию». Холокост выявил такие качества нашего общества, которые в нелабораторных условиях просто не проявляются, а посему не могут быть оценены эмпирически. Другими словами, *я предлагаю рассматривать Холокост как редчайший, однако важный и достоверный эксперимент, продемонстрировавший возможности современного общества.*

Оптимисты¹, верящие в непрерывный прогресс человечества, найдут в книге Баумана мало для себя утешительного. Существует скрытый альянс между верящими в прогресс и верящими в современное «государство-сад», которые рассматривают общество как объект, который

¹ Норберт Элиас (Norbert Elias, 1978, 1982) часто считается одним из них. Он рисует следующую радужную перспективу: ранее мы жили в условиях, требующих постоянной готовности к борьбе, к защите жизни и имущества от физической угрозы, а теперь живем в многогранном обществе, где от нас требуются сдержанность и корректное поведение. Однако разителен контраст общей идеи и посвящения – «Памяти родителей, погибших в Бреслау в 1940 году и в Освенциме в 1941 году». Поведение государства оказывается в основном вне сферы интересов Элиаса. Гарланд (Garland, 1986) относится к Элиасу более позитивно.

можно планировать, культивировать, избавлять от сорняков. Бауман резко с этим не согласен. Он придерживается точки зрения Ивана Иллича и его единомышленников, которая сформулирована в недавно вышедшем «Словаре прогресса» (Sachs, 1992). Согласно Бауману, Холокост – это нечто большее, чем ужасы и зверства. Это предупреждение. По сей день это самое четкое указание на то, что индустриализация не подразумевает прогресс, что мы идем по ложному пути, и что лечение не станет действеннее от увеличения дозы.

Бауман предостерегает от стремления «монополизировать» Холокост, представить его как исключительно еврейский феномен. Иван Иллич придерживается того же мнения и заявляет (в устных беседах), что слишком много внимания уделялось именно антисемитизму, а не глубинным корням происшедшего. Из-за этого мы не обращаем внимания на судьбу множества других групп – цыган, гомосексуалистов, коммунистов, также погибших в концентрационных лагерях, уничтоженных в Гулаге.

Основное объяснение Холокоста Бауман видит в *нравственной индифферентности, распространенной в современном обществе*. Эта индифферентность явилась следствием идеологических определений и доктрин, приведших к тому, что жертвы воспринимались не как человеческие личности, а как материал для экспериментов.

Главную роль в этом процессе сыграла бюрократизация. Гилберг в своем фундаментальном исследовании «Уничтожение европейских евреев» (Hilberg, 1985, vol. III, p. 10-11) пишет:

Западная бюрократия никогда ранее не сталкивалась с такой пропастью между нравственными установками и административными действиями; бюрократическая машина впервые вынуждена была обратиться к столь радикальным средствам. В некотором смысле задача по уничтожению евреев стала серьезнейшей проверкой немецкой бюрократической системы.

В людях этой системы не было ничего особенного, они были самыми обыкновенными. Гилберг продолжает развивать свою мысль:

Любой полицейский мог стать охранником в гетто. Каждый юрист, служивший в гестапо, считался пригодным возглавить карательный отряд; каждый экономист, работавший в Экономико-административном управлении, был отличной кандидатурой для службы в концентрационном лагере. Другими словами, наличествовавший персонал должен был выполнять все необходимые функции.

К идее массового уничтожения пришли не сразу. Поначалу была цель освободить Германию от евреев. Потом была присоединена Австрия, которую тоже надо было освободить от евреев. Их можно было

согнать на восточные территории, но этому противились местные власти. Как один из вариантов рассматривался Мадагаскар; Эйхман целый год пропагандировал эту идею, но морями правила Британия, и Эйхману велено было перейти к плану физического уничтожения:

Остальное было делом различных департаментов. Нужно было все спланировать, выработать нужную технологию, подобрать соответствующее оборудование, рассчитать бюджет, мобилизовать необходимые ресурсы... Выбор был сделан в пользу наиболее рациональных решений, возникавших в меняющихся обстоятельствах «проблем» (Bauman, сс.16-17).

Руководили процессом отнюдь не монстры. Все было организовано Экономико-административным отделом, организовано быстро, четко, по просчитанным универсальным правилам. «Иррациональность» была исключена. Людей, подозреваемых в расположенности к убийствам, старались не привлекать к этой рутинной работе.

Будучи максимально рационализированным, этот процесс находился в полном соответствии с основными правилами, определяющими цивилизаторские процессы, с неуклонным устранением насилия из общественной жизни. Иначе говоря, как пронизательно заметил Бауман, насилие было отдано под контроль государства. То, что происходит здесь, также требует забыть о проблемах нравственности. Бауман пишет (курсив его) (сс. 28-29):

Цивилизаторский процесс подразумевает среди прочего выведение практики использования и распространения насилия из сферы нравственных понятий, а также освобождение необходимого количества рационализма из-под влияния этических норм и моральных заповедей.

... Условия рационального ведения дел – как, например, разделение дома и работы, личных доходов и общественной казны – являются в то же время мощными факторами, которые не позволяют целенаправленным, рациональным действиям смешиваться с процессами, управляемыми иными (иррациональными в принципе) нормами. Такое разделение делает рациональные действия невосприимчивыми к ограничениям, которые накладывают нравственные понятия, декларирующие взаимопомощь, солидарность, взаимоуважение и прочие нормы поведения, принятые в неделовой среде.

Согласно Бауману, Холокост – это не иррациональный всплеск атавистических тенденций, а закономерное проявление тенденций современных. Я хочу добавить: Холокост был всего лишь продолжением основной тенденции европейской колониальной политики.

Сейчас одна за другой идут столетние годовщины крупнейших европейских побед в Африке. Интеллектуальной основой того, что обернулось невероятными зверствами, были теории, что эволюционируют и выживают достойнейшие. А инструментами выживания достойнейших были ружья, победившие стрелы. Не у Сталина ли Гитлер перенял свои методы? Об этом спорят историки и социологи в Германии. Ерунда, утверждает Линдквист (Lindqvist, 1992, сс. 199-200). Гитлеру это было известно с детства. Атмосфера, в которой жил юный Гитлер, в которой жили все в Европе, была пронизана убеждением, что империализм есть биологическая необходимость, ведущая к неминуемому истреблению низших рас. 4 мая 1898 года Адольфу Гитлеру было 9 лет, и в Алберт-Холле в тот день он не присутствовал. А именно тогда, на гребне побед в Африке, лорд Солсбери, премьер-министр Великобритании, заявил, что все народы можно поделить на умирающие и живые. Да, Гитлера там не было. Но он все равно об этом знал, как знали и все европейцы. Они знали, что совершила Франция в Африке, что совершила Англия, что – присоединившаяся к ним позднее Германия, уже в 1904 году. Умирающие народы нуждались в помощи – иначе они не могли этого пережить.

Так что в истреблении людей нет ничего нового. И нечему тут удивляться. Гитлеровские и сталинские лагеря продолжали традицию. Просто случилось все это в самой Европе. Это означает, что оно приблизилось к нам и в то же время стало более непостижимым.

12.2. Ряса дьявола

Немыслимы мысли только до тех пор, пока не сформулированы. Вот что получается:

Гитлер был одержим идеей народа (Volk), чистоты расы и пространства (Lebensraum) для создания чистого продукта. И у него были возможности реализовывать свои идеи. Концентрационные лагеря – порождение индустриализации, одно из многих, возникших в результате сочетания идейных разработок, организации общества и технических усовершенствований. Я убежден в том, что пенитенциарная система США развивается в том же направлении. Весьма вероятно, что эта тенденция распространится и в других индустриальных странах, особенно в странах Восточной Европы, причем скорее всего еще в нынешнем десятилетии.

Некоторым мысль о том, что уголовная полиция в индустриальном демократическом обществе имеет хоть что-то общее с тем, что происходило в нацистской Германии, в концентрационных лагерях, кажется абсурдной. Большинство индустриальных стран имеют демократическую

форму правления, и их цель – искоренять преступность, а не заниматься массовым уничтожением граждан.

Это, конечно, так. И я не думаю, что нынешние тюрьмы превратятся когда-нибудь в концентрационные лагеря. Даже в самом худшем случае преступников не будут убивать. Некоторое количество смертных приговоров будет приведено в исполнение, но большинство заключенных со временем освободят, или они покончат жизнь самоубийством, умрут естественной смертью или скончаются вследствие полученных в тюрьме телесных повреждений¹. Поэтому то, что может состояться, следует скорее назвать не концентрационным лагерем, а Гулагом. По моим довольно мрачным предположениям, весьма значительная часть мужского населения низших классов может провести большую часть жизни в тюрьмах или лагерях. Я не утверждаю, что это неминуемо, но вероятность этого достаточно велика. У нынешней цивилизации нет гарантий против такого поворота событий.

Напротив, мы видим энергичные начинания по изменению правового аппарата, по разработке идеологии «правосудия по заслугам», по увеличению эффективности контроля, по увеличению количества заключенных, по рационализации обращения с ними. Малькольм Фили (1990, сс. 66-67) говорит о «новой пенологии», под которой он подразумевает пенологию, ориентированную не на индивидуумов и, в особенности, не на то, чтобы путем наказания или реабилитации изменить эти индивидуумы, а пенологию, сосредоточенную прежде всего на управлении всем населением.

Задача не в изменении, а в управлении.

...

Избранные для этого способы – таблицы расчета вероятностей, классификационные схемы, в которых индивидуальные диагнозы заменены общими классификационными системами, служащими для наблюдения, ограничения и контроля.

Отличительной чертой новой пенологии является замена нравственной или клинической характеристики индивидуума вероятностными расчетами и статистическими выкладками, применяемыми ко всему населению.

Фили считает, что эта новая уголовная политика не направлена ни на наказание, ни на реабилитацию людей, совершивших преступление.

³ В докладе Хьюман Райтс Вотч (1991, с. 38) сообщается, что за последние десять лет среди причин смерти заключенных на втором или третьем месте было убийство сокамерниками, на первом – смерть от болезней и других естественных причин. Соответственно, самоубийство и убийство сокамерниками отходят на второй план.

Она сводится к попытке идентифицировать неуправляемые группы и найти способ ими управлять. То есть решить, что делать, чтобы контролировать опасные группы населения. Новой пенологии очень помогло установление дистанций: между индивидуумом и категориями, между общепринятой моралью и моралью менеджмента и бухгалтерского мышления в науке.

Если хочешь управлять дьяволом, узнай его лучше. Надо понять, что лежало в основе случившегося в Германии, а также в Советском Союзе, а потом попробовать вычленивать то, что важно для понимания современной ситуации.

Но у дьявола свои приемы. Он меняет личину. Если мы хотим сорвать с него маску, следует понять его в целом и на основании этого вычислить, в каком облике он появится в следующий раз.

Начать следует с поисков наиболее острых проблем в современном обществе и спросить себя: как же эти проблемы проявляются?

Гитлер боролся за чистоту нации и видел необходимость в *Lebensraum* – жизненном пространстве. Перед сверхиндустриальными державами стоят две основные проблемы, о которых мы уже упомянули. Первая – найти пространство для распространения своих товаров; вторая – решить, как быть с высвободившейся после появления новейших технологий рабочей силой.

Увы, приходится признать то, что мы видели: тюрьмы оказываются весьма полезными для решения обеих проблем. В наиболее стабильных и благополучных странах суровые меры наказания, применяемые к тем, кто не трудится на благо общества, дают возможность увеличивать благосостояние остальных. В остальных промышленных странах тюремное заключение дает возможность контроля над наиболее опасными слоями населения. Есть еще один крайне важный факт: весь институт контроля над преступностью является частью системы товаропроизводства. Эта система представляет огромный экономический интерес как для владельцев, так и для рабочих, и является неотъемлемой частью современного общества, поскольку ее «товар» – это контроль. В свете этого встает вопрос: когда наступит естественный предел? В индустриализации заложено стремление к расширению. Что произойдет с уголовной политикой, если индустриальное развитие будет продолжаться?

12.3. Нужен ли ограничитель роста?

В названной области «естественных пределов» нет. Нет лимитов природных ресурсов, невозможно ограничить действия «зеленых», борющихся с промышленностью. Все мы грешны перед Господом, многие из нас совершали проступки, за которые должны были бы отвечать перед властями, если бы у них было желание нас наказывать. Однако совер-

шенно ясно, что будь сеть покрупче, а ячейки помельче, в нее попала бы значительная часть населения.

Если бы развитие промышленности внезапно остановилось, это было бы достаточным основанием прекратить расширение тюремной структуры, поскольку мечта о свободном предпринимательстве рассеялась бы. Многие из тех, кто никогда не оказывался у черты бедности, поняли бы, что безработица не всегда является следствием безынициативности, лени или гедонистического образа жизни. Поток денег, контролирующих промышленность, также иссяк бы. Деньги налогоплательщиков – тех немногих, кто был бы в состоянии платить, – направлялись бы на более насущные нужды.

Однако при экономическом спаде тюрьмы можно счесть как раз самым необходимым. В такой ситуации социально опасных людей становится больше, и они делаются еще более опасными. Как мы уже знаем, представителей низших классов в тюрьмах и так больше всего.

Естественных пределов нет. Промышленность развивается. Возможности те же. Две трети населения – очень высокая доля для одной страны – будут иметь уровень жизни выше, чем где бы то ни было в мире. Средства массовой информации пишут об опасности преступлений, совершаемых оставшейся третью. Правители выбираются за то, что обещают посадить эту треть за решетку. Почему это может прекратиться? Нет предела рационализму.

Движущие силы на удивление сильны. Интересы, которые они выражают, находятся в полном соответствии с существующей системой ценностей. Так что нравственная база у них солидная. Почему бы им в обозримом будущем не победить окончательно?

Германия была на это способна, она пришла к окончательному решению в разгаре войны, несмотря на острую необходимость использовать железные дороги и людей в других целях. Советский Союз создавал лагеря в разгар подготовки к войне, и они действовали и во время войны, и после. Они не только нашли возможность так поступить, но и получили от этого выгоду. Возможно, нынешние промышленные страны добьются не меньших успехов.

Перед Гитлером и его народом стояла почти что невозможная задача. И перед советскими руководителями тоже. Но разве легче было бы не контролировать новые социально опасные слои населения?

Почва уже подготовлена. Средства массовой информации занимаются этим с утра до вечера, а политики к ним присоединяются. Политик должен быть против греха. И в этом соревновании выигрывает тот, кто делает наиболее высокую ставку. Защита людей от преступности – какая благая цель! И в то же время те, кто осуществляют контроль, раздают новые и новые приказы. У них есть возможности. Естественных преде-

лов нет. Общество без преступности – цель настолько святая, что даже деньги не важны. Кого в разгар тотальной войны беспокоит цена? Слово «управление» происходит от глагола «править». Правит тот, кто погоняет лошадь хлыстом. Успешнее других правит тот, кто может упростить систему ценностей до минимума. В современном обществе это успешно осуществляется.

12.4. Убийство как индустрия

При реализации «конечного решения» немецкая промышленность была весьма полезна. Для уничтожения людей использовался газ под названием «Циклон». Этот газ надо было закупать у частных фирм. Гилберг (1985, с.886) пишет, что он производился на химических предприятиях, специализировавшихся на дезинфекции домов, барачков, а также одежды, в специальных газовых камерах. Фирма, разработавшая газовый метод, называлась *Deutsche Gesellschaft für Schädlingbekämpfung* («DEGESCH»), и владели ею три корпорации: *I.G. Farben* (42,5%), *Deutsche Gold- und Silberscheideanstalt* (42,5%) и *Goldsmith* (15%). Доход в 1942 году составил 760 000 рейхсмарок¹. Почти до самого конца войны дела шли как обычно. В марте 1944 года один из заводов разбомбили. В то время СС готовило 750 000 евреев к отправке в Освенцим, единственный из существовавших тогда лагерей смерти. Однако «ТЕСТА» все-таки смогла послать 2800 кг «Циклона» в Освенцим. Гилберг (с. 891) пишет о том, что фирма настойчиво интересовалась: кому высылать счета. Этот запас использовался до самого конца.

I.G.Farben участвовала в производстве газа для Освенцима. Но нельзя с уверенностью сказать, что там понимали, чем занимаются. С 1938 по 1943 год объем продаж «Циклона-Б» возрос вдвое, однако газ использовался и для других целей, например, для дезинфекции подводных лодок и казарм. Одной тонны «Циклона» было достаточно, чтобы уничтожить миллион человек. В 1943 году было произведено 411 тонн (Hayes,1985, с.362). Производители могли и не подозревать, что их продукт годится для уничтожения людей. Впоследствии ни один из руководителей *I.G. Farben* не был привлечен к ответственности за соучастие в зверствах.

¹ «Циклон» производился двумя компаниями: *Dessauer Werke* и *Kaliwerke* в Колине. Завод *I.G. Farben* (в Уердингене) производил стабилизатор для «Циклона». Сбытом газа занималась «DEGESCH», которая в 1929 году поделила мировой рынок с американской корпорацией «*Suanamid*». Однако «DEGESCH» не продавала газ непосредственно потребителю, этим занимались две другие фирмы, «*HELL*» и «*TESTA*». «*HELL*» работала в основном с частными потребителями, а «*TESTA*» обслуживала государственный сектор, в том числе вермахт и СС».

Но, посещая свои фабрики, они же дышали этим воздухом. Одно из предприятий располагалось вблизи Освенцима. Лагерь поставлял бесплатную рабочую силу для строительства. Даже высшие начальники не могли не заметить «отвратительного зловония, исходившего от печей Освенцима и Биркенау». И бессильны были «официальные разъяснения о том, что в лагерях бушует эпидемия тифа и приходится сжигать трупы» (Hayes, 1985, с. 364). Более того, рабы-работчие прекрасно понимали, какая участь их ждет. Надсмотрщики на предприятии I.G. Farben «не только открыто говорили о том, зачем нужен газ, но и представляли это в качестве стимула к более интенсивному труду». На некоторых рудниках, также принадлежавших I.G. Farben, условия были еще хуже. Кормили на рудниках лучше, но люди, там работавшие, выдерживали только по четыре-шесть недель.

После войны пятеро руководителей I.G. Farben были осуждены за использование рабского труда. Они получили легкое наказание, и некоторые из причин, приведенных судом, имеют прямое отношение к теме частных тюрем:

Мы не можем утверждать, что частное лицо в разгар войны имело возможность решать, верно или нет поступает правительство. (Прочитировано по: Hayes, 1985, с.332.)

В 1951 году был освобожден последний из руководителей I.G. Farben. Впоследствии все они успешно работали в качестве советников или управляющих в различных немецких корпорациях. И в этом нет ничего удивительного, пишет Хайес (Hayes, 1985, сс.380 and 382):

Руководители Farben предпочли вести себя в этой ситуации не как революционеры, а как бизнесмены.

...

Чувство профессионального долга заставляло их сообщать о каждом пункте, находившемся в сфере их компетенции и ответственности, своему начальству и акционерам. Подчиняясь этим обязательствам, они сняли с себя ответственность за вынесение нравственных оценок и не принимали во внимание возможные последствия своих действий.

12.5. Убийство по медицинским показателям

Теперь такого произойти не может. Мы живем в демократических странах. Мы гораздо больше знаем. Наше население имеет более высокий уровень образования. И, что самое важное, мы теперь живем в обществе, где большое значение имеют высокие профессиональные стандарты.

Однако те из нас, кто изучали проблему концентрационных лагерей, этим не впечатлены, более того, относятся к этому с огромным недоверием.

То, что случилось тогда, случилось именно потому, что работу выполняли профессионалы в тесном сотрудничестве с чиновниками.

Участие ученых было необходимо. Основной идеей была борьба за чистоту расы. Нечистые не должны были рожать детей, а чистым следовало плодиться и размножаться. Поэтому происходила стерилизация нечистых, а чистых поощряли к размножению. И эти мысли не казались пророчными. Американские ученые с завистью сообщали на родину о том, насколько идеи расовой гигиены, которые весьма ценились в США, претворяются в жизнь в Германии.

Однако нежелательные люди продолжали появляться. Например, калеки. Считалось, «что их жизнь бессмысленна», секретным декретом была разрешена эвтаназия. С приближением войны критерии изменились, речь пошла о людях не только с физическими, но и с умственными дефектами. Сначала это относилось к людям с серьезными умственными отклонениями, потом сюда были включены люди, страдающие не столь значительными задержками развития, а затем – психопаты, гомосексуалисты, а также все потомки лиц других рас. Были разработаны совершенные методы. Расстрел был слишком дорог, кроме того, приводившие приговоры в исполнение испытывали стресс. Инъекции оказались менее эффективными, нежели ядовитые выхлопные газы. Лучше всего показали себя газообразные инсектициды, которые и стали применять.

Участие врачей также было необходимо. Медицинские аналогии приводились постоянно. Немецкий народ рассматривался как тело. Все тело нуждалось в лечении. Если какой-то орган нездоров, необходимо прибегнуть к хирургическому вмешательству. Евреи – это раковая опухоль, зараженный орган должен быть удален. Это – не убийство, это лечение. Врачи воплощали теорию в жизнь, а о результатах докладывали теоретикам. Будучи врачами, они имели право действовать лично. Лифтон (Lifton, 1986) называет это убийством по медицинским показаниям. Он опросил двадцать девять медиков, занимавших при нацистах достаточно высокие посты. Пятеро работали в концлагерях. Он опросил также довольно известных профессионалов – не медиков. И еще он беседовал с восемью узниками Освенцима, работавшими в медицинской части. Более половины из них были врачами. Основным выводом, к которому он пришел, было то, что как для подготовки всей операции, так и для претворения ее в жизнь нужно было обладать необходимыми познаниями в медицине. Даже на вокзалах, куда прибывали поезда из гетто, обязательно присутствовали врачи. Там, прямо на месте, они решали, какие именно операции нужны телу народа: кивок налево – немедленное уни-

чтожение, кивок направо – отправка в лагерь на принудительные работы. Если под рукой не было врача, его мог заменить дантист или фармацевт. Очень важно было не сдавать позиций: это должно было быть решением врача. Без врачей или тех, кто их заменял, это было бы убийство.

Худшие из кошмаров никогда не станут реальностью. Население, считающееся опасным, не будет уничтожено, за исключением тех, кого приговорят к высшей мере. Но есть опасность, что те, кого сочтут лидерами в этой группе социально опасных, окажутся в заключении, в психиатрической лечебнице, то есть будут вынуждены провести активные годы жизни под наблюдением властей. Это может быть осуществлено с соблюдением демократических принципов и под строгим контролем со стороны правовых институтов.

12.6. Легализованное убийство

- Если Холокост был порождением индустриального общества,
- если рациональные бюрократические методы были основным условием его осуществления,
- если важную роль при этом сыграли научные теории,
- если были необходимы медицинские знания,

значит, есть все основания ожидать повторения случившегося – если время пришло и имеются в наличии все необходимые условия.

Имеются ли они?

Индустриальное общество в наличии, и оно сейчас испытывает определенные трудности. Миром правит рыночная экономика, построенная на принципах рациональности, полезности и, естественно, доходности. Имеются в наличии низшие классы, легко переходящие в статус социально опасных. Есть и научные теории, для которых готово поле деятельности. Существуют разработки по наркотикам, доказывающие, что некоторые наркотики, не широко известные, а новые, обладают такими свойствами, что в борьбе с ними любые методы расследования и любые наказания являются законными. Теоретики права и криминологии рады предоставить свои услуги. В лечение никто больше не верит, но со времен зарождения позитивистских теорий борьбы с преступностью¹ лишение прав стало излюбленным методом контроля.

¹ Международная ассоциация уголовной полиции (Internationale Kriminalistische Vereinigung) была основана в 1889 году. Одним из ее организаторов был фон Лицт, настаивавший на том, что необходимо контролировать социально опасные слои населения, особенно «неисправимых», которые наносят существенный урон общественному порядку. Фон Лицт снова и снова повторял,

Правовая система отлично адаптируется к современным условиям. Идея «правосудия по заслугам» позволяет упростить систему, прежде всего – не принимать во внимание никакие обстоятельства, кроме степени тяжести преступления. Стремление добиться соответствия между тяжестью преступления и назначенным наказанием настолько велико, что все остальные обстоятельства, обычно представляемые на рассмотрение суда, исключены из него. То, что было системой правосудия, становится системой контроля над преступностью. Классическое разделение власти на судебную, исполнительную и законодательную практически сведено на нет. Суды стали орудиями в руках политиков, а в исключительных случаях судьи, равно как и прокуроры, сами становятся политиками. Все это вне критики. В этом нет таких серьезных нарушений закона, которые были во время Холокоста или в Гулаге. Теперь это демократичный контроль над преступностью со стороны большинства избирателей. Этому нет естественных пределов, до тех пор, пока действия не приносят вреда большинству.

Для оптимизма оснований нет. Нет легкого выхода, нет рецептов на будущее, когда сбудутся худшие из ожиданий. Мое орудие – слово, и я могу предложить только слова: попытки прояснить ситуацию, в которой мы находимся, попытки показать, как некоторые из моральных ценностей в стремлении подстроиться под требование времени отменяются в сторону. Давайте еще раз посмотрим на институты правосудия – возможно, в их старых, традиционных формах сохранилось нечто, имеющее ценность.

что те, кто несправим, должны лишаться гражданских прав. Радзинович (Radzinowicz, 1991) пишет, что одной из основных задач уголовной полиции является контроль над этой группой населения:

Около семидесяти процентов преступников были рецидивистами, и не менее половины из них следовало считать «неисправимыми и закоренелыми преступниками». Общество должно защищать себя от них и, «поскольку мы не хотим их вешать или рубить им головы...», остается тюремное заключение – пожизненное или на неопределенный срок (с. 39);

...каждого преступника, приговоренного в третий раз, следует считать неисправимым и в качестве такового подвергать его такому наказанию (с. 40).

Закоренелого преступника следует обезвредить *за его счет* (курсив фон Лицта), а «не за наш», пишет Радзинович (с. 40). Слова фон Лицта звучат очень современно.

Науке (Nauke, 1982, с. 557) так отзываясь о Марбургской программе, составленной фон Лицтом:

Эта теория находится в распоряжении тех, кто контролирует уголовное право. Марбургская программа не дает рекомендаций относительно того, кому следует предоставлять эту услугу, а кому в ней отказывать.

Борьба с преступностью как культура

13.1. Общечеловеческая сущность

«Тайвань принимает органы». Так была озаглавлена маленькая заметка, появившаяся в *Corrections Digest* 27 ноября 1991 года. В ней сообщалось:

30 сентября японский специалист по трансплантации органов заявил, ссылаясь на тайваньского хирурга, что для трансплантации было передано тридцать семь органов тел 14 казненных тайваньских преступников. Масами Кизаки, председатель Японского общества по трансплантации, сообщил, что эти органы были продемонстрированы профессором Национального Тайваньского университета Чун-Янь-Ли. Доктор Ли заявил, что приговоренные к смертной казни преступники согласились отдать свои сердца, почки и печень, чтобы «искупить свои грехи». Доноров расстреляли в респираторах, чтобы циркуляция крови и дыхание не прекратились слишком быстро.

Я не поверил собственным глазам. Этого не может быть! Это невозможно! Возможно. Это было сделано.

Я оглядываюсь вокруг. Кто возмутится, кто выступит с протестом?

Врачи?

А зачем им протестовать? Кто-то, может, и выступит против, но не потому, что он врач.

Убиенные были удовлетворены. Те, кто получили органы, были счастливы. Врачам тоже следовало бы радоваться – так было бы только горе и несчастье, а теперь люди станут здоровыми. По крайней мере, это лучше, чем воровать и убивать детей, чтобы забирать их органы, как это делается в Латинской Америке, или обманом вынуждать турецких рабочих расставаться со своими почками, как это делается в Великобритании.

нии. Некоторые обыватели с трудом поймут и примут это, но врачи ценят рациональные решения. Это же почти чудо. Слепец может обрести зрение, муж и отец с больным сердцем после трансплантации проживет долгую жизнь в окружении жены и детей.

Правда, некоторых все равно не убедишь. Они считают, что будут возражать *судьи*. Неужели люди, имеющие дело с правом, позволят, чтобы казненных использовали подобным образом?

Все зависит от того, каково право. Возможно, не было законов, это запрещающих, более того, могли существовать законы, одобряющие подобную практику. Если закон этой страны позволяет расстреливать людей, одетых в респираторы, судьи это примут, несмотря на смутное ощущение неловкости, несмотря на реакцию обывателей, несмотря на удивленные вопросы домашних.

У Гитлера были те же проблемы.

Обыкновенные граждане с трудом понимали и принимали его программу по оздоровлению немецкой нации. Серьезные проблемы возникли на начальной стадии. Первое из известных и одобренных властями убийств ребенка-калеки произошло по инициативе и с согласия отца. Но это все равно держалось в секрете. Но когда программа была разработана и критерии «жизни, которую не стоит проживать», были расширены, среди немецких граждан случились всплески недовольства. Родственники хотели знать подробности: почему и где умерли их близкие. Были также малоприятные выступления лиц, проживавших вблизи мест массового уничтожения и кремации. Религиозные сообщества объединились. Это привело к прекращению программы – в самой Германии*. Но система была отлажена, и когда разразилась война, все было перенесено на оккупированные территории и приведено в действие заново. Как – мы знаем.

Что я хочу этим сказать?

Хочу сказать, что Чарльз Х. Кули (Coley, Charles H., 1909, 1956) прав. Великий Кули, теперь уже почти забытый отец американской социологии*, считал, что все люди схожи не только биологически, но и потому, что имеют общий человеческий опыт. Именно люди дольше других существ беспомощны после рождения и, если о них не заботятся, могут умереть. У всех нас имеется этот опыт. Иначе мы бы не были людьми. Как может быть иначе? – спрашивает Кули. В противном случае, читая древнегреческие трагедии, мы бы не находили в них того, что важно и нужно нам сегодняшним, не понимали бы, о чем идет речь. Как я понимаю Кули, он в этом, разделенном всеми опыте, находит основу общей для всего человечества сущности, основу единых для всех ценностей и правил поведения. У всех нас есть врожденное представление о добре и зле, все мы нутром чувствуем, когда возникают неразрешимые кон-

фликты. Все мы, простые люди и образованные, с рождения сталкиваемся с правовыми проблемами, наша память является огромной базой данных по нравственным вопросам. Норвежское слово для обозначения этого понятия – «folkevett»; есть еще и более старомодное выражение – «den folkelige fornuft» («народный разум»), некий общий для всех интуитивный здравый смысл.

Это в целом оптимистическая точка зрения. Прожившим детство помогли это сделать. Люди в детстве получили хотя бы минимум, а в большинстве случаев максимум социальных контактов, усвоив таким образом основные правила жизни в обществе. Иначе люди бы не выросли. Проблемы повсюду одни и те же. Равно как и накопленный опыт.

Общечеловеческая сущность удивительно неизменна. Люди имеют опыт социальных существ. Дюркгейм (Durkheim, 1966) не без основания выделил среди прочих типов альтруистическое самоубийство*. Люди идут на смерть друг за друга. Это нормально, если это обычные люди, если альтруизм необходим, если все участники событий близки друг другу и видят друг в друге личностей. Этот последний пункт – о близости – важен и значим для всех нас. У большинства из нас есть предел, до которого распространяются наши обязательства. Это – необходимое условие выживания. Все мы решаем старую этическую дилемму: как я могу есть, если знаю, что где-то, всего лишь в шести часах полета отсюда, голодают люди? Я ем, и я выживаю.

Так некоторое время поступала еврейская полиция в гетто Лодзи. Это гетто было крупнейшим на восточных оккупированных территориях. Лодзь – старинный промышленный город, этаким польский Манчестер. М.Г.Рымковский, старейшина еврейской общины Лодзи, имевший в гетто полную власть, считал, что выжить можно лишь сделавшись незаменимыми для немецкой военной машины. Гетто превратилось в огромную фабрику, отлично организованную, с высокой дисциплиной. Некоторые молодые рабочие пытались возмущаться, но их быстро утихомирили. Но офицеры СС все время были чем-то недовольны. В гетто, за забором с колючей проволокой, было налажено самоуправление. Немцы проводили инспекцию и видели стариков, маленьких детей, ничего не производивших потребителей. Они приказали им покинуть гетто, отправиться в «более удобное место» за городом. Некоторые согласились, и только когда в гетто прибыли грузовики с поношенной одеждой, его обитатели догадались, что подразумевалось под «удобным местом» за городом. С тех пор становилось все труднее набрать необходимую квоту, которую СС требовала от Лодзи. Люди прятались у друзей, у родственников. Скрывавшиеся не получали пищи. Через некоторое время в пище стали отказывать и их родственникам.

Все проявляли удивительный альтруизм. Когда людей находили, остальные члены их семей – те, кто еще могли работать, – часто отказывались от привилегии остаться в Лодзи и вместе со стариками, больными и детьми отправлялись в последнее путешествие. У полиции, у еврейской полиции было крайне трудное задание – найти, арестовать и депортировать тех, кто прятался. Делать это было необходимо, потому что иначе гетто перестало бы существовать. Наградой полицейским было то, что их родственников не депортировали до самого конца, когда выслали уже всех. Сам Рымковский и его молодая жена были отправлены из Лодзи на одном из последних поездов. Каждый день выходила в четырех экземплярах газета гетто, для внутреннего пользования. Один экземпляр сохранен, и теперь с большей частью выпусков можно ознакомиться в английском издании (Dubrozycki, 1984). Это удивительные документы, свидетельствующие о широте человеческой натуры. А также свидетельство об ее оборотной стороне. Это рассказ о людях, находящихся под угрозой уничтожения, о голоде, холоде, об отчаянии, разрушающих все, о том, как порядочные во всем остальном люди теряли привычные установки, шли на все, лишь бы избавить своих близких от депортации.

Всем нам известно из личного опыта: нет абсолютных гарантий, что общий для всех людей опыт проявится одинаково. Часто он срывается в зависимости от того, что нужно нашим близким. Общечеловеческая сущность может потерять свое значение из-за отчуждения или ввиду исключительных обстоятельств, в которые человек попадает.

Или же эта сущность теряет свое значение вследствие приобретенных профессиональных навыков.

Я вовсе не хочу осуждать профессионализм. Прекрасно, если мы получаем профессиональную помощь – в том случае, если мы знаем, что нам нужно, и именно это и имеем. Но дилемма неминуема. Профессиональное обучение подразумевает конкретную специализацию. Оттачиваются определенные навыки, но одновременно с этим некоторые из ценностей превращаются в абстракцию. Долгая и сужающаяся специализация ведет к удалению от общечеловеческих сущностей. Профессионализация чаще всего гарантирует хорошую работу в избранной области, но при этом снижается внимание к всеобщим ценностям, к распространенному здравому смыслу. В том, что случилось в нацистской Германии с медициной, нет ничего из ряда вон выходящего. Гарантий от подобного исхода нет.

Давайте, учитывая все вышесказанное, вновь обратимся к праву. Профессия права имеет дело с ценностями. Если нельзя доверять юристам, то кому же доверять?

Это зависит от того, с каким именно правом мы сталкиваемся.

Это зависит от того, насколько близко право к сущности общечеловеческого опыта. Это может быть право, порожденное данной сущностью, или же право, основанное прежде всего на нуждах народа, на нуждах правительства или же на принципах управления индустриально-экономическим комплексом. Идеальные представления я бы сформулировал так: нельзя добиться установления высочайших правовых норм во всех этих областях, не учитывая общечеловеческие нормы и ценности.

13.2. Что есть право?

Даг Остерберг (Dag Østerberg, 1991) выделяет четыре категории основных общественных институтов. Первая – институты производства, где главенствует рациональная установка. Вторая – институты репродукции, где главенствуют забота и уход. К третьей категории относятся институты политики и власти, а к четвертой – институты, координирующие основные принципы и ценности общества, его образ мышления. К последней категории относятся научные и культурные институты, занимающиеся распространением знаний, где вечно идут дискуссии о том, как воспринимать и оценивать мир, о том, каковы взаимоотношения человека и природы.

К чему же относится право? Гедда Гиертсен (Hedda Giertsen, 1991) обсуждает эти проблемы в статье под названием «Право как вид гуманитарной деятельности». То, как она отвечает на вопрос, видно из заглавия. Она считает, что право относится не к власти или политике, а выделяет именно гуманистические аспекты принятия решений по правовым вопросам. Право имеет отношение к концептуализации и оценке, имеет дело с зачастую конфликтующими феноменами и не сводится лишь к взвешиванию противоположных доводов.

В современном мире все изменилось. Право хотят загнать в первую из категорий, к институтам производства. Право становится инструментом утилитарным, его отдаляют от культурных институтов. Вследствие этого право теряет наиболее важные качества, прежде всего – глубинную связь с сущностными областями человеческого опыта.

Классификация всех имеющихся институтов по четырем основным категориям дает возможность увидеть, как элементы одного типа интегрируются с элементами трех других. Решения, уместные для институтов одной категории, не обязательно подходят для других. Университетами нельзя управлять по тому же принципу, по которому управляют фабриками (хотя некоторые ректоры и пытаются это сделать), без потерь в области творческой. Так же суды не могут функционировать как инструменты управления, поскольку это приведет к потере их значимости как учреждений, которые защищают принятые обществом ценности

и уравнивают их. Право как гуманитарная дисциплина связано с сущностью человеческой деятельности и, следовательно, с общечеловеческим опытом. С этим багажом правосудие готово к встрече с невероятным, готово реагировать инстинктивно, как реагируют в семейном кругу. Может не быть закона, запрещающего казнь в респираторах, но это неправильно и это следует прекратить.

Помню, как много лет назад наш институт посетил гость из Польши. Это было время сильнейших притеснений в странах Восточной Европы. Количество заключенных, бывшее до Второй мировой войны весьма незначительным, резко возросло. Тогда эти цифры не были секретными, и мы попросили доктора Ержи Ержинского из Польской Академии наук дать объяснение этой тенденции. Он не стал делать из этого тайны¹. Старых судей не осталось. Новые были членами партии. Но за их стремлением давать более суровое наказание стояла не только политика партии. Это было скорее связано с культурными корнями. Старые судьи были из интеллигенции, они принадлежали к известного рода культурной элите. Эту позицию можно критиковать, поэтому сейчас я не стану дальше пересказывать, что сказал нам доктор Ержинский, а дам собственную интерпретацию. Возможно, в этом была большая доля снобизма, но культура старых судей, в числе прочего, подразумевала тесную связь с теми поляками, которые занимались сущностными проблемами своего времени, связь с тем, что можно найти как у Софокла, так и у Достоевского. Это подразумевало и связь с людьми, своим образом жизни обнажавшими те тенденции и дилеммы, которые в кругах, более близких к власти, предпочитали скрывать. Судья, по образованию и образу жизни принадлежавший к этому кругу, не стал бы так легко поддаваться убеждению, что те, кому он выносит приговор, принадлежат к другому племени.

Дабы обеспечить правовую основу, приемлемую всеми социальными группами, набор в судейский корпус должен производиться из представителей всех классов. Можно устроить так, чтобы судьями были представители всех классов, всех этнических групп, существующих в данной стране. Опасность такого устройства заключается в возможной потере корней. Судья из низших классов может стать по своим представлениям большим аристократом, чем истинный аристократ. Единственной реальной альтернативой является сохранение общих основ путем глубинной интеграции права в культуру. Как в профессиональной подготовке, так и на практике эта интеграция должна означать опору на основные принципы права и отход от любой специализации. Это также

¹ Позже, в более сдержанной форме, эти взгляды были высказаны в Польском социологическом бюллетене (*The Polish Sociological Bulletin*, Jasinski 1976).

должно означать умение осуществлять связь с сущностными ценностями и нормами и способность находить равновесие между множеством ценностей, множеством обстоятельств и даже многими институтами, не поддаваясь при этом искушению выбрать упрощенное решение.

Но такая деятельность требует огромной силы и судей, облаченных в доспехи. А это может привести к самонадеянности. В том и состоит ирония положения. Судья, избранный на основании демократических принципов, равный среди равных, может в неравноправном обществе быть плохо подготовлен к тому, чтобы выказывать независимое уважение к сущностным, общечеловеческим ценностям. В обществе, где много проявлений неравенства, оказывается особенно важным установить как можно более тесную связь судей с теми, кто занимается символами, значением и развитием общих сущностей.

Верность общим сущностям требует также определенной свободы от других авторитетов. А судья, чьи функции сведены лишь к нажатию кнопки, весьма от этой свободы далек.

Уголовное право является той областью права, где более всего необходимо независимое судоустройство, основанное на связи с культурой.

13.3. Уместное количество преступлений

Мы уже знаем, что количество страданий в обществе не определяется количеством преступлений, что наказание – это не просто кара за злодеяние, что уровень наказаний не определяет уровня преступности и что право не является орудием управления. Все это также освобождает нас от груза утилитарности. Даже тем, кто придерживается утилитарной точки зрения на наказание, стало ясно, что выбор имеется. Всем остальным это было ясно с самого начала.

Но эта свобода ставит и новые проблемы. Если наказание не является порождением преступления, как следует определять уместное для данного конкретного общества количество страданий? Мы свободны, но четких установок у нас нет. Может быть, в тюрьмах должно сидеть больше людей? Может быть, пятая часть мужского населения или, например, третья? Почему бы не ввести снова публичные порки? Или следует шире применять высшую меру наказания?

Ответ найти можно. Можно, если мы попытаемся сохранить близость институтов права к остальным культурным институтам. Уместное количество страданий – это никоим образом не вопрос практической выгоды, не вопрос контроля над преступностью. Это культурная проблема, проблема выработки стандартов, основанных на ценностях.

Существуют два основных подхода к данной проблеме. Первый – создание пенитенциарных теорий, опирающихся на непререкаемые авторитеты. В основе утилитарных теорий лежит концепция государства. А большинство неутилитарных теорий базируется на заветах Господа, на книгах пророков и так далее. Согласно их концепциям, истина дана высшим авторитетом и находится где-то вовне, задача ученого – перевести эту истину на современный язык. Утилитарист провозглашает идеи государства, не утилитарист – Господа. Но государство может подмять под себя даже культурные перспективы. Гитлер лично занимался вопросами искусства, в особенности музыки и живописи. Но ему были важны и другие культурные аспекты. Они должны были выражать государственные идеи, поэтому решения по ним должно было принимать государство, то есть он. У Франко, Муссолини и Сталина были те же наклонности.

Альтернативой концепции права как чего-то уже существующего, данного Господом или природой, является концепция, рассматривающая основные принципы правосудия как уже существующие, но требующие постоянной переработки конкретных установок. В этом случае правосудие не состоит из готовых принципов, которые следует извлекать с помощью методов, принятых в правоведении и других общественных науках, а оно основано на общих представлениях, которые каждое последующее поколение формулирует в качестве правовых принципов. По этой концепции каждый человек рассматривается как нравственная единица, и, если рассматривать это в связи с естественным правом, каждый из нас является пророком.

Наказание можно рассматривать как то, что отражает наши представления, нашу систему ценностей. Следовательно, оно регулируется системой стандартов, которые люди применяют в повседневной жизни, решая, что можно делать с другими людьми, а что нельзя. Это стандарты, которые действительно применяются, а не только выявляются через опросы общественного мнения. Степень и способ наказания являются зеркалом, в котором отражены стандарты, главенствующие в обществе. Поэтому перед каждым из нас должен стоять вопрос: позволяет ли мне мой набор ценностей жить в государстве, представляющего меня именно таким образом? Национальный театр в Осло представляет меня как норвежца. Так же как Генрик Ибсен и Эдвард Григ. Так же, как и то, что после Второй мировой войны мы казнили 25 преступников. Казнь Квислинга* – это тоже часть меня. Так же, как и огромное количество заключенных, называемое в нашей стране «оскорблением цивилизованного общества» (Stern, 1987, сс.1-8). Но, поскольку я являюсь представителем западного культурного сообщества, меня с какой-то стороны представляет и то, что происходит в США. В определенной степени частью меня

является и то, что мои культурные родственники считают возможным делать со своими согражданами.

Совершенно необязательно иметь Национальный театр или деньги на финансирование художников. Аргументы в пользу этого основываются на принятой системе ценностей. Я считаю, что их иметь нужно, хоть это и очень дорого. То же стоит и за критикой некоторых форм наказания. Отрубать пальцы преступникам сейчас уже кажется неправильным. До 1815 года мы считали это приемлемым, но потом это наказание было исключено из уголовного кодекса. Я считаю неправильным и то, что 2800 человек сидят в тюрьме. Мы вольны решать, какую степень страдания мы находим приемлемой. Указаний на этот счет нет, все определяется только системой ценностей.

Те из нас, кто работают в сферах, близких к пенитенциарной системе, несут определенную ответственность, но не в качестве экспертов. Будучи криминологом, я считаю, что мои функции схожи с функциями литературного или художественного критика. Сценарий последовательностью не отличается. Авторы – к примеру, правовой комитет в стортинге – находятся в такой ситуации, что от них не приходится ждать приемлемого описания глубины проблемы, к которой они обратились. Правовая система, в которой нет места для маневра, создает сценарии и спектакли, схожие с теми, которые создаются в тоталитарных государствах. Все предсказуемо, все делается в угоду правителям.

Правители, а в демократических странах – политики, всегда пытаются создать впечатление, что перед ними стоят рациональные задачи и утилитарность мышления важна и необходима. Мы, работники культуры, или, как сказали бы жители Восточной Европы, представители интеллигенции, выдвигаем противоположную задачу: разрушить этот миф и вернуть происходящее в сферу деятельности культуры. Возникает ряд серьезных моральных проблем, связанных с тем, кого и за что следует избавлять от страданий. Единственными экспертами в этой области могут быть философы. Но они слишком часто заявляют, что проблемы эти очень сложны и возможности действовать у нас нет. Нам надо думать. Возможно, это не худшая альтернатива, тем более, что на другой чаше весов – избавление от страданий.

Примечания

Данная публикация книги Нильса Кристи (*Crime Control as Industry. Towards GULAGS, Western Style.* 2000) является вторым полным изданием на русском языке. В этом издании были переработаны несколько глав книги, добавлена новая глава. Впервые на русском языке были опубликованы первые главы первого английского издания книги. Их опубликовал журнал «Человек и закон: преступление и наказание. Вестник Рязанской Высшей школы МВД РФ» в 1994 году.

Кроме книги «Борьба с преступностью как индустрия...» на русском языке изданы следующие книги Н.Кристи:

- Пределы наказания. – М.: Прогресс, 1985.
- По ту сторону одиночества. Сообщества необычных людей. перевод с нем. Э.М.Радской, ред. Л.Н.Банзелюк. – «Духовное наследие», Калуга, 1993. – 180 с.
- Конфликты как собственность. Перевод с английского Н.Н. Смагловой / Правосудие по делам несовершеннолетних. Перспективы развития. – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1999.

Отдельные статьи и тексты выступлений Н.Кристи опубликованы в периодических изданиях Центра содействия реформе уголовного правосудия; в архиве Центра есть также неопубликованные материалы, авторство которых принадлежит Н.Кристи.

* * *

Стр. 15. Книга Зигмунта Баумана «Современность и Холокост»... – Холокост (Holocaust) – английское слово греческого происхождения («holókaustos» – сожженный полностью), его буквальное значение – «всесожжение», «сожжение до конца». Словом «Холокост» называется уничтожение 6 миллионов евреев (примерно 60% еврейского населения Европы) в концентрационных лагерях и гетто времен Второй мировой войны (1939-1945 гг.). В европейской культуре Холокост означает также словом «Шоа». (Толковый словарь тюремного мира. – М.: ОЦС, 1999.)

Стр. 17. Эта книга посвящена Ивану Илличу. – Иллич Иван (р. 1926, Вена) – американско-австрийский философ, теолог, общественный деятель. Один из наиболее влиятельных ученых-обществоведов второй половины XX века.

Стр. 22. Воздать должное. – «Воздать должное» – так нами переведено предложение «Re-act». Слова «природный грех» (см. примечание автора к этому предложению) в английском тексте выглядят как «naturale crime». Далее автор обыгрывает слово re-act, которое можно перевести и как «реагировать», и, как в данном контексте, «противодействовать» (*прим. перев.*).

Стр. 108. *Решение в духе старой доброй традиции корабля дураков...* – в средневековой Европе людей, считавшихся ненормальными и оставшихся без попечения, сажали на специальный корабль и отправляли в бесцельное плавание – с заходами в другие портовые города. В этих городах пассажиров нередко и отпускали (или прогоняли) с тем, чтобы местные власти посадили их на другой «корабль дураков» – и так далее.

Стр. 116. *...Проект Паноптикона... принадлежит Иеремии Бентamu* – Бентам (Bentham) Иеремия (15.2.1748, Лондон, – 6.6.1832, там же), английский философ и юрист. Автор центральной для своего времени идеи уголовного права о *felicific calculus*: человек стремится получить максимальное удовольствие и испытать минимальные страдания. В сочинении «Теория наказаний и наград» (1811) сводил общественные интересы к совокупности индивидуальных интересов (единственно реальных, по мнению И.Бентама).

Стр. 150. *В своем решении (по делу «Мизретта против США») Верховный суд США подтвердил...* – то есть, согласно нормам и практике прецедентного права, действующего в США, это дело стало поводом для решения Верховного суда.

Стр. 150. *В разделе 2.14 «Руководства» говорится...* – о происхождении этого документа см. в подразделе книги 10.1. *Руководство по диагностике психических отклонений*.

Стр. 187. *Это привело к прекращению программы – в самой Германии.* – К апрелю 1941 года в Германии подверглись так называемой «эвтаназии», то есть были убиты, около 275 тысяч душевнобольных.

Стр. 187. *Великий Кули, теперь уже почти забытый отец американской социологии...* – Кули Чарльз Хортон (17.8.1864, Анн Арбор, шт. Мичиган – 8.5.1929, там же) – один из основателей современной социологии. Автор теории «зеркального Я», согласно которой личность характеризуется как сумма психических реакций человека на мнение о нем окружающих людей. Согласно Кули, который отождествлял общество и сознание, общество есть развивающееся органическое целое.

Стр. 188. *Дюркгейм (Durkheim, 1966) не без оснований выделил среди прочих типов альтруистическое самоубийство.* – Дюркгейм Эмиль (15.04.1858, Эпиналь – 15.11.1917, Париж), основатель французской социологической школы. В книге «Самоубийство. Социологический этюд.» (*La Suicide. Étude de sociologie*, 1897), написанной на огромном статистическом материале, Дюркгейм продемонстрировал следующую закономерность: самоубийство – это всегда социальный факт, то есть реакция на требования, которые общество предъявляет индивидууму. В числе прочих видов самоубийства автор выделил и самоубийство альтруистическое, при котором «... субъект стремится освободиться от своей личности, чтобы погрузиться во что-то другое, что он считает настоящей сущностью» (цит. по: Самоубийство. Социологический этюд. – СПб.: «Союз», 1998, с. 257).

* * *

На 1 августа 1999 года количество заключенных в России составило 1 034 891 человек, то есть не менее 704 на 100 000 населения (147 млн.). Цифра 1 034 891 получена Валерием Сергеевым (региональный директор Penal Reform International по Восточной Европе и Центральной Азии) непосредственно от Главного управления исполнения наказаний (ГУИН) Министерства юстиции РФ. Согласно данным, опубликованным в сборнике «Человек и закон» (№ 2, Центр содействия реформе уголовного правосудия, 1999), количество заключенных на 1 мая 1999 г. составило 1 038 000 человек, в том числе 731,4 тысячи в исправительных колониях, 21 тысяча в воспитательных колониях, 285,6 тысяч в следственных изоляторах.

В книге Вивьен Стерн (Vivien Stern. *A sin against the future. Imprisonment in the world.* Penguin Book, 1998) приводятся данные на 1996 год – 690 заключенных на 100 000 населения.

По мнению директора Центра содействия реформе уголовного правосудия Валерий Абрамкина, к середине 1999 года этот показатель в России составлял не менее 750 заключенных на 100 000 населения (рабочие материалы ЦС, 1999).

В докладе о деятельности ГУИН МВД РФ 1997 году тогдашний начальник ГУИН В.В. Овчинников сообщил:

В местах лишения свободы и следственных изоляторах содержится более одного миллиона человек. В уголовно-исполнительных инспекциях состоят на учете около 730 тысяч осужденных» (Информационный бюллетень ГУИН МВД России № 40 за 1998 г., с. 64).

Таким образом, количество людей, находящихся под контролем ГУИН МВД России к концу 1997 года, оказывается не меньше, чем 1 730 000 человек. Если следовать методике подсчета, предлагаемой Нильсом Кристи в следующих главах книги, то на 100 тысяч населения России (147 млн. человек) количество подконтрольных ГУИН граждан окажется равным не менее, чем 1176.

В любом случае по количеству заключенных на 100 000 населения Россия находится на первом месте в мире. По абсолютному количеству заключенных Россия уступает лишь США, Китаю и, возможно, Северной Корее.

* * *

Под «Гулагом» автор понимает современные колонии (то есть учреждения для собственно отбывания срока лишения свободы) на территории бывшего СССР, противопоставляя их при этом СИЗО - следственным изоляторам.

Сегодня в терминологии российских журналистов и правозащитников под «Гулагом» подразумеваются обычно два понятия – либо совокупность всех систем мест заключения, существовавших при советской власти («сталинский Гулаг»), либо современные места лишения свободы или ограничения свободы, включающие как СИЗО, так и лагерь (колонии) – и те, и дру-

гие подчинены одному ведомству, ГУИН Министерства юстиции РФ. Передача этих учреждений Министерству юстиции из ведомства МВД РФ, согласно обязательствам России перед Советом Европы, состоялась 1 сентября 1998 года. При этом управление лесными лагерями – бывшее ГУЛИТУ, которое прежде не входило в организационную структуру ГУИН МВД РФ, а функционировало как самостоятельное управление МВД РФ, – было слито с обновленным ГУИНОм Министерства юстиции РФ.

Как показывает анализ современной российской прессы, понятие «Гулаг» может включать в себя также прочую «пенитенциарную мелочь» иной ведомственной принадлежности.

- специальные психиатрические больницы Министерства здравоохранения РФ;

- медицинские учреждения с особым режимом содержания больных – например, стационары при венерологических диспансерах, также находящиеся в ведении Министерства здравоохранения;

- дисциплинарные батальоны, гауптвахты и, нередко, вообще армейские части Министерства обороны и внутренних войск МВД, а также иных министерств, имеющих собственные подразделения, комплектуемые на основе законодательства о всеобщей воинской обязанности (например, Министерство путей сообщения, Министерство по чрезвычайным ситуациям);

- специальные школы и спецПТУ для несовершеннолетних правонарушителей в ведении Министерства образования РФ;

- северокорейские предприятия по лесозаготовкам в тайге Хабаровского края, законность существования которых многие годы оспаривалась прессой и общественностью;

- тюрьмы бывшего КГБ (например, Лефортовская тюрьма в Москве);

- так называемые «фильтрационные пункты» в зоне боевых действий на Северном Кавказе, находящиеся в ведении МВД;

- аналогичные им концентрационные лагеря в Подмоскowie (по словам министра информации правительства Московской области Александра Тихонова, они получают название «специальные места концентрации лиц без документов», а расположатся под этим названием в бывших пионерских лагерях – Известия, 15 сент. 1999 г.);

- ИВС, изоляторы временного содержания, их прежнее и более популярное доньше название – «КПЗ» или «камеры предварительного заключения» – при отделениях милиции и аналогичные им, но более вместительные помещения при УВД (например, «Петры» – тюрьма при ГУВД г. Москвы на ул. Петровка, 38);

- приемники-распределители для беспризорных детей и для взрослых без постоянного места жительства – учреждения МВД;

- и многое другое.

По мере изживания коммунистических иллюзий в России становится все более очевидным интерес ее граждан к современным коммунистическим странам – как альтернативе тем трудностям, с которыми россияне сталкиваются сегодня. Идя навстречу таким интересам, пресса охотно характеризует

словом «Гулаг» и системы мест заключения этих стран – например, Лаогай (дословный перевод с китайского – «исправление трудом») – «китайский Гулаг».

Как понятие еще более отвлеченное, Гулаг – это ответ реальности на поведение того общества, которое поддалось искушению радикального, дешевого и полного избавления от социальных проблем: проблемы никуда не уходят, а просто концентрируются в некоей резервации и там приумножаются. В этом смысле термин «Гулаг» используется в дискуссиях обществоведов, а также политиков – используется нередко в целях демагогических, без должного уважения к жертвам коммунизма, жертвам несостоятельной научной гипотезы.

Отдел рыночных производственных отношений ГУИН МВД РФ был создан в феврале 1992 года, а к 1993 г. в 28 регионах России были созданы 50 совместных предприятий по сотрудничеству учреждений ГУИН с предпринимательскими структурами. Официальный объем привлекаемых вложений в эти предприятия составил тогда 1,5 млрд. рублей, 6,3 млн. долларов, 2,0 млн. швейцарских франков. ГУИНОм были переданы коммерческие предложения фирмам Китая, Вьетнама, Португалии, стран бывшей Югославии и др.

Уже в 1992 году ГУИНОм были заключены 18 коммерческих сделок с планируемой валютной выручкой 1 670 000 швейцарских франков, 4 497 000 долларов США, 26 700 финских марок, 826 000 иен (по данным журнала «Преступление и наказание»).

Тогда же при региональных управлениях ГУЛИТУ (Главного управления лесными исправительно-трудовыми учреждениями МВД РФ) были созданы торговые отделы – подразделения, не предусмотренные штатными расписаниями. Сразу после создания торговых отделов в региональных управлениях ГУЛИТУ (например, в управлениях АМ-244, ОУ-250, П-233) начали обнаруживаться крупные недостатки и другие нарушения правил ведения хозяйственной деятельности и финансовой дисциплины – «приватизация» сталинского наследства в пенитенциарной системе вряд ли протекала менее драматично, чем повсюду в России.

Из ведомственной прессы тех лет можно было узнать о существовании таких связанных с тюрьмой предприятий, как:

АСК – специализированное отделение страховой компании «Инвестстрах» (центральный аппарат ГУИН);

АО «ВИТО» (СИД и СР Удмуртской республики совместно с заводом «Измаш» и корпорацией «КрасМДС»);

«Интерсистема» (совместное производство торговых павильонов силами Союза ветеранов Афганистана, а также ИТУ Костромской, Нижегородской, Саратовской областей);

«Капринес» (промышленно-коммерческая компания);

«Кежмалес», объединение;

«Коммунтехника» (железобетонные изделия, выпускаемые в ИТУ девяти регионов России);

«Континент» – межхозяйственное объединение, мебель для которого изготавливалась в одном из лагерей Самарской области, а потом продавалась в московском ГУМе;

«Марин инжиниринг сервис» (СП «МИС») – крупнейшее совместное российско-финляндское предприятие при участии ГУИН МВД РФ;

«Молодежный центр – 5» («МЦ-5»; Кировская область),

«Орбита» – малое производственно-коммерческое предприятие;

«Рубеж» – совместное российско-французское предприятие (Владимирская область; в числе учредителей – французское АО «Дирикс»);

«Фактория», АО закрытого типа при активном членстве сотрудников Кежемского УЛИТУ и их родственников;

«Эгелла» – предприятие в Камчатской области.

Некоторые из этих предприятий ограничивались выпуском насосов, у других масштабы экономической деятельности были значительно шире – например, учреждению ГУЛИТУ под шифром ЦУ-250 австрийская фирма «Рудольф-Пизец» предъявила рекламации на сумму более 3,7 млн. австрийских шиллингов – не считая того, что фирма «переплатила таможенную пошлину за недостачу балансов на сумму 14.900 долларов США» (ж-л «Преступление и наказание»).

Возможно, более полно о тогдашних запросах тюремной системы России мог бы рассказать следующий отрывок из проспекта ГУИН МВД РФ, датированного 1993 или 1994 гг.:

«ИНФОРМАЦИЯ по организации совместной производственно-коммерческой деятельности с предприятиями уголовно-исполнительной системы МВД России.

Лесосырьевые базы расположены в районах севера Европейской части и регионах Сибири и Дальнего Востока.

Одна из основных лесосырьевых баз расположена в Красноярском крае и характеризуется следующими данными:

Ликвидный запас древесины	– 350 млн. куб. м
Годовой отпуск леса	– 6,2 млн. куб. м
Расстояние от нижнего склада	
До ж.д. станции Лесосибирск	
(баржа вместимостью 2 тыс. куб. м)	– 40 км

ХАРАКТЕРИСТИКА сырьевых запасов камня (по регионам)

Регион	Характеристика камня	Запас, куб. м	Свободные площади, кв. м
Республика Алтай	Гранит серый, темно-зернистый	300	500
Красноярский край	Гранит серовато-розовый	3400	2600

В составе исправительно-трудовых учреждений действует около 600 промышленных и 29 сельскохозяйственных предприятий практически во всех регионах России, номенклатура выпускаемых изделий насчитывает более 150 тыс. наименований большинства отраслей промышленности... Товары народного потребления составляют 30%, а лесной и деревообрабатывающей – 7,0% от общего объема выпуска.

Особенности производства в исправительно-трудовой системе...

- особый режим охраны предприятий и их материальных ценностей;
- значительно меньшие расходы на развитие социальной сферы (детские учреждения, санаторно-курортное обслуживание, строительство жилья и т.п.).

...

Наличие необходимых ресурсов позволит без каких-либо дополнительных затрат увеличить производство различной конкурентоспособной продукции как на внутреннем, так и на международном рынках...»

Особо прибыльными оставались в начале 90-х годов лесные промыслы ГУЛИТУ – вплоть до того, что служащие этого управления считали учрежденный при советской власти официальный праздник День леса своим профессиональным праздником (например, за первые пять месяцев 1992 г. ГУЛИТУ получило более 800 млн. р. Прибыли, то есть не менее \$8 000 000 по тогдашнему курсу). В лагерях ГУЛИТУ тогда насчитывалось от 100 до 200 тысяч заключенных – каждый из них, таким образом, приносил от 40 до 80 долларов прибыли в год.

Жалобы нынешних руководителей ГУИН и его местных подразделений на недостаточное финансирование и упадок тюремной промышленности вскоре после «приватизации» тюрем стали дежурными. Ряд тюремных производств при советской власти выпускал продукцию весьма высокого качества – например, в музее МВД экспонируются образцы деталей для двигателей, которыми был снабжен флагман отечественной гражданской авиации ТУ-154; эти детали изготавливались, а, возможно, изготавливаются и сейчас в одном из лагерей Республики Коми.

И все же сегодня российским тюремам еще не удалось в задуманном объеме «увеличить производство различной конкурентоспособной продукции как на внутреннем, так и на международном рынках» – их производства устарели и морально, и физически. Вероятно, недостаточное финансирование и есть та причина, по которой эти производства до сих пор не переоборудованы. Жалобы на безработицу и связанные с нею трудности также стали постоянными и в письмах заключенных, адресованных в Центр содействия реформе уголовного правосудия. Проблема тюремной безработицы обострилась настолько, что в ее решении принимают участие даже правозащитные организации, прежде выступавшие за «отмену рабского труда в Гулаге». Причем активность этой части общества приняла нешуточные формы: в конце 1998 года ГУИН заявил о намерении заняться координацией деятельности примерно 200 общественных организаций, опекающих рос-

сийские тюрьмы, – кажется, с этой целью даже создается новая общественная организация при центральном аппарате ГУИН.

Тем не менее, поток жалоб на условия работы там, где производства еще функционируют (а возможно, и начали функционировать вновь после реконструкции, либо были созданы как принципиально новые индустриальные мощности), по-прежнему, не иссякает. И от писем тех времен, когда МВД СССР входило в пятерку союзных министерств, приносящих наибольшую прибыль, эти жалобы отличает только одно: дата на конвертах. Вот выдержка из подобного письма, написанного в 1999 году заключенными учреждения ЮУ-323/2 г. Липецка:

«Я прибыл в колонию 13.11.98 и по сей день нахожусь в карантине колонии. Администрация ИУ заставляет осужденных, находящихся в карантине, выполнять работу без оплаты труда более 12 часов в неделю. На работу выводят каждый день, кроме воскресенья. Осужденные убирают территорию на промзоне, разгружают вагоны, мою посуду в столовой, чистят картошку и т.д. К тому же администрация определяет этот труд, как обязательный для заключенных...

Тех заключенных, которые отказываются работать более 2 часов в неделю без оплаты, администрация подвергает жестокому избиению и водворению в ШИЗО. 18.11.98 был избит до потери сознания осужденный Пономарев Алексей Николаевич и водворен в ШИЗО на 15 суток. Медицинские работники ИУ признали у Пономарева факт сотрясения мозга и предоставили ему постельный режим 5 суток. В избиении Пономарева в кабинете отдела безопасности принимал участие ДПНК майор Другов и еще трое сотрудников ИУ.

1.12.98 по причине отказа от работы без оплаты труда были избиты осужденные Тутановшили Роман Шотаевич, Джорджилиани Мамука Владимирович и водворены в ШИЗО на 10 суток. В избиении принимал участие режимный работник Соколов Станислав и контролер...начальник отдела безопасности Навражин Виктор Васильевич дал указание: «Бить, пока не будут работать, но не особо сильно».

9.12.98 по той же причине был избит осужденный Кисляков Николай Николаевич и водворен в ШИЗО на 10 суток. Работникам медчасти ИУ с осужденного были сняты побои. В постановлении о применении спецсредств и наложенном взыскании указана причина, что «осужденный нецензурно выражался, оказывал сопротивление и т.п.» В избиении участвовал Навражин, режимные работники Яблоновский Андрей и С.Соколов.

После проведения проверок постоянно под музыку устраивается парадный марш... В законе говорится только о хождении строем, но не говорится о марше под музыку с равнением на администрацию. За отказ от маршрутовки под музыку осужденных после проверки избивают и водворяют в ШИЗО. Администрация ИУ поясняет свои действия, как «20-летнюю традицию».

На Всероссийском совещании-семинаре в Челябинске в марте 1998 года начальник производственного управления ГУИН МВД России подполковник внутренней службы Н.И. Баринов сообщил о следующем (Информационный бюллетень ГУИН МВД России №40 за 1998 г.; орфография и пунктуация оригинала сохранены):

«Впервые с 1992 года обеспечен стабильный ежемесячный рост объемов производства в УИС по сравнению с аналогичными периодами прошлого года (1-19%). Объем производства в сопоставимых ценах за 1997 год по сравнению с прошлым годом вырос на 7% (+300 млрд. рублей) и достиг 4,8 трлн. Рублей.

Удалось преодолеть негативные явления в производстве лесных подразделений УИС, связанных с падением объемов вследствие передачи функций охраны от внутренних войск в ГУИН и перепрофилированием более 1/5 лесозаготовляющих учреждений.

Количество неработающих осужденных из-за непредоставления работ уменьшилось за год на 44 тысячи... Балансовая прибыль от основной деятельности составила 251 млрд. рублей...Группа экспертов Совета Европы при посещении в прошлом году исправительных колоний Российской Федерации как особое достижение подчеркнула наличие производственной базы, позволяющей занять значительную часть осужденных полезным трудом.

...Принятое в 1995 году решение о развитии внутрисистемного рынка дало положительные результаты: *объем производства для нужд ОВД и ВВ увеличился со 142 млрд. рублей (7,8% от общего объема производства) до 887 млрд. рублей (20%) в 1997 году, или более чем в 2, 5 раза в сопоставимых ценах.*

...Учитывая ограниченные возможности федерального бюджета, приоритетной задачей становится привлечение инвестиций в промышленность УИС в основном из внебюджетных источников за счет организации взаимовыгодного сотрудничества с предприятиями и организациями различных форм собственности. В это связи подписанный Министром приказ №562 от 26.08.97 «О проведении эксперимента по привлечению инвестиций в промышленность УИС» дает предприятиям возможность на основе накопившегося опыта создать инвестиционную промышленную группу с учетом возможностей УИС.

В рамках реализации данного приказа Главком производится отработка оптимальных финансовых механизмов привлечения инвестиций.

В настоящее время 27 крупных коммерческих, кредитно-финансовых организаций и фондов, таких как ЗАО «Автокомплект», Российский центр конверсии «РОСКОНВЕРС-АЭРОКОСМОС», фирма «Фармарус», ЗАО «Контекс», Финансово-промышленная группа «Славянская бумага», Региональная общественная организация инвалидов и ветеранов спецназа МВД «Витязь», выразили согласие участвовать в деятельности ИПГ.

Есть договоренность с КБ «Российский кредит» о предоставлении для реализации отдельных программ кредитных ресурсов в объеме 500 млн. рублей ежегодно по упрощенной схеме кредитования.»

Насколько реальны перспективы легальной приватизации тюрем в России? Законом существование частных тюрем в России не предусмотрено. О моральных ограничениях в этом вопросе можно говорить лишь постольку, поскольку мораль вообще применима к бизнесу. Нелегальная предпринимательская деятельность, связанная с тюремными производствами, была в советское время одним из наиболее прибыльных преступных промыслов.

В октябре 1998 г. общая численность безработных в России составила 8,4 млн. человек (11,5% численности экономически активного населения); количество зарегистрированных безработных составило 1,8 млн. человек. Динамика преступности и безработицы находятся в теснейшей, статически выверяемой связи; социальное неравенство – главная причина преступности – усугубляется в России гораздо активнее, чем, например, в США – при том, что в России так и не созрел до сих пор «средний класс». Огромная часть социальной группы безработных представлена профессионалами высочайшей квалификации, готовыми к труду на модернизированных тюремных производствах; на подсобные работы сгодятся и молодые люди, уличенные в хранении наркотиков.

До поры эти производства простаивали, а нынешние безработные России торговали продукцией, которую производили, в частности, миллионы заключенных Китая – производили в системе лагерей, созданных при активном участии советских консультантов в 50-е годы; производили, активно подрывая советскую, а затем и ныне – российскую промышленность. Китайский ширпотреб и продукция более качественная потому в России и находит сбыт, что эта продукция изготавливается почти бесплатно, за миску вареного турнепса в день; армия российских безработных росла и растет отчасти по той же причине.

Только трех причин – огромного экономического потенциала тюремной системы России, проблемы безработицы и проблемы наркотиков – достаточно, чтобы «Гулаг западного образца» состоялся у нас, а не в странах Запада, способных извлекать уроки и из своевременных предупреждений в свой адрес, и из опыта России. Но для новой социальной катастрофы в России есть еще и другие причины...

Ю. Чижов

Список литературы

- Abel, P., V. Heberton, T. Thomas, and S. Wright, 1991. *The Technopolitics of Exclusion*. Unpublished paper prepared for the XIXth Annual Conference of the European Group for the Study of Deviance and Social Control. Potsdam, Germany, 4-8 September 1991.
- Абрамкин Валерий, 1998. *Поиски выхода. Преступность, уголовная политика и места заключения в постсоветском пространстве*. М.: Права человека, Центр содействия реформе уголовного правосудия, 1996.
- Adorno, T. W., Frenkel-Brunswik, Else Levinson, Daniel and Sanford, R. Nevitt, 1950. *The Authoritarian Personality*. N.Y.
- Andenäs, Johs, 1991. Lovmotiver og strafferett. *Lov og Rett*. 1991, pp. 385-387.
- Austin, James and Aaron David McVey, 1989. *The 1989 NCCD Prison Population Forecast: The Impact of the War on Drugs*. The National Council on Crime and Delinquency. Washington, USA.
- Balvig, Flemming 1990. *Mod et nyt kriminologisk samfundsbillede*. (Towards a new Criminological Perspective on Society). Jurist- og økonomiforbundets forlag, København.
- Bauman, Zygmunt 1989. *Modernity and the Holocaust*. Polity Press, Cambridge.
- Blumstein, Alfred 1991. Demographic Factors: Now and in the Future. *Growth and Its Influence on Correctional Policy*. Guggenheim Criminal Justice Program, Berkeley, USA.
- Boyd, David G. 1994. *Virtual Dual Use: Doubling the Value of Defense Research and Development*. National Institute of Justice, Washington.
- Bäckman, Johan 1998a. *The Inflation of Crime in Russia. The Social Danger of the Emerging Markets*. National Research Institute of Legal Policy. Helsinki.
- Bäckman, Johan 1998b. *The Inflation of Crime in Russia*. Presentation at a seminar organized by Scandinavian Research Council for Criminology, Espo, Finland.
- Бард, Кароли. Институт конституциональной и законодательной политики, Будапешт, Венгрия. *Альтернативные меры уголовного наказания*. Из кн.: «Альтернативы тюремному заключению в Республике Казахстан». Материалы международной конференции. М.: PRI, 2000.
- Brdal, Kere 1982. *350 narkoselgere* (350 Drug Dealers). Universitetsforlaget, Oslo.
- Christie, Nils 1952-53 *Fangevoktere i konsentrasjonsleire* (Guards in Concentration Camps). Articles 1952-53, book 1972.
- Christie, Nils 1987. Death and Crime. *Social problems and criminal justice*. 1987, pp.19-31.
- Christie, Nils 2000. A most uset'ull mafia. *Annual report from Institute of Criminology, University of Oslo*. Institute of Criminology, Oslo.
- Cohen, Stanley 1985. *On Visions of Social Control*. Polity Press, Cambridge.
- Cohen, Stanley 1992. *On Talking about Torture in Israel*. Manuscript. Cooley, Charles H. 1956 *Social Organization: A Study of the Larger Mind*. First edition (1909), reprint (1956). Schocken books. New York.
- Correctional Populations in the United States, 1996*. Bureau of Justice Statistics Bul-

- letin. U.S. Department of Justice, Washington April 1999.
- Coyle, Andrew 2000. *Supermax Prisons: A New American Phenomenon*. Manuscript. International Centre for Prison Studies. Kings College. University of London.
- Cunningham, William C., John J. Strauchs and Clifford W. Van Meter 1991. *Private Security: Patterns and Trends*. National Institute of Justice: Research in Brief, August 1991.
- Dahrendorf, Rait 1985. *Law and Order*. The Hamlyn Lectures; 37. Slevens & Sons, London.
- Dobroszycki, Lucjan 1984. *The Chronicle of the Łódź Ghetto 1941-1944*. Yale University Press, New Haven.
- Downes, David 1988. *Contrasts in Tolerance. Post-War Penal Policy in The Netherlands and England and Wales*. Claredon Press. Oxford.
- Durkheim, Émile 1966. *Suicide. A Study in Sociology*. Free Press, New York.
- Ericson, Richard V., Maeve W. McMahon and Donald G. Evans 1987. Punishing for Profit: Reflections on the Revival of Privatization in Corrections. *Canadian Journal of Criminology*, 1987, Vol. 29, No.4, pp. 355-387.
- Evans, Linda and Eve Goldberg 1999. *The Prison Industrial Complex and the Global Economy*. JusticeNet Prison Issues Desk. Prison Activist Resource Center, Berkeley.
- Fallner, Jamie and Marc Mauer 1998. *Losing the vote. The impact of felony Disenfranchisement Laws in the United States*. The Sentencing Project. Human Rights Watch.
- Farmer, Paul 1998 *Cruel and Unusual: Drug-Resistant Tuberculosis as Punishment*. Department of Social Medicine (manuscript). Harvard Medical School.
- Feeley, Malcolm M. 1991a. *The Privatization of Prisons in Historical Perspective*. Criminal Justice Research Bulletin. Sam Houston State University. 1991, No. 2, pp. 1-10.
- Farmer, Paul (manuscript) *Cruel and Unusual: Drug-Resistant Tuberculosis as Punishment*. Department of Social Medicine, Harvard Medical School. 1998.
- Feeley, Malcolm 1991b. The New Penology. Reformulating Penal Objectives and Implications for Penal Growth. *Growth and Its Influence on Correctional Policy*. Guggenheim Criminal Justice Program, Berkeley.
- Fridhov, Inger Marie 1988. *I all stillhet. En beretning om hvordan det oppleves å vente på bli satt i fengsel*. Mimeographed, Institute of Criminology, Oslo.
- Garland, David 1986. The punitive mentality: Its socio-historic development and decline. *Contemporary Crises*. 1986, Vol. 10, pp. 305-320.
- Giddens, Anthony 1984. *The Constitution of Society. Outline of the theory of structuration*. Polity Press, Cambridge.
- Giertsen, Hedda 1991. *On Giving Meaning to Murder*. Lecture to be published, University of Torino, May 1991.
- Gusfield, Joseph R. 1963. *Symbolic Crusade. Status Politics and the American Temperance Movement*. University of Illinois Press, Urbana, Illinois.
- Haan, Willem de 1991. Abolitionism and Crime Control: A Contradiction in Terms. In: Stenson, Kevin and David Cowell: *The Politics of Crime Control*. London.
- Harris, Marvin 1981. *Why Nothing Works. The Anilriopology of Daily Life*. Simon &

- Schuster, New York.
- Hayes, Peter 1987. *Industry and Ideology. I.G.Farben in the Nay Era*. Cambridge University Press, Cambridge.
- Helsinki Watch (A Division of Human Rights Watch) 1991. *Prison Conditions in the Soviet Union. A Report a/Facilities in Russia and Azerhaidzhan*. Helsinki Watch, New York.
- Henry, Alan D. and John Clark 1999. *Pretrial Drug Testing: An Overview of Issues and Practices*. Bureau of Justice Assistance Bulletin. U.S. Department of Justice. Office of Justice Programs. Washington.
- Hilberg, Raul 1985. *The Destruction of the European Jews*. Vol. I-III. Holmes & Meier, New York.
- Home Office 1990. *Crime, Justice and Protecting the Public. The Government's Proposals for Legislation*. Cm 965. HMSO, London.
- Hulsman, Louk 1974. Criminal Justice in the Netherlands. *Delta. A Review of Arts, Life and Thoughts in the Netherlands*. 1974, pp. 7-19.
- Human Rights Watch 1992. *Prison Conditions in the United States*. Human Rights Watch, USA.
- Human Rights Watch 1997. *Cold Storage. Super-Maximum Security Confinement in Indiana*. Human Rights Watch, USA.
- Illich, Ivan 1971. *Deschooling Society*. Harper & Row, New York.
- Illich, Ivan 1973. *Celebration of Awareness. A Call for Institutional Revolution*. Penguin Education, Harmondsworth.
- Illich, Ivan 1974. *Energy and Equity*. Calder & Boyars, London.
- Illich, Ivan 1976. *Limits to Medicine*. Marion Boyars, London.
- Illich, Ivan 1978. *The Riglit to Useful Unemployment and Its Professional Enemies*. Marion Boyars, London.
- Illich, Ivan 1982. *Gender*. Pantheon Books, New York.
- Illich, Ivan 1992. Needs. *The Development Dictionary. A Guide to Knowledge and Power*. Sachs, Wolfgang (ed.). Zed Books, London.
- Illich, Ivan and Barry Sanders 1988. *ABC: the Alphabetiwtion of the Popular Mind*. North Point Press, San Fransisco.
- Ingle, Joseph B. (with a Foreword by William Styron) 1990. *Last Rights. 13 Fatal Encounters with the State's Justice*. Abingdon Press, Nashville.
- Jasinski, Jerzy 1976. The Punitiveness of the Criminal Justice System. *The Polish Sociological Bulletin*. 1976, pp. 43-51.
- King, Roy D. 1994. Russian Prisons after Perestroika: End of the Gulag? *British Journal of Criminology*. 1994, pp. 62-82.
- Knepper, Paul and J. Robert Lilly. *The Corrections-Commercial Complex*. Paper presented at the Academy of Criminal Justice Sciences Conference, Nashville, Tennessee 1991.
- Ladurie, Emmanuel Le Roy 1978. *Montaillou. Cathars and Catholics in a French Village 1294-1324*. Scholar Press, London. (In French: *Montaillou: village occitan de 1294-1324*. Éditions Gallimard, Paris 1975.)
- Langan, Patrick A., and David P. Farrington 1998. *Crime and Justice in the United States and in England and Wales, 1981-96*. U.S. Department of Justice. Office

- of Justice Programs. Bureau of Justice Statistics, Washington.
- Langbein, John H. 1978-79. Torture and Plea Bargaining. *The University of Chicago Law Review*. 1978-79, pp. 3-22.
- Lapido, David 1999. *Regulating the American Labour Market. The Role of the Prison Industrial Complex. School of Sociology and Social Policy*. University of Nottingham. Paper presented at the 21st Conference of the International Working Party on Labour Market Segmentation, Bremen, Germany. 9-11 September, 1999.
- Lea, John and Jock Young 1984. *What is to be Done about Law and Order?* Penguin Books, Harmondsworth.
- Lifton, Robert Jay 1986. *The Nazi Doctors. Medical Killing and the Psychology of Genocide*. Macmillan, London.
- Lindqvist, Sven 1992. *Utrota Varennda Jävel*. Bonniers, Stockholm.
- Logan, Charles 1990. *Private Prisons. Cons and Pros*. Oxford University Press, New York.
- Lotke, Eric 1996. The Prison-Industrial Complex. *Multinational Monitor*. November 1996, pp. 18-21.
- Lång, K.J. 1989. Upplever fängelsesstraffet en renässans? Spekulationer om frihetsstraffets framtid. *Nordisk Tidsskrift for Kriminalvidenskab*. 1989, pp. 83-94.
- Mann, Coramae Richey 1982. The Reality of a Racist Criminal Justice System. *Criminal Justice Research Bulletin*. 1987, No. 5, pp. 1-5.
- Mathiesen, Thomas 1974. *The Politics of Abolition: Essays in Political Action Theory*. Scandinavian Studies in Criminology; 4. Scandinavian University Press, Oslo.
- Mathiesen, Thomas 1990. *Prison on Trial. A Critical Assessment*. Sage, London.
- Mauer, Marc 1991. *Americans Behind Bars: A Comparison of International Rates of Incarceration*. The Sentencing Project, Washington.
- Mauer, Marc 1999. *Race to Incarcerate*. The Free Press, New York.
- Mauer, Marc and Tracy Huling 1995. *Young Black Americans and the Criminal Justice System: Five Years Later*. The Sentencing Project, Washington.
- Messinger, Sheldon and John Berecochea 1991. Don't Stay Too Long But Do Come Back Soon. Reflections on the Size and Vicissitudes of California's Prisoner Population. *Growth and Its Influence on Correctional Policy*. Guggenheim Criminal Justice Program, Berkeley.
- Miller, Jerome G. 1996. *Search and Destroy. African-American Males in the Criminal Justice System*. Cambridge University Press, New York.
- Mitford, Jessica 1974. *The American Prison Business*. Alien & Unwin, London. Published in the US. 1971 as *Kind and Usual Punishment*.
- Morén, Kikki 1991. *Den europeiske festning? – Asylpolitikk og politisamarbeid mot 1992*. Institute of Criminology. Oslo.
- Morrison, David C. 1994. Robocops. *National Journal*. 1994, pp. 889-893. *National Update January 1992*. Bureau of Justice Statistics. National Update 1992. Vol. 1, No. 3. U.S. Department of Justice, Washington.
- Nauke, Wolfgang 1982. Die Kriminalpolitik des Marburger Programms 1882.

- Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft.* 1982, pp. 525-564.
- Novak, Michael 1982. Mediating Institutions: The Communitarian Individual in America. *The Public Interest.* 1982, pp. 3-20.
- Nozick, Robert 1974. *Anarchy, State and Utopia.* Basil Backwell, Oxford.
- Palmår, Carsten and Ola 1986. *Vladmir Vysotskij. Sånger 1959-80*, p. 104. Ordfront, Stockholm.
- Prisoners in 1998.* Bureau of Justice Statistics Bulletin August 1999. U.S. Department of Justice. Washington.
- Radzinowicz, Sir Leon 1991a. Penal Regression. *The Cambridge Law Journal.* 1991, pp. 422-444.
- Radzinowicz, Sir Leon 1991b. *The Roots of the International Association of Criminal Law and their Significance.* Criminological Research Reports by the Max Planck Institute for Foreign and International Penal Law, Freiburg, Germany. Vol. 45. 1991.
- Radzinowicz, Sir Leon. and Roger Hood 1981. The American volte-face in sentencing thought and practice. *Crime, Proof and Punishment. Essays in Memory of Sir Rupert Cross.* Tapper, C.F. (ed.). Butterworths. London.
- Ratusjinskaja, Irina 1988. *Grey is the Colour of Hope (Seryj svet nadezdy).* In Norwegian 1988. Cappelen, Oslo.
- Rawlinson, Patricia 1998. Mafia, Media and Myth. *The Howard Journal.* 1998, No. 43, pp. 46-358.
- Rawls, John 1973. *A Theory of Justice.* Oxford University Press, Oxford.
- Reno, Janet 1993. Opening Address at conference on «Law Enforcement Technology for 21st Century». *First presented at John Hopkins 1993 on a seminar on non-lethal Defence.*
- Robert, Phillipe 1989. The Privatization of Social Control. *Crime and Criminal Policy in Europe.* Hood, Roger (ed.). Centre for Criminological Research, University of Oxford.
- Rohn, Warren and Trish Ostroski 1991. Checking IDs. Advances in Technology Make it Easier to Monitor Inmates. *Corrections Today,* July 1991.
- Rosenthal, Uriel and Bob Hoogenboom 1990. *Some Fundamental Questions on Privatisation and Commercialisation of Crime Control. With Special Reference to Developments in the Netherlands.* Collected Studies in Criminological Research, Vol. XXVII. Council of Europe, Strasbourg.
- Rutherford, Andrew 1984 *Prisons and the Process of Justice. The Reductionist Challenge.* Heinemann, London.
- Sachs, Wolfgang 1992. *The Development Dictionary. A Guide to Knowledge as Power.* Zed Books. London.
- Scherdin, Lill 1990. *Sprøyten som språk. Injeksjonssprøyten i et kontrollpolitisk perspektiv.* Thesis. Institute of Criminology, University of Oslo.
- Schlosser, Eric 1998. The Prison Industrial Complex. *The Atlantic Monthly.* 1998. No. 6, pp. 51-77.
- Shearing, Clifford D. and Philip C. Stenning (eds.) 1987. *Private Policing.* Sage publications, Newbury Park.
- Simmel, Georg 1950. The Metropolis and Mental Life, and The Stranger. *The Sociol-*

- ogy of Georg Simmel*. Translated, edited and with an introduction by Kurt H. Wolf. The Free Press, Glencoe. Original edition: *Die Grosstadt*. Vorträge und Aufsätze zur Städteausstellung, Jahrbuch der Gehe-Stiftung 1903, 9, pp. 185-206 and Exkurs über den Fremden. Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung.
- Smith, Albert G. 1991. Arming Officers Doesn't Have to Change an Agency's Mission. *Corrections Today*. 1991, No. 4, pp. 114-124. *Sorcebook of criminal justice statistics 1997*. Bureau of Justice statistics. U.S. Department of Justice, Washington.
- Spitzer, Steven 1974. Toward a Marxian Theory of Deviance. *Social Problems*, 1974, pp. 638-651.
- Statistical Collection 1991. *Crimes and other offences in the USSR 1990*. Moscow.
- Steenhuis, D.W., L.C.M. Tigges. and J.J.A. Essers 1983. The Penal Climate in the Netherlands. Sunny or Cloudy? *The British Journal of Criminology*. 1983, pp. 1-16.
- Stern, Vivien 1987. *Bricks of Shame. Britain's Prisons*. Penguin, London.
- Stern, Vivien 1999. The Cells of Death. The Tuberculosis Epidemic in the Prisons of the Former Soviet Union. *Prison Sendee Journal*. July 1999, pp. 2-4. A more complete coverage can be found in: Stern, Vivien (ed): *Sentenced to die? The problem of TB in prisons in Eastern Europe and Central Asia*. International Centre for Prison Studies. London.
- Stimson, William A. 1991. A Better Design for Safer Detention on Death Row. *Corrections Today*. 1991. No. 4, pp. 158-159.
- Swaaningen, Rene van, John Blad, and Reiner van Loon 1992. *A Decade of Research on Norm Production and Penal Control in the Netherlands*. Working documents of the centre for Integrated Penal Sciences, Erasmus University. Centre for Integrated Penal Sciences, Rotterdam.
- The Corrections Yearbook. Instant Answers to Key Questions in Corrections 1991*. Criminal Justice Institute, New York.
- The Corrections Yearbook 1996*. Camille Graham Camp and George Camp (eds.). Criminal Justice Institute, New York.
- Tocqueville, Alexis 1990. *Democracy in America*. Vintage Books, New York.
- Tonry, Michael 1991. The Politics and Processes of Sentencing Commissions. *Crime and Delinquency*. 1991, pp. 307-329.
- Tuud, Patrik 1991. *15 years of Decreasing Prisoner Rates in Finland*. Mimeographed. The National Research Institute of Legal Policy.
- United States Senencing Commission. Annual Report 1989*. United States Senencing Commission. Washington.
- United States Senencing Commission. Guidelines Manual 1990*. United States Senencing Commission. Washington.
- von Hirsch, Andrew 1976. *Doing Justice*. Report of the Committee for the study of incarceration. Hill and Wang. New York.
- von Hirsch. Andrew 1982. Construction Guidelines for Sentencing: The Critical Choices for the Minnesota Sentencing Guidelines Commission. *Hamline Law Review*. 1982, pp. 164-215.

- Wamsley, Roy 1999. *World Prison Population List*. Home Office Research. Development and Statistics Directorate. Research Findings No. 88. Home Office, London.
- Weiss, Robert P. 1989. Private Prisons and the State. *Privatising Criminal Justice*. Matthews, Roger (ed.). Sage Publications, London.
- Wilbanks, William 1987. The Myth of a Racist Criminal Justice System. *Criminal Justice Research Bulletin*. 1987. No. 5. pp. 1-5.
- Wolfgang, Marvin E., Arlene Kelly. and Hans C. Nolde 1962. Comparison of the Executed and the Commuted among Admissions to Death Row. *The Journal of Criminal Law, Criminology and Police Science*. 1962. No. 3, pp. 301–311.
- Young, Jock 1989 Left Realism and the Priorities of Crime Control. *The Politics of Crime Control*. Stenson, Kevin and David Cowell (eds.). Sage, London.
- Young, Jock and Roger Matthews (eds.) 1992. *Rethinking Criminology: The Realist Debate*. Sage, London.
- Zimring, Franklin 1991. Correctional Growth in Context. *Growth and Its Influence on Correctional Policy*. Guggenheim Criminal Justice Program, Berkeley.
- «sterberg, Dag 1991. Universitet og vitenskap i dagens samfunn. *Universitetets idé gjennom tidene og i dag*. Wyller, Egil A. (ed.). Universitetsforlaget. Oslo. Also in *Samtiden*. No. 3, 1991.

Кристи Нильс

Борьба с преступностью как индустрия
Вперед, к Гулагу западного образца

2-е издание

Перевод с английского

Компьютерная верстка
и технический редактор

Гордеева Е.А.

РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия»

Адрес: 101000, Москва, Лучников переулок, д. 4, комн. 7.

Тел.: (495)621 0915. Факс: (495)621 1024.

e-mail: sodeistvie@prison.org web-site: <http://www.prison.org>

Директор Абрамкин Валерий Федорович.